

**Олег Агранянц**

**ЧТО ДЕЛАТЬ ?**

**или**

**ДЕЛЕНИНИЗАЦИЯ**

**НАШЕГО**

**ОБЩЕСТВА -**

**ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА**

**ДНЯ**

**ЧТО ДЕЛАТЬ?**  
**или**  
**ДЕЛЕНИНИЗАЦИЯ**  
**НАШЕГО ОБЩЕСТВА —**  
**ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ДНЯ**

**Oleg Agraniants**

**WHAT IS TO BE DONE?  
or  
DELENINIZATION  
OF OUR SOCIETY**

**Overseas Publications Interchange Ltd  
London 1989**

**Олег Агранянц**

**ЧТО ДЕЛАТЬ?**

**или**

**ДЕЛЕНИНИЗАЦИЯ  
НАШЕГО ОБЩЕСТВА —  
ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ДНЯ**

**Overseas Publications Interchange Ltd  
London 1989**

**Oleg Agraniants: CHTO DELAT'? ili DELENINIZATSIIA NASHEGO  
OBSHCHESTVA – GLAVNAIA ZADACHA DNIA**

**First Russian edition published in 1989  
by Overseas Publications Interchange Ltd  
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England**

**Copyright © Oleg Agraniants, 1989  
Copyright © Russian edition Overseas Publications Interchange Ltd, 1989**

**All rights reserved**

**No part of this publication may be reproduced,  
in any form or by any means, without permission.**

**ISBN 1 870128 31 1**

**Cover design by Andrzej Krauze**

**Printed and bound in Israel**

*В нашем обществе ничто не может измениться к лучшему до тех пор, пока из него не будет выкорчевано все, что связано с именем "Ленин".*



**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ**

**СССР – ГОСУДАРСТВО  
ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ**





## Глава первая

# СОЦИАЛИЗМ В СССР ПОСТРОЕН НЕ БЫЛ

### 1. СЕМЬДЕСЯТ ПОТЕРЯННЫХ ЛЕТ.

Летом 1917 года рабочие несли в Петрограде лозунг: "Ленин, мы не лягушки для твоих испытаний!"

М. Горький писал тогда: "Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть — что из этого выйдет?"<sup>1</sup>

Но "Аврора" ударила по Зимнему холостым зарядом, доблестные красногвардейцы сломили сопротивление женского батальона, и революция совершилась.

"Дело, за которое боролся народ, обеспечено!" — возвестил Ленин утром 25 октября. И через пару часов с присущим ему цинизмом, не моргнув глазом, написал резолюцию Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, где от имени Совета поддержал захват власти и приветствовал самого себя<sup>2</sup>.

Оставалось только ждать всемирной революции. "Совет убежден, — писал он в резолюции, — что пролетариат западноевропейских стран поможет нам довести дело социализма до прочной и полной победы"<sup>3</sup>.

По Марксу все казалось простым.

Как рассуждал Маркс? "Был феодализм. На смену ему приходит капитализм. На смену капитализму придет социализм".

Так ли это?

Может быть. Но даже сейчас, через семьдесят с лишним

лет после 1917 года, мы видим, что до конца капитализма пока еще далеко, очень далеко. Капитализм еще не исчерпал всех своих возможностей. Да и феодальные структуры оказались более живучими, чем это виделось в середине прошлого века.

Но Ленин торопился. Он положил на капитализм всего полтора века (конец 18-го — начало 20-го вв.). Он считал, что уже в начале 20-го века капитализм вступил в особую стадию — империализм, который является капитализмом "загнивающим", "умирающим" и который должен стать кануном пролетарской революции.

По Ленину получалось тоже очень просто: капитализм → империализм → социализм.

Основываясь на этой схеме, Ленин во время Первой мировой войны убедил своих сторонников в том, что империализм уже "загнил", "умирает", и поэтому достаточно одного толчка, чтобы он уступил место социализму, сначала в России, потом и в других странах. И он не колебался, когда представлялась возможность взять в свои руки власть, по его же словам, "валявшуюся на улице".

Но вот ведь незадача: в 1917 году капитализм не "умирал" и не "загнивал". Тем более в России, где он не только не добрался до своей "высшей стадии", но и еще едва завоевывал позиции в борьбе с феодальными структурами.

Вспомните, как яро в 90-е годы, всего за двадцать лет до революции, сам Ленин доказывал возможность (только возможность!) построения капитализма в России. Неужели за эти двадцать лет капитализм в России родился, вырос, успел дозреть до высшей стадии и обернулся кануном пролетарской революции?!

Ну а если не только "империализма", но и простенького капитализма-то по-настоящему не было в нашей многострадальной стране, то в какой социализм повел ее Ленин? Чью сторону в конфликте зарождающихся капиталистических структур с отмирающими феодальными он фактически принял?

"Слепые фанатики и бессовестные авантюристы", так

назвал Ленина и его окружение М. Горький. Они "сломя головы мчатся, якобы по пути к "социальной революции" — на самом деле это путь к анархии... *Рабочий класс должен знать, что чудес в действительности не бывает, что его ждет голод, полное расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею — не менее кровавая и мрачная реакция*"<sup>4</sup>.

Но не послушал русский пролетариат пророческих слов писателя, глубоко знавшего и любившего свой народ. Не поверил он и самому авторитетному русскому марксисту В. Плеханову.

Вот с каким письмом сразу же после 25 октября обратился к русским рабочим В. Плеханов.

"Наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти. *Навязать ему такую власть — значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем для всей России.* В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А с успехом он мог бы практиковать диктатуру только в другом случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист! Последствия и теперь весьма печальны. Они будут еще несравненно более печальными, если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или — еще хуже того — одной партией"<sup>5</sup>.

"Долго, очень долго будет длиться большевистское иго, — писал он позже, — но потом русский народ проснется и сбросит его".

После семидесяти лет тяжелого сна советское общество начинает просыпаться. И, как в известной сказке Андерсена, люди начинают говорить открыто: "Король голый. Советская власть не народная".

Никаких особых преимуществ у этой власти нет. Не смогла она за семьдесят лет выполнить данных ею обещаний. Не

дала она народу ни мира, ни хлеба, ни земли. Ни, тем более, свободы. И где гарантии, что за следующие семьдесят лет что-либо изменится?! Власть-то та же! И идолы те же!

А капитализм в других странах развивался естественным путем. Он не умер. Благодаря реформам, науке, высокому развитию менеджества он превратился в новую, высшую стадию — в регулируемый капитализм, в промышленное общество.

Ни в какое райское социалистическое общество ленинские теории не привели. Они были еще одной утопией оторванного от жизни кабинетного отшельника. Они не выдержали проверки временем. И не могли выдержать.

Никто больше не верит сюсюканьям про "прошлые" ошибки "прошлых" вождей и про непорочного, как Орлеанская дева, Ленина. Все это, как говорится, мы уже проходили.

Ничего кроме горя советская власть людям не принесла, она стала синонимом массовых убийств и произвола, довела до ручки одну из богатейших стран мира. Нашу страну.

И люди начинают говорить: "Хватит. Давайте по-другому. Семьдесят лет эксперимента — достаточно. Россия — не полигон для социальных испытаний!"

Семьдесят потерянных лет, семьдесят лет насилия над экономическими законами!

Как хочется сейчас власть имущим отмахнуться от этих семидесяти лет, заставить народ поверить в то, что теперь "все пойдет по-другому".

Помните, как в Красноярске М. Горбачев назвал свой приход к командному пульту? — "Власть переменялась".

Но переменялась ли?

Абсолютное большинство советских людей в это не верит. Не верит даже самым "правильным" словам генерального секретаря. Прежде всего потому, что он — генеральный секретарь ЦК КПСС. А генеральные секретари ЦК КПСС всегда обманывали.

Как хочется Горбачеву убедить людей, что режим честен

и сможет выкрутиться из политического и социально-экономического кризиса! Уж не ради этого ли прессе разрешили невиданные ранее вольности?!

И органы массовой информации, обгоняя друг друга, спешат воспользоваться послаблениями, в длительность которых не слишком верят, чтобы успеть хоть как-то разгрести авгиевы конюшни, вернуть истории хотя бы осколки навсегда погребенной правды, успеть выслушать еще живых свидетелей преступлений, дать трибуну тем, кто, не связывая себя с официальной идеологией, заинтересованно обосновывает необходимость изменения политической системы для того, чтобы вывести страну из кризиса наиболее безболезненным путем.

Раз уж история так распорядилась и мы все-таки оказались ленинскими лягушками (и пока еще ими остаемся), то не пора ли задать вопрос, что это за общество, в котором мы живем, по каким законам оно развивается, каковы его движущие силы?

## **2. КТО РЕАЛЬНО ЯВЛЯЕТСЯ СОБСТВЕННИКОМ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА И РАБОЧЕЙ СИЛЫ В СССР.**

Мы диалектику учили не по Гегелю (в мои годы в МГУ студентам Гегеля не выдавали), а по учебникам исторического материализма и политэкономии, перед доходчивостью которых у меня до сих пор, по сей день, сохранилось чувство благоговения.

Вышеназванные учебники учили нас приступать к решению вопроса об общественно-экономическом строе "по-марксистски", с определения, кому принадлежат средства производства.

Послушаемся учебников, попытаемся быть послушными марксистами и зададим вопрос: кто владеет у нас средствами производства? Чтобы не ошибиться в терминах, сначала откроем четырехтомный "Словарь русского языка" и посмотрим, как он определяет понятие "владеть". "Владеть", напи-

сано там, это "держать в своей власти", "управлять". Итак, кто у нас держит в своей власти, кто управляет средствами производства?

Начнем с промышленности.

Кто "держит в своей власти" завод, кто "управляет" заводом? Директор. Он может принять единоличное решение по основным вопросам функционирования завода. Он может выслушать мнение своего аппарата, может не выслушать. Не только простые рабочие, но и инженеры никакими конкретными правами для того, чтобы участвовать в принятии решений, не обладают. Все решения директор принимает (или может принимать) единолично.

Однако директор — далеко не полный владелец завода, он действует только "в рамках своих полномочий". Это означает не только то, что он ограничен инструкциями, законами, но и, прежде всего, что без разрешения министерства, а точнее, главка или — для крупного завода — самого министра он не может ни начать крупных работ, ни изменить номенклатуру выпускаемых изделий, ни поменять предприятие, которое поставляет ему сырье.

Является ли министр хозяином завода, входящего в его отрасль? Держит ли он этот завод в своей власти, "управляет" ли он им?

Конечно, до конкретного определения действий того или иного инженера или рабочего министр не доходит, так же как не доходит до этого и владелец крупного завода в капиталистической стране. Но главное — в руках министра. Не директор, а он распределяет прибыль. Не директор, а он определяет, как развиваться заводу. И выступает он по отношению к директору завода как владелец, нанявший директора для конкретной работы.

Поэтому, несмотря на то, что на поверхности "хозяином" завода выступает директор, на деле он только "нанят" министром и может пользоваться только делегированным ему "пакетом полномочий". Да и сам он в любой момент может быть смещен.

Таково же положение у директора совхоза, у начальни-

ков конструкторского бюро и мелкой артели. Только для них путь до министра дольше.

Ну а кто у нас хозяин земли? Крестьянин землей не владеет; он не обладает правом решать, что сеять; средства производства ему не принадлежат.

Если кто-то сверху сочтет необходимым построить завод или дачу для своих родственников на его земле, ни у крестьянина, ни у председателя колхоза мнения не спросят. Помните, как прощались с Матерой?

Таким образом, и здесь мы видим ту же картину: ступенчатое делегирование права на владение.

И здесь, поднимаясь по лестнице, мы доходим до соответствующих министров.

Но ведь и министры не являются полными владельцами. Они тоже в такой же степени "наняты", как и директора заводов, и могут быть в любой момент заменены. Они тоже не могут сами решать, в каком направлении развивать промышленность, которой руководят. Они не располагают финансовой свободой, такой, какой располагают хозяева предприятий в капиталистической стране.

Все эти вопросы решаются Политбюро ЦК КПСС. Оно-то и "держит все в своей власти". Оно "управляет". Оно, стало быть, и является владельцем. Владельцем, который по своему усмотрению может закрыть завод, перевести его в другое место, "нанять" нового министра. Оно, конечно, не будет заниматься мелочами. Но нет ничего такого, чего Политбюро не могло бы!

Таким образом, мы можем сказать, что *фактическим владельцем всех средств производства в СССР является Политбюро ЦК КПСС.*

Посмотрим, как обстоит дело с правом на владение рабочей силой.

На первый взгляд кажется, что у нас существует свободный рынок рабочей силы. Разберем этот вопрос поподробнее.

Вплоть до 60-х годов у советских крестьян не было пас-



портов, они не имели права по своему усмотрению менять ни место жительства, ни место работы.

А рабочие?

”С июля 1940 года под страхом тюрьмы никто не мог самовольно менять место работы, отказываться от сверхурочного труда”<sup>6</sup>.

Вы можете возразить, дорогой читатель: такого сейчас нет. Верно, нет.

Но есть ли у вас гарантия, дорогой читатель, что завтра подобные указы снова не будут введены? Вы выйдете протестовать на улицу?

Но главное не в этом. Свободный рынок рабочей силы предопределяет свободу выбора хозяина. К СССР это неприменимо. Ибо хозяин у нас один. Тот, кому принадлежит земля, недра, заводы, фабрики, учреждения. Тот, кому принадлежат все средства производства, — Политбюро.

Поэтому он, хозяин, знает, что мы никуда от него не денемся, все равно будем работать на него.

Он регулирует наше место жительства, он заставляет нас иметь паспорт и отмечаться о прибытии в любой город. Хозяин должен в любой момент знать, где находятся его люди. На то он и хозяин.

В большинстве стран мира не существует внутренних паспортов. Практически ни в одной другой стране нет системы прописок. Я помню, как два переводчика никак не могли перевести на французский язык слово ”прописка”.

И что бы ни говорили, но наша паспортная система направлена ”не на борьбу с перенаселением больших городов и не против жуликов, она направлена против нас с вами”. Это слова советского юриста В. Васильева<sup>7</sup>.

Основу этой системы составляет прописка. В ней, по выражению того же Васильева, ”слышатся отголоски крепостничества”.

”Истинная цель паспортной системы и системы прописок, — пишет Васильев, — ограничение свободы передвижения. Какая уж там свобода, если в пункте 26-м Положения о паспортной системе прямо сказано, что ”регистрация гражд-

дан, прибывших из одной местности в другую на срок до полутора месяцев, проводится не позднее трехдневного срока со дня прибытия"! А в пункте 34-м этого же положения и вовсе заявляется, что "граждане, проживающие без прописки, подвергаются штрафу". Вот тебе, бабушка, и свобода передвижения"<sup>8</sup>.

Раньше, правда, говорили: "Вот тебе, бабушка, и Юрьев день", что означало запрещение уйти от помещика. По делу переиначил поговорку Васильев!

При этом, если вы очень не нравитесь властям, вас могут лишить прописки. Такие случаи бывали. Сейчас, к счастью, реже. Но А. Д. Сахаров — наш с вами современник. Правда, есть и обратные примеры. Если хозяину нужны работники, то вступает в действие правило "в порядке лимита".

Словом, уже не крепостничество, но!..

Посмотрим теперь, как делегировано право на контроль за нашими перемещениями.

Вопросы паспортного режима и прописки входят в компетенцию милиции. Милиция полностью подчинена исполкому. Исполком определяет наше право на проживание в той или иной местности, он же решает наши "жилищные проблемы". Но исполком не только работает под прямым руководством соответствующего партийного органа, но и фактически является одним из его отделов.

Таким образом, инстанциями, которые определяют, где нам жить и в каких условиях, являются городские, районные и областные комитеты партии.

Главный хозяин регулирует наше положение и по отношению к средствам производства.

Важным элементом этого регулирования является система характеристик.

Ни в одной другой стране не пишется столько характеристик. Во многих странах характеристики запрещены законом.

Система характеристик — важное условие регулирования рабочей силы. Чем важнее, престижнее работа, тем "чи-

ще” должна быть ваша характеристика. Кроме того, вам лишний раз показывают, кто есть над вами надсмотрщик и что с вами может произойти, если он не будет доволен вами.

Сейчас для работы, связанной с тяжелым физическим трудом, характеристик не требуется. Приходи, возьмут любого. А что будет завтра? Безработица стучится к нам в двери. Тогда и на место дворника будут требовать характеристику, подписанную ”треугольником”.

Характеристика — это не только перечисление качеств работника, но и, прежде всего, урок для остальных и для него самого. Оценка, составленная по строго определенным правилам, где такие качества, как ”ум”, ”порядочность” — не упоминаются. Главное — как ты служил главному Хозяину, с каким рвением. И, конечно, каков твой ”морально-политический облик”, иными словами, что ты думаешь о Хозяине.

Характеристики пишутся секретарями первичных партийных организаций и утверждаются на заседаниях партбюро. Характеристики для поступления на режимные предприятия, для поездок за границу ”заверяет” райком партии.

Таким образом, райком или по его поручению бюро вашей первичной партийной организации выступает в качестве органа власти, которому делегировано право на оценку вашей личности с точки зрения ее использования в интересах Хозяина.

А если ко всему этому добавить систему личных и групповых отчетов на партсобраниях и на партбюро, систему политпросвещения, то можно прийти к заключению, что партийные организации выполняют при нас, членах партии и беспартийных, не только функции надсмотрщика, но и пользуются делегированной им властью на нас как на личность. На наши души, как сказали бы раньше.

Следовательно, вы как личность можете свободно перемещаться по стране и занимать любые должности, но только в рамках права на прописку и согласно вашей характеристике. Контроль за тем и другим возложен на соответствующие партийные организации.

Таким образом, в отличие от хозяйственных органов, которые пользуются делегированной им собственностью на наше "тело" — на наш карман и на наше время, — партийные органы пользуются делегированной им властью над нашими душами.

Структура делегирования этой власти хорошо известна: Политбюро → первый секретарь обкома или республики → первый секретарь райкома → население.

Сложными представляются взаимоотношения носителей собственности и носителей власти. Так, секретарь райкома не имеет права дать указание руководителю самого незначительного предприятия истратить какую-либо сумму, так как только руководитель предприятия является материально ответственным лицом, то есть имеет делегированное владение на имущество.

Однако, если это предприятие "районного значения", секретарь райкома может отказать руководителю в партийном доверии, что на практике означает "перенаем" руководителя, "перевод" его на другое место, вывод из "номенклатуры", то есть прекращение его существования как директора.

Беспартийный работник может уйти с предприятия по своему усмотрению. Однако член КПСС обязан получить разрешение на "снятие с учета". Теперь эта процедура проводится формально. Однако право не "снять с учета" у райкома партии остается. А так как абсолютное большинство лиц, занимающих руководящее положение, члены партии, то райком в принципе имеет право ограничивать свободу перемещения руководящего хозяйственного звена.

Таковы же взаимоотношения первого секретаря обкома с директорами предприятий областного масштаба.

Таким образом, если владельцем всех средств производства, которые находятся на заводе, выступает министр, то владельцем самого директора — и опосредственно всего аппарата директора — выступает секретарь обкома.

И обе линии: директор → министр и директор → первый секретарь замыкаются на одном владельце — Политбюро.

Несколько слов о бюро обкома партии.

Почему в звене "бюро обкома → первый секретарь обкома" я выдвигаю на первое место первого секретаря, а в звене "Политбюро → первый секретарь ЦК" на первое место выдвигаю Политбюро?

Потому что Политбюро и бюро обкома — институты совершенно разные.

Во-первых, члены бюро обкома имеют только опосредственную кадровую власть по отношению к персоналу предприятий в своей области. Политбюро определяет кадровую политику по отношению ко всем нижестоящим организациям без исключения.

Во-вторых, члены бюро обкома не имеют финансовых прав по отношению к предприятиям своей области. Политбюро является высшей финансовой инстанцией для всей страны.

В-третьих, в состав бюро обкома могут входить люди, независимые от первого секретаря, например, директор крупного завода. В то время как члены Политбюро не имеют других руководителей, кроме генерального секретаря.

Политбюро ЦК КПСС — это уникальный институт, не имеющий прецедентов в истории. Политбюро не только является владельцем всех средств производства, но и обладает полной и неконтролируемой властью над всеми гражданами СССР. Достаточно одного факта рождения на территории СССР для того, чтобы человек был обязан выполнять все решения Политбюро.

Только наивные иностранцы верят во власть Верховного Совета и правительства. Мы же с вами, дорогой читатель, знаем, что вся власть у нас в стране принадлежит Политбюро. Решение Политбюро, или, как у нас говорят, решение "инстанции", — высший закон для любого советского учреждения, любого советского гражданина.

И пока что никакие, на первый взгляд, революционные постановления такого положения дел не меняют. Какими бы полномочиями не наделили Председателя Президиума Вер-

ховного Совета последние поправки к конституции, все равно главным штабом, основной "кухней" остается Политбюро.

"Инстанция", и только она, решает, что и где будет строиться, кто и чем будет руководить. Без решения "инстанции" нельзя направить за границу ни одну делегацию. Бывали случаи, когда судьи на финальные кубковые матчи по футболу назначались на Политбюро. В министерстве иностранных дел я много раз принимал участие в подготовке проектов "решений инстанции", решений, обязательных для всех советских учреждений.

Власть Политбюро узаконена. Законы эти — "законны", так как "узаконены" Верховным Советом, Советом Министров и самим Политбюро. Но они не публикуются.

Политбюро пользуется властью бóльшей, чем какой-либо самодержец Руси. Так, император не имел права на частную собственность людей, не мог вмешаться в решение суда. Политбюро конфискует земли, переделывает приговоры. Это все слишком хорошо известно.

Как истинный владелец тел и душ, Политбюро — едино в трех лицах.

Оно принимает законы, обязательные для всех, и, принимая их, ни перед кем не отчитывается.

Оно вершит суд. Оно назначает прокурора и судей и указывает им, как надо себя вести.

Оно осуществляет исполнительную власть, то есть практическое руководство всей жизнью страны. Так же ни перед кем не отчитываясь. (Надеюсь, никому не придет в голову считать отчетами то, что происходит на съездах партии. Помните, как лихо "отчитывался" на 26-м съезде Брежнев голосом диктора телевидения И. Кириллова?)

Но не слишком ли я завышаю роль Политбюро? Не является ли оно просто исполнительным органом в руках генерального секретаря ЦК КПСС? Слишком уж часто мы видели, как генеральные секретари "подминали" под себя Политбюро. И нельзя ли из этого сделать вывод, что на самой вершине власти в СССР находится не Политбюро, а генеральный секретарь?

Мы уже говорили о том, что власть Политбюро "узаконена". Положение генерального секретаря законодательно никогда не закреплялось. Даже на уровне Политбюро. Оно "складывалось". Сталин не имел никаких узаконенных прав. Никаких.

Поэтому, если даже абсолютная власть в стране принадлежит генеральному секретарю, то это не меняет самой структуры власти. На самой вершине по-прежнему стоит Политбюро. *И если диктатор осуществляет над Политбюро полный контроль, то это является только выражением распределения власти внутри Политбюро.*

Сама структура советской власти такова, что очень часто партдиктаторы присваивали себе право выступать от имени Политбюро, от имени законной власти. Однако все они, в том числе и Сталин, не забывали проштамповывать единолично принятые ими решения подписями членов Политбюро. Никто из них — ни Ленин, ни Сталин, ни Брежнев — никогда не говорил: "Я решил". Общая формула остается единой для всех: "Политбюро решило".

### **3. СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА — ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ**

Итак, собственность на средства производства у нас принадлежит Политбюро и делегируется вниз по рассмотренным нами схемам.

В последнее время при характеристике нашего общественно-экономического уклада все чаще употребляют слово "феодализм". Попробуем вспомнить, как определяют это понятие наши учебники. "Экономическая сущность феодальной собственности на средства производства состоит в том, что непосредственные производители, крестьяне, не имеют земли, т. е. главного средства сельскохозяйственного производства"<sup>9</sup>.

Посмотрим окрест. Имеют у нас непосредственные производители — крестьяне — землю? Нет. Кому принадлежит земля, мы уже рассмотрели выше.

А как с орудиями труда, элементарными сельскохозяйственными орудиями, рабочим и нерабочим скотом? В традиционных феодальных структурах они принадлежали непосредственным производителям — крестьянам. Теперь крестьянину больше не доверяют иметь собственный трактор, собственную косилку. И не потому, что средства производства стали сложными.

Более того, во время коллективизации у крестьянина отняли то, что он имел. Отнимали и потом. И это не были шаги вперед от феодализма к капитализму, а наоборот — шаги назад от феодализма к рабовладельчеству.

Нигде, ни в одной стране, ни один феодал не додумывался до того, чтобы отнять у своих вассалов личное имущество, как это было сделано у нас в 30-е годы.

Вспомним, дорогой читатель, что такое "отработочная рента". Это изготовление "основного прибавочного продукта (то есть прибыли) в барском поместье". Это у нас есть. Именно так характеризуют теперь крестьянский труд в совхозе или колхозе.

Но тот же учебник политэкономии подскажет нам, что отработочная рента — это низшая форма сельскохозяйственной ренты. Высшая форма ренты — рента продуктами (натуральный оброк), деньгами. До этого мы еще не доросли, у нас это запрещено. Потому что тут находимся мы на очень низкой ступени феодализма.

Но это сельское хозяйство. А как с другими областями?

*Если в сферу феодальной структуры традиционного феодализма было вовлечено только сельское хозяйство (это и понятно, времена были другие), то в сферу феодальной структуры нового феодализма вовлечена не только земля, но и промышленное производство.*

И здесь мы видим такое же положение, как в сельском хозяйстве: ступенчатое, феодальное делегирование права на владения от высшего феодала — Политбюро — вниз.

Но при слове "феодализм" мы сразу вспоминаем крепостное право, крепостническую Россию, торговлю крепостными. Этого в СССР нет.



Но, во-первых, не везде при традиционном феодализме существовало такое право.

А во-вторых, так ли уж и нет.

Мы с вами уже вспоминали о том, что вплоть до 60-х годов советские крестьяне были прикреплены к земле (слово "крепостной" происходит от слова "прикрепить"); у них не было паспортов, они не имели права менять место работы. Вспоминали и то, что и другие работники долгое время не имели права самовольно менять место работы, отказываться от сверхурочного труда. Понятно, что одним или двумя указами Политбюро, отменяющими подобное положение, переделать целую социально-экономическую формацию нельзя.

И, наконец, в-третьих. Хозяин у нас один, и он не может продавать нас самому себе.

Все это убеждает нас в том, что советское государство представляет собой особую форму феодальной структуры, на самой вершине которой стоит группа партократов.

Таким образом, *основной экономический закон советского общества заключается в производстве прибавочного продукта, созданного посредством эксплуатации трудящихся всех категорий и присваиваемого феодалом — в лице главного феодала Политбюро и расположенных по иерархической лестнице ниже партфеодалов — в форме полного присвоения всей прибыли и распределения ее малой части среди трудящихся таким образом, чтобы сохранить им физическую возможность для работы.*

Прибавочный труд трудящегося в СССР выступает в форме принудительного труда на партфеодала и осуществляется под прямым надзором его представителя — в лице директора, и надсмотрщика — в лице секретаря парткома.

Каково историческое место партфеодализма?

Это не новый способ производства, а только стадия в развитии феодализма. Это — тупиковый путь развития общества, который в нормальных условиях эволюционирует от традиционных феодальных структур в сторону капиталистических.

Так и хочется сказать: "Партфеодализм как высшая стадия феодализма".

Каковы же черты, общие для советского партфеодализма и традиционного феодализма?

Р. Бахтамов вплотную подошел к мысли о том, что советский строй является только видоизменением феодализма. Он определяет сходство между советским партфеодализмом и традиционным феодализмом. Правда, для него это — только "совпадения". Он не сделал небольшого шага вперед, чтобы признать, что советский неофеодализм, "партийный феодализм", — это одна из форм феодализма. Но описал он эти "совпадения" настолько емко и четко, что вывод напрашивается сам<sup>10</sup>.

Проанализируем эти "совпадения". Какие черты традиционного феодализма сохранил в себе партфеодализм?

*В экономическом плане советское общество сохранило от традиционного феодализма неразвитость товарно-денежных отношений, отсутствие рынка, неразвитость фискальной системы, отсутствие регулирования производства при помощи банков, барщину в колхозах.*

Возникнув в стране, которая только-только выходила из феодального состояния, советская власть в самые первые дни своего существования уничтожила саму сферу товарно-денежных отношений, отменила банковское регулирование экономики. Рынок сузился и практически исчез, не получила какого-либо развития налоговая система.

Будучи феодальной по своей сущности, советская власть не могла мирно ужиться с наличием элементов враждебного ей, более передового общественно-экономического уклада, капиталистического. Со всем тем, чего достигла Россия за два десятилетия до Октябрьской революции (а достигла она многого), было покончено за несколько лет.

*В политическом плане советский строй сохранил от традиционного феодализма соединение исполнительной, законодательной и судебной власти в руках одного главного феодала — Политбюро, делегирование власти по иерархии от высшего партфеодала до низших, абсолютизацию государства, непогрешимость партимператора, произвол в отношении расположенных ниже по иерархической лестнице.*

Возникнув на основе непоследовательно выходящего из состояния крепостничества государства, советская власть не только полностью унаследовала все варварские обычаи царизма, но и сразу же отменяла все прогрессивное, что было введено при нем (многопартийность, суд присяжных).

*В социальном плане советский строй сохранил от традиционного феодализма отсутствие социальных гарантий трудящихся, отсутствие профессиональных союзов, защищающих права трудящихся, доведенный до абсурда национализм и недоверие к иностранцам.*

Ликвидировав демократические формы, которые довольно нерешительно и зачастую двусмысленно вводило царское правительство, советская власть сразу же придала своей диктатуре особо зловеще-средневековый характер. Только за один месяц 1938 года было казнено людей больше, чем за триста лет правления дома Романовых.

Каковы же особенности партфеодализма, его отличия от традиционного феодализма?

О *первой, главной особенности* мы уже говорили. Если в сферу феодальной структуры традиционного феодализма было вовлечено только сельское хозяйство, то в сферу феодальной структуры нового феодализма вовлечена не только земля, но и промышленное производство.

*Вторым отличием* советского строя от традиционного феодализма является вкрапление в его экономику дофеодальных, рабовладельческих форм.

Основой производственных отношений рабовладельческого общества являлась полная собственность рабовладельца как на средства производства, так и на самого раба и на всю произведенную им продукцию. Рабовладелец оставлял рабу лишь столько, сколько ему требовалось, чтобы не умереть с голоду.

Мы должны признать откровенно, что *вот уже семьдесят лет раб под названием "заключенный" составляет одну из главных производительных сил советского общества.* "Ими освоены Колыма и Полярное Приамурье, Сибирь и Ка-

захстан, воздвигнуты Норильск, Воркута, Магадан, проложены северные дороги — всего не перечислишь... В Приполярье работнику надо дать как минимум ватник, валенки, рукавицы. Всего этого не хватало. Заключение использовали здесь две недели — опыт показал, что именно такой срок он способен проработать в той одежде, в которой был взят из дому”<sup>11</sup>.

По сравнению с рабами советскими, рабы римские жили просто-таки в райских условиях.

Что бы ни говорили о положении заключенных при советской пенитенциарной системе, но ”работа подконвойных остается классической формой насилия”<sup>12</sup>. Заключение были и остаются полными рабами. Они принадлежат главному рабовладельцу — Политбюро, которое делегирует свою власть иерархично вниз, вплоть до начальника лагеря.

При этом, если для того, чтобы получить раба при рабовладельческом строе, нужно было его купить, Политбюро может получить рабов столько, сколько сочтет нужным.

Архипелаг ГУЛаг был, есть и остается частью страны, частью системы. Системы, где существует рабовладельчество. И где никто не гарантирован, что завтра не окажется рабом.

*Третье отличие* советского строя от традиционного феодализма состоит в том, что если крестьянин в типично феодальном обществе был заинтересован в повышении производительности труда в своем хозяйстве, так как оно служило средством его существования, то в Советском Союзе ни крестьянин, ни рабочий не заинтересованы в повышении производительности труда.

Маркс охарактеризовал феодализм как систему внеэкономического принуждения. Как тут не вспомнить недавний лозунг: ”Экономика должна быть экономной”.

*Четвертое отличие* советского строя от традиционного феодализма состоит в том, что если при классическом феодализме крестьяне и ремесленники имели какое-то личное хозяйство, то при партфеодализме личное хозяйство не поощряется. Вспомните законы, запрещавшие владение личным скотом.

И, наконец, *в-пятых*. Особенностью партфеодализма является доведенный до абсурда контроль над культурной и духовной жизнью общества. Ни один феодал не мог додуматься до того, чтобы контролировать, какие песни поет его вассал, какую религию он исповедует.

Уверенность в том, что социализм у нас в стране не построен, похоже, разделяют теперь многие. В том числе видные советские экономисты.

Послушайте, что пишет в "Новом мире" Н. Шмелев: "У нас пока еще господствует представление, что сложившаяся в стране система хозяйственных отношений, включая и структуру собственности, — это и есть воплощение марксизма-ленинизма на практике, воплощение, полностью отвечающее природе социализма как общественного строя"<sup>13</sup>.

Значит, не является "сложившаяся в стране система" "воплощением, отвечающим природе социализма". Или, по-просту говоря: нет у нас социализма.

А что есть?

Есть построенное Лениным государство, есть ленинщина.

Само понятие "социализм" во многих странах толкуется по-разному. Кто только ни строил социализм. Даже Гитлер. Его партия называлась "Германская национал-социалистическая рабочая партия". Был даже "лирический социализм" — это в Африке, у Сенгора.

Ну а какой социализм строили мы? Помним мы и железные сталинские формулировки, и хрущевское "максимальное удовлетворение постоянно растущих потребностей", и кокетливый суловский развитый социализм. Что выбрать?

Остановимся на определении социализма из четырехтомного "Словаря русского языка"<sup>14</sup>.

«Социализм, — написано там, — это общественный строй, который характеризуется общественной собственностью на средства производства, отсутствием эксплуатации человека человеком, планируемым в масштабах всего общества товарным производством, при котором осуществляется принцип: "от каждого по способностям, каждому по его труду"».

Итак, во-первых, "общественная собственность на средства производства". Во-вторых, "отсутствие эксплуатации человека человеком". В-третьих, "товарное производство, планируемое в масштабах всего общества". В-четвертых, принцип: "от каждого по способностям, каждому по его труду".

Начнем с "общественной собственности на средства производства".

Верите ли вы, дорогой читатель, что средства производства находятся у нас в "общем пользовании"? Что вы и есть один из хозяев предприятия, на котором работаете? Сколько раз вы давали указания вашему слуге-директору?

"Ни во времена Грозного, ни сейчас в странах, не прошедших через национализацию частной собственности, бюрократия не имела (не имеет) возможности распоряжаться основной массой средств производства. Это очень существенный нюанс для понимания специфичности этапа, лежащего между экспроприацией средств производства и их социализацией, то есть выработкой реальных механизмов народо-властия"<sup>15</sup>.

Возьмем, к примеру, завод. Кому он принадлежит? Юридически он принадлежит обществу, рабочим, которые на нем работают, даже нам с вами. Помните незабвенного товарища Дынина? "Дети, вы хозяева лагеря".

Но самая немудреная житейская практика подсказывает нам, что рабочие управляют заводом, где они работают, так же как несчастные узбеки управляли совхозом, во главе которого стоял верный ленинец Адылов, носивший, кстати, портрет Ильича в виде ордена на своей партийной груди.

Но пойдем дальше. "Отсутствие эксплуатации человека человеком".

Помните грустную шутку: "При капитализме человек эксплуатировал человека, а при социализме наоборот". И скажите, те, кто "не сеют, не пахут, не строят", они эксплуататоры или нет? А весь многотысячный бюрократический аппарат, это — кто? Скромные труженики? А капитан-дирек-

тор флотилии "Слава" А.Соляник, на кораблях которого песня "Раскинулось море широко" воспринималась, как рассказ о привольной жизни моряка? Не могу не привести отрывка из статьи в "Известиях".

"Матрос Дмитрий Чегорский поднялся по костыльному трапу прочищать кожи в жирозаводе... Через несколько минут упал. Бросились к нему; но Чегорский не потерял сознания, а умер от теплового удара... Они мне показали площадку, где работал Чегорский. Она метра на три выше рабочего места жироваров, а у них в ту прохладную ночь было 52 градуса жары. Но там, как в парной — чем выше, тем выше температура"<sup>16</sup>.

В той же статье имеется пример и "общественной собственности на средства производства".

"Иван держался... Тропическое солнце набирало высоту. Разделочная палуба гудела. Мокрые, в китовой слизи люди резали, пилили, растаскивали крючьями распотрошенные части туши, загружая котлы. Близ надстроек, взад-вперед, качаясь, брели люди с матрацами. Это ночная смена. Иван искал место в тени. И те, кто работал, и те, кто с матрацами, то и дело злобно поглядывали в одно и то же место. Иван знал, куда они смотрят. Он не хочет туда смотреть, но поднимает мутные глаза и видит: режутся, гоняясь друг за другом, и прыгают в бассейн, сооруженный на аварийном мостике, Соляник и Светлана. Бассейн — сюрприз для Светланы — сделан по приказу Соляника". Такого не увидишь теперь даже в плохом советском фильме про "ужасы" капитализма!

Идем еще дальше. "Товарное производство, планируемое в масштабе всего общества".

Вот здесь, пожалуй, согласиться можно. Что-что, а "товарное производство, планируемое в масштабе всего общества", у нас действительно организовано. К этому так стремился Ленин. В своей работе "Империализм как высшая стадия капитализма" он восторгался мыслью А.Сен-Симона. Напомню эту мысль.

”Направлять производство будут не изолированные предприниматели, независимые друг от друга, не знающие экономических потребностей людей; это дело будет находиться в руках известного социального учреждения. Центральный комитет управления, имеющий возможность обозревать широкую область социальной экономики с более высокой точки зрения, будут регулировать ее так, как это полезно для всего общества, и передавать средства производства в подходящие для этого руки, а в особенности будет заботиться о постоянной гармонии между производством и потреблением”<sup>17</sup>.

Мечта Ильича сбылась. Есть у нас ”известное социальное учреждение”. Обозревает оно широкую область экономики ”с более высокой точки зрения”. Зовут это учреждение Госпланом. Сен-Симону легче, с него не спросишь, он утопист, его дело – утопии. А нам расхлебывать. И не только нам. Помните: ”Госплан – самое страшное советское оружие, оно может разрушить любую страну за год”.

И последнее. ”От каждого по способностям, каждому по его труду”.

О том, как оценивают у нас в стране по способностям и как оплачивают по труду, знает каждый.

Вот как излагает эту проблему Ю. Черниченко: ”Сумма экономических ценностей перевернута с ног на голову: чем выше у тебя образование, чем выше твой университетский статус, тем меньше ты получаешь. Обычная продавщица-зеленщица зарабатывает на уровне профессора”<sup>18</sup>.

Снова процитируем статью из ”Известий” про капитана-директора А. Соляника.

”Солянику – пятьдесят четыре, а ей двадцать семь. Он возит ее с собой, установил для нее фиктивную должность с огромным окладом”. Или там же: ”Жене своего сына Геннадия установил большой оклад. Она тоже Светлана, и ей тоже двадцать семь лет. Она киноактриса. Уже в трех фильмах участвовала. Она очень смеялась, когда ее назначили марсовым матросом и выдали настоящее удостоверение!”<sup>19</sup>



Поистине "каждому по его труду".

А помните историю командира подводной лодки "С-13" А. Маринеско, который "потопил почти шестую часть того, что за всю войну весь остальной флот Балтики"? Он, как пишут "Известия", "умирал в нищете"<sup>20</sup>.

Нет, не дотягивает наша система до социализма.

Итак, с социализмом ясно. Но как тогда называть нашу общественно-экономическую систему?

На Западе наш строй называют по-разному: иногда "советским", но чаще "тоталитарным".

Американские и западноевропейские ученые пишут книги о "тоталитаризме". Проводят диспуты на тему о том, что такое "тоталитаризм", каковы его особенности, чем он отличается от "автократизма".

Но мы опять обратимся к "Словарю русского языка". Он дает удивительно точное определение тоталитаризма. Очевидно, в отличие от американских профессоров, авторы советского словаря более отчетливо представляют себе, что это такое.

"Тоталитаризм — одна из форм государства, характеризующаяся полным (тотальным) контролем со стороны органов государственной власти над всеми сферами жизни общества, фактической ликвидацией конституционных свобод и прав, милитаризацией общественной жизни".

Не правда ли, дорогой читатель, очень подходит?

Но мы называем наше государство "советским".

Однако термин "советский" часто несет определенную географическую окраску, так же как "венгерский", "французский". Поэтому слово "советский" для характеристики целой фазы общественно-экономической формации не вполне подходит.

Такое определение наиболее близко к истинному положению дел. И не только для СССР, но и для других стран, имеющих аналогичные политические структуры.

За рубежами Советского Союза люди мало интересуют-

ся, в какой "исторической эпохе" они живут. В развитых западных странах люди называют свое общество "индустриальным", "промышленным".

Их совершенно не интересует исторический материализм с его фатальной убежденностью, что на смену их капиталистическому обществу обязательно придет социалистическое. Хотя, казалось бы, им-то и надо волноваться по этому поводу. А они не волнуются.

Должен признаться, дорогой читатель, что я тоже не вижу особой необходимости в определении общественно-экономической формации того или иного общества.

Я тоже делю страны на "развитые" и "отсталые". И во все не по принципу, "кому принадлежат средства производства", а по тому, как они развиты, каков уровень промышленности и науки, каков культурный уровень людей, как обстоит дело с удовлетворением социальных нужд. И тогда для меня Франция, Швеция, Япония — развитые страны, а Польша, Болгария и Алжир — нет.

И наша страна тоже — нет.

И не так уж важно дать точное определение нашему строю. Хотя даже применив марксистский аппарат, мы пришли к выводу, что наше государство не находится в какой-то мифической "социалистической" стадии.

То, что наша страна находится еще в "докапиталистической" стадии, — понятно уже многим. Недаром со страниц наших журналов и газет валом валят призывы к установлению товарно-рыночных отношений, то есть к капитализму.

"Эх, нам бы просто нормальные товарно-рыночные отношения ввести!" — мечтательно восклицает Герой Социалистического труда, председатель колхоза "Россия" Красногвардейского района Крымской области Владимир Иванович Криворотов<sup>21</sup>.

А это в переводе на общедоступный язык означает: "Эх, нам бы просто нормальный капитализм ввести!"

Не была Октябрьская революция ни прогрессивной, ни социалистической. И не могла она построить обещанного рая.

Октябрьская революция была реваншем общественно-экономического строя, она вернула страну назад в неокрепостничество, вырвала ее из 20-го века, из только начавшего становиться на ноги капитализма — в особую, тупиковую форму феодализма.

И вместо жизнерадостного лозунга: "СССР — страна победившего социализма", мы должны смириться с мыслью, что правильнее было бы сказать: "СССР — страна проигравшего феодализма".

## Глава вторая

### КУДА ВЕДЕТ ПЕРЕСТРОЙКА

#### 1. СССР — НА БЕСПРЕЦЕДЕНТНОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ.

Все чаще и чаще при характеристике разворачивающихся в нашей стране процессов стало появляться слово "революция". Говорят о "революционных преобразованиях", о "революционной ситуации". Частым гостем на страницах наших газет и журналов стало ленинское определение революционной ситуации.

"В стране действительно сложилась революционная ситуация, — пишет экономист Н. Шмелев. — "Верхи" не могут больше управлять, а "низы" больше не хотят жить по-старому. Но революция значит революция. Мы уже вступили на этот путь. Решения июньского Пленума ЦК КПСС по своим потенциальным последствиям имеют истинно революционное значение для судеб страны"<sup>1</sup>.

Оставим без внимания традиционный реверанс в сторону очередного "исторического" Пленума ЦК КПСС и вернемся к революционной ситуации.

Ленин действительно характеризовал революционную ситуацию как невозможность для правящих классов жить и управлять по-старому — так называемый кризис "верхов"; и возмущение угнетенных классов, которые не хотят жить по-старому, — кризис "низов". "Революция, — писал он, — невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса"<sup>2</sup>.

Итак, революция.

Но какова она, эта совершенно неожиданная для многих из нас революция?

Вот уже не первый десяток лет, как ученые-марксисты у нас в стране (да и не только у нас в стране) доказывают,

что наше общество находится чуть ли не на самом высоком уровне развития. И вдруг революция! Попробуем разобраться, каковы движущие силы этой революции, какова расстановка классов. И уж не новое ли это явление в истории человечества?

Увы, не новое. Ничего исторически нового эта наша революция собой не представляет. Идет обычный исторический процесс: общество, находящееся на докапиталистической стадии развития, вступает в период промышленной революции.

Да, наша страна находится сейчас на пороге промышленной революции. Через этот процесс развития европейские страны давно уже прошли. Прошла бы и Россия; февральская революция могла бы стать первым этапом, но так уж получилось, что мы задержались.

Нравится нам это или нет, но если мы признаём, что Советский Союз — это общество с докапиталистическим укладом хозяйства, то необходимо признать и то, что сейчас начался процесс перехода этого общества в капиталистическую общественно-экономическую формацию.

И нам надо готовиться к процессам, характерным для переходного периода. Как они будут развиваться — мирным путем или нет, — сказать трудно. Но этот процесс — неизбежен, неотвратим. Такова правда жизни. Иного история не дает.

И не надо делать вид, будто не замечаешь, что происходит. Можно употреблять любые термины: товарно-рыночные отношения, свободный рынок или — более закамуфлировано — "новая модель". У академика Г. Арбатова: "...надо, наверное, довести до логического завершения разработку стратегии (а возможно, и тактики) практического осуществления экономической реформы, перехода от прежней модели экономики к новой"<sup>3</sup>. Но во всех случаях суть остается той же. "Товарно-рыночные отношения" — это не что иное, как не за-taskанный по передовицам синоним "капиталистического способа производства". А "новая модель" — это не что иное, как модель современного капиталистического общества.

Когда читаешь статьи наших уважаемых публицистов,

чувствуешь, как старательно избегают они ужасного слова "капитализм". Так в старину в деревнях боялись вслух произнести "черт". Чего только ни говорили: "лукавый", "хвостатый" — так казалось спокойнее, — но черт оставался чертом. Так и товарно-рыночные отношения останутся капиталистическим способом производства, как бы их ни называли.

Что же касается общества, которое построено у нас в стране, то в последнее время его стали называть "административно-командной системой". Понятие стыдливое и уж никакое не марксистское. Оно подменяет более четкое и куда более марксистское понятие: "феодалное" общество, или "докапиталистическое"... Но не в терминах главное.

"На определенном этапе истории, — пишет Арбатов, — была создана и соответствующая модель экономики (потом ее назвали административно-командной). При этом путем длительного и очень мощного политического, а также идеологического нажима были сформированы соответствующие организационные структуры, методы управления, нормативное хозяйство, призванные обслуживать именно такой, а не иной тип экономики"<sup>4</sup>.

Итак, по Арбатову, "административно-командная система включает в себя не только модель экономики, но и политическую и экономическую структуру общества".

Припомним, как определяют понятие "общественно-экономическая формация" учебники марксизма. Общественно-экономическая формация, пишут они, это определенная стадия исторического развития общества, а также структура общества, присущая данной стадии развития и определяемая способом производства, то есть совокупностью производственных сил и производственных отношений. Таким образом, административно-командная система представляется не чем иным, как общественно-экономической формацией.

Полистаем учебник исторического материализма, поищем эту формацию в стройном ряду других общественно-экономических формаций. Увы, такой формации Маркс не знал.

Какое место в ряду общественно-экономических формаций занимает эта административно-командная система, мож-

но понять, если вспомнить, какой способ производства характерен для нее. Мы уже говорили о том, что производительные силы и производственные отношения в нашем государстве являются феодальными или неофеодальными по своей сути. Таким образом, административно-командная система является не чем иным, как эвфемизмом понятия "докапиталистическая формация", о чем мы и говорили в предыдущей главе.

Итак, в стране сложилась ситуация, поистине беспрецедентная для всех семидесяти лет советской власти. Ситуация революционная. Идея о том, что изменить экономическую структуру нашего общества невозможно без изменения структуры политической, повторяется теперь на разные лады.

Но многие ли готовы идти ради этой идеи на баррикады? Увы, нет.

У этой идеи есть противники. И противники активные. И больше, чем нам иногда кажется.

Если бы только те, кто хорошо ел и кому славно работалось в те легендарные дни, когда "песня строить и жить помогала"! С ними все ясно. Реликтового идиота, бывшего прокурора Шеховцева, заклинавшего на московском суде: "Горжусь защитой Иосифа Виссарионовича"<sup>5</sup>, можно понять, можно высмеять.

Ну а как с теми, кто действительно верит, что власть советская — это власть национальная, кто считает все новые реформы отступлением, уступкой тому, кто в течение семидесяти лет изображался как враг?

Как быть с теми, кто боится, как бы их не увели в ту жизнь, которая в течение семидесяти лет изображалась сплошной черной краской: безработные на улицах, бездомные старики, умирающие без медицинской помощи? Ведь процент отдачи у нашей пропаганды не столь уж мал.

Как быть с теми, кто считает наше общество настолько национально-самобытным, что другое, даже дающее бóльшие преимущества, кажется посягательством на национальную чистоту и, стало быть, воспринимается как святотатство?

Как быть с теми, кто верит в то, что при существующем строе он получает достаточно для жизни, поэтому боится перемен и цепляется за марксистские идеалы?

Одни думают: "Может быть, при капиталистической системе и хорошо. Но смогу ли я вписаться в эту систему? Чтобы занять место под солнцем, надо будет бороться. А вдруг не повезет? Жизнь приучила меня к тому, что, "если в принципе хорошо", то меня, конкретное лицо, это может и не касаться".

Другие думают: "Хорошо. Изменится система, и жизнь начнет налаживаться. Но сколько времени займет переходный период? Стоит ли ждать? И дождусь ли я? И не будут ли мои потери в этот период слишком тяжелыми?"

"Было бы куда лучше, — рассуждают многие, — если можно было бы модернизировать систему, улучшить ее, изменить, перестроить, подштопать, но все-таки сохранить как таковую".

Что можно возразить на это? Опасения небеспочвенны. Потери неминуемо будут тяжелыми. Но...

Не совершим ли мы еще раз ошибку? Не пожалеем ли мы потом, что снова поверили в советскую власть, снова стали ждать? Вот что пишет о своей жизни учительница М. Смирнова.

"Я всю жизнь работала учительницей начальных классов. Получала сто двадцать рублей. Теперь у меня пенсия шестьдесят рублей. Такие скромные пенсии у многих из нашего поколения: ведь тогда оклады были маленькими. Может, мы не умеем жить? Тогда помогите, рассчитайте жизнь на шестьдесят рублей в месяц. Только не вычисляйте средний доход на человека, зачем мне знать о чьих-то больших деньгах, считайте только мои, я на них живу. Так вот: цены растут, а пенсии — нет, а надо бы наоборот. Наше поколение тягот, невзгод в достатке хлебнуло. Дали бы безо всяких мудростей дожить *по-человечески*. Сколько еще ждать? И так ждем лучшего всю жизнь, а дождемся ли!"<sup>6</sup>

Посочувствовать М. Смирновой можно. Но ведь не прилетавшие с Марса учительницы писали в газеты письма, про-



славляющие мудрость вождя и стройки коммунизма, клеймившие оппозиционеров и космополитов! Ведь голосовали же и учительницы, и санитарки, и лифтерши за Сталина, за Жданова, за Рашидова.

За все это надо отвечать. Так уж устроена жизнь.

Я помню, после моей лекции на активе обкома партии в Якутии подошла ко мне еще молодая учительница и спросила: "Почему так плохо работают компартии Франции и Италии? Почему они не могут объяснить народу преимущества социализма, ведь у них есть газеты?"

Если такие же проблемы мучали и упомянутую выше М. Смирнову, то не стоит ли ей во всем винить самое себя?

Пока мы не поймем, что за каждое слово, сказанное даже маленьким человеком, будет нести ответственность и он сам и все мы, пока не вылечимся от крикливого "одобрямс!", до тех пор мы просто не будем иметь права требовать лучшей жизни.

Мы знаем и слезливое: "А мы верили!" Но и за веру надо быть готовым нести ответственность! Не вносите деньги в ненадежные сберегательные кассы!

Либо сказать "нет" мифам о Ленине, "нет" ленинщине и начать строить наше общество по тем законам, по которым построены общества развитых стран.

Либо продолжать верить в Ленина, в ленинщину, но тогда уже не жаловаться на плохую жизнь — ее вы выбрали сами. Иного не дано.

Ленинщина — это путь в тупик. Рано или поздно, но от нее придется отказаться. Это только вопрос времени.

Времени, которое упускать преступно. Тем более, что тот перекресток, на котором мы сейчас находимся, действительно беспрецедентный.

## **2. ПОЧЕМУ ЛЮДИ НЕ ВЕРЯТ ПЕРЕСТРОЙКЕ.**

Высшие круги нашей страны поняли: население больше не намерено следовать ленинскому пути. Да и сами они то-

же, если говорить откровенно, не очень высокого о нем мнения.

Многие из них видят будущее в самых черных тонах. Так, министр финансов СССР Б. Гостев говорит: "Я не поручусь, если рабочие не выйдут на улицы"<sup>7</sup>.

Может ли так произойти? Да. Главное поле борьбы, и это понимают сейчас все, — экономика.

От того, как будет решаться проблема "накормить народ", зависит будущее страны. Именно эта проблема и стала первопричиной новейших советских политических реалий: гласности и перестройки.

Не очень понятно, на первый взгляд, другое: почему так пассивны люди.

"Не верят люди перестройке", — вздыхают ведущие советские экономисты Н. Шмелев и В. Селюнин. А первому секретарю Астраханского обкома партии иногда, как свидетельствует "Огонек", хочется крикнуть во весь голос: "Да проснитесь вы, наконец, астраханские вольные люди!"<sup>8</sup>

Но не просыпаются. Ни в Астрахани, ни в Красноярске, ни в Москве.

Не просыпаются потому, что не верят. Слишком уж часто им обещали и обманывали. И обещали люди с теми же титулами, что обещают сейчас. Лгал Ленин, лгал Сталин, лгал Хрущев, лгал Брежнев.

Вместе с тем (и это необходимо признать) гласность и перестройка не стали, вопреки прогнозам, одними из тех многих преходящих политических кампаний, которыми так богата семидесятилетняя история нашего государства.

Более того, и гласность, и перестройка приняли совершенно иные формы, чем аналогичные процессы, время от времени провозглашавшиеся нашими лидерами.

Так, гласность, о которой пекся еще Ленин, долгое время понималась у нас только как политика вынесения на суд населения тех или иных негативных явлений советской жизни с целью канализировать недовольство в адрес отдельных явлений или лиц. Помним мы и кампанию против разгуль-

ных детей именитых родителей, тогда их звали "плесенью", — при Сталине; помним и крикливые статьи о стяжательстве в высших эшелонах власти — при Хрущеве.

Сегодняшняя гласность имеет существенно новые формы. Это не только оповещение о недостатках, но и вскрытие целого пласта ошибок и обмана, которые накопились за многие годы.

Не новое явление в нашей жизни и различного рода перестройки. Собственно говоря, перестраиваться мы начали с тех пор, как "до основания разрушили весь мир насилья". Что только не выдавалось за "эпохальные" преобразования! И трескучие программы, которые потом тонули в огромном количестве "позднейших разъяснений", и ни на чем не основанные реформы, которым сначала верили не только доверчивые иностранные журналисты, но и наши отцы, и мы с вами. Как забыть "сталинскую конституцию" или так и не начавшуюся косыгинскую экономическую реформу. Но никогда ни одна реформа не затрагивала самого главного — политическую систему общества.

Похоже, что нынешняя перестройка началась именно с этого.

Да, на этот раз скептики ошиблись. Гласность и перестройка — кампаниями не оказались. Они прочно вошли в нашу жизнь как важный экономический и общественно-политический фактор нашего быта. Нет ни одного аспекта деятельности, которого они не коснулись бы: экономика, культура, государственные органы, армия, внешняя политика. Слова "гласность" и "перестройка" без перевода понятны практически на любом иностранном языке.

И надо отдать должное нашим нынешним лоцманам, взяли они за дело куда солиднее и основательнее, чем их предшественники.

Что же случилось?

Почему возникло, расширяется и охватывает все новые сферы деятельности и все большие круги населения движение за перемены, движение, ставящее под сомнение все основы советского общества?

Можно утверждать, что причиной всему – тяжелое, кризисное положение советского государства на всех фронтах. Это будет верно.

Можно выдвигать на первый план возросший культурный и общественно-политический уровень населения. И это будет верно.

Можно обратить главное внимание на резко обострившиеся национальные проблемы. И здесь тоже не будет ошибки.

Передо мною "Известия", № 258 от 14 сентября 1988 года. Посмотрим письма, опубликованные на последней странице.

Читатель из Курска удивляется, почему на олимпийских марках не написано, что игры проводятся в городе Сеул.

Еще год назад мы с вами не удивлялись бы этому. Потому что знаем, Сеул – это столица Южной Кореи, которую очень не любит Северная Корея. А мы должны любить Северную Корею, потому что она строит социализм (или уже построила), и поэтому делать вид, что не замечаем Южную Корею и, стало быть, ее столицу Сеул.

А вот читатель удивляется. Он уверен, что можно упомянуть Сеул и не вступать в военную конфронтацию с Северной Кореей, которая строит социализм (или уже построила)... Такие наступили времена. Гласность.

Читатель из Львова считает, что присвоение Военной академии связи имени С. Буденного – насмешка. (И верно, насмешка. Этого маршала у нас помнят по усам и анекдотам.) Он же не понимает, почему военные академии носят имена С. Кирова и М. Калинина.

Действительно, странно. Волна переименований, начатая, кстати, Николаем Вторым, очень, на мой взгляд, поспешно переименовавшим в 1914 году Петербург в Петроград, и продолжавшаяся без малого семьдесят пять лет, полностью лишила индивидуальности многие наши города, деревни и улицы, и без того трудно отличимые друг от друга.

Читатель из Новороссийска предлагает в целях экономии укрупнить районы. Давно пора!.. Это уже перестройка.

Читатель из Смоленска не понимает, почему существуют закрытые цифры в отношении преступности.

Мы с вами знаем, почему. Преступность достигла таких размеров, что самые закоренелые злопыхатели и те удивляются. Но в одном читатель неправ — цифры начинают проникать в печать... Гласность.

Читатель из Долгопрудного предлагает изменить налог на холостяков, который очень, по его словам, устарел и который — он так пишет — можно сравнить лишь с налогом на бороды, изданным Петром Первым.

С ним можно согласиться, можно не соглашаться. Такое время. Гласность. Перестройка.

Читатель из Симферополя считает, что нужен новый гимн.

Тоже очень хорошая мысль. Если Сергея Михалкова действительно "вырастил Сталин на верность народу", то ко всем это вроде бы не относится.

Да, многое изменилось. Гласность есть гласность. Говорится сейчас о многом.м.

Говорится... Я не призываю немедленно изменить налог на холостяков только потому, что письмо напечатано в центральной газете. И для переименования академии нужно время. Я даже уверен, что будут возражения по поводу нового районирования. Может быть, я с ними и не соглашусь. Но трудно отказаться от мысли, что хорошие статьи в прессе — сами по себе, а жизнь, реальная жизнь, участниками которой мы являемся, — сама по себе.

И другое. Создается впечатление, что тем, от кого зависит принятие решений, глубоко безразлично, о чем пишут газеты. Они уверены, что, как и раньше, их мнение важнее мнения тех, кто пишет в газеты.

Лучше всего выразила общую мысль читательница А. Рыкова из Ростова-на-Дону: "Я уже не верю, что скоро будет жить лучше, потому что не вижу никаких перемен"<sup>9</sup>.

Вот что говорит о себе типичный молодой советский парень: "Жизнь у нас серая, беспросветная, пойти некуда, один кинотеатр, гастроном торгует по карточкам. Тоскливо и никакой перспективы на будущее. Если не посадят, всю жизнь

будешь горбиться на заводе, как наши родители. Моя мать уже двадцать восемь лет на заводе вкалывает. И все эти годы ей обещают квартиру. Она надеется. Живем восьмером в однокомнатной шестнадцатиметровке". "А моя мать, — вторит ему его товарищ, — тридцать пять лет отбарабанила. В самый раз половину советской власти"<sup>10</sup>.

Почему же не верят эти люди, что гласность и перестройка — и есть те спасительные пути, которые выведут их к новой жизни?

Да потому, что не верят они тем, кто провозгласил их. Призывы имплантировать реформы, капиталистические по своей сути, в докапиталистическую структуру нашего государства без радикальной ломки этих структур, да еще под руководством партии Ленина, которая все свое существование только и делала, что боролась с капитализмом, причем призывы, не подкрепляемые реальной отдачей для народа, мало кого могут убедить.

Поэтому-то гласность и перестройка — это вроде бы как спектакль, на котором народ присутствует в качестве зрителя, все время боящегося, что его обманут. Неспроста же люди, хоть и стоят в очередях за журналами и газетами, как за пирожками, но поддержать реформы не спешат.

Именно в этом и состоит основа кризиса, который переживает наше государство.

Именно поэтому и не верят в перестройку люди.

### 3. ВПЕРЕДИ ПРОПАСТЬ.

Как раньше хорошо нам жилось! Как ловко мы себя успокаивали: "Ну, нет у нас того или этого, но люди мы простые, много нам и не надо. А там у них и безработные, и никакой уверенности в завтрашнем дне. А что нам нужно? Удочку — и на рыбалку; утро, река, клюет — не клюет. Это — мы. Это — наше счастье".

А вот теперь, благодаря все той же гласности, узнали мы,

что находимся где-то на шестидесятом месте в мире по уровню жизни, и в первый раз поняли, что это такое.

Поняли, что не надо сравнивать себя ни с американским безработным, но и ни с монакской принцессой. Все на проверку — проще. Если я — учитель математики в Пензе, то должен сравнивать себя с учителем математики в провинциальном городе Франции или Бельгии. И тогда получится, что среди всех учителей математики из провинциальных городов по уровню жизни я занимаю шестидесятое место.

Если я токарь на машиностроительном заводе в Москве, то живу я хуже, чем токари на таких же заводах в пятидесяти девяти странах, так как и тут мое место — шестидесятое.

И (просто парадокс, но это так) полковник КГБ тоже на шестидесятом месте, если сравнить его уровень жизни и уровень жизни его коллег из Замбии, Туниса или Аргентины. Не говоря уже о таких гигантах, как Греция или Португалия. Это полковник КГБ. Что уж там говорить про взводного или участкового! Шестидесятое место.

Даже уровень жизни первого секретаря компартии Люксембурга или Бельгии в чем-то выше уровня жизни Михаила Сергеевича. Потому что, в случае несчастья, его дети и внуки всегда будут ходить в магазин, где есть колбаса и сахар.

И с рыбалкой у нас такая же картина. Удочки у нас — шестидесятые по качеству. Добираемся мы до водоема по шестидесятым по качеству дорогам. Костюм рыболовный... назвать его шестидесятым — значило бы польстить хозяину.

Как тут не вспомнить слова М. Жванецкого. Прочитую целый абзац из его рассказа об Америке.

”Чтобы понять, чего мы себя лишили, чтобы понять, что могут руки человеческие, чтобы понять, что дает земля, — пишет он, — нашим людям нужно сделать четырехчасовую передачу из супермаркета. Надо нарушить эту из всех военных самую военную тайну. Она уже перестала быть тайной. Надо перестать играть воображением и увидеть, что же продается в американском универсаме. Единственное, что может встряхнуть нашего человека, единственное, что придаст

ему уверенность в себе. Не сломает его, не потрясет. Наши туристы ведут себя по-разному: кто плачет, кто-то в обморок падает, кто-то пытается повеситься, кто-то выходить не хочет. А там ничего особенного — просто есть все. Абсолютно все, что мы знаем, слышали, где-то читали, видели на картинках. Это половина, а половина — то, чего мы не знаем, не видели и не слышали. И это нужно видеть, чтобы сыграл здоровый дух соперничества, чтоб мы поняли, что может дать земля, что может дать вода, что может дать зима, что может дать лето”<sup>11</sup>.

Трудно нам жить в эпоху всеобщей компьютеризации. Лучше бы и не знать, что каждому из нас надо проработать в 22 раза больше, чем коллеге за рубежом, чтобы купить цветной телевизор, кем бы мы ни работали. За автомашину — в 10 раз больше, за туалетное мыло — в шесть раз, за лезвие для бритвы — в 11 раз, за банку кофе — в 17 раз, за простую электрическую лампочку — в три с половиной раза, за горчицу — в 12 раз, за рыбу — в 5,2 раза, за мясо в два раза и так далее.

И наконец-то поняли мы, что вовсе мы — не развитая страна, а так, шестидесятая. Третий мир.

Хотя тот, кто побывал в Третьем мире, не даст мне содрать: оттуда мы возем и одежонку, и посуду, и косметику. Оттуда, а не наоборот.

Был я лет десять назад поверенным в делах в экзотической стране ”Демократическая республика Сан-Томе и Принсипи”. Долго однажды просматривали мы в бывшем министерстве внешней торговли номенклатуру советских товаров, искали, что можно было бы продать Сан-Томе. И не нашли ничего. Советские товары неизменно оказывались либо хуже, либо дороже, чем аналогичные несоветские. Все. Кроме оружия.

А ведь положение все ухудшается. На протяжении только последних десяти лет в некоторых районах просто исчезли мясные продукты, копчености, рыба, сыр, отдельные виды круп.

И каждая третья наша булка пришла из США, Канады



или Аргентины. А что как не захотят они нам продавать зерно. Что тогда?

Пропало мясо, пропал сыр, пропадают молочные изделия и сахар. Завтра пропадет мука и картофель. И никто со Старой площади не убедит нас, что будет иначе. Потому что практика — очень хороший учитель. А что будет, дорогой читатель, если пропадет мука, картофель, хлеб, вы можете представить сами.

Вся наша экономика у нас на столе.

”Если металлург после тяжелого рабочего дня не имеет полноценного ужина, а его дети, проведя весь день в переполненном до отказа классе, не знают, куда им вечером податься, то, естественно, разговоры о небольших недостатках на фоне общих достижений рождают реакцию непредсказуемую”<sup>12</sup>.

Сегодня у работника нет нормального ужина. Завтра не будет ни завтрака, ни обеда.

Это, если хотите, рассуждения не научные, а эмпирические. Но ведь вся наша экономика, которая так и не стала ”экономной”, видна на поверхности.

Однако, если вооружиться настоящими цифрами, настоящими, а не теми, которые фабрикует ЦСУ, то несложные расчеты приведут нас к такому же печальному результату.

По данным ученых, размеры квартиры лишь тогда перестают отрицательно влиять на здоровье, когда на человека приходится 12 — 13 м<sup>2</sup> жилой и 20 — 21 м<sup>2</sup> — общей площади. А средняя обеспеченность населения жилой площадью в Баку, Душанбе, Ереване, Фрунзе — меньше восьми квадратных метров. Почти каждый третий в Кишиневе и Свердловске состоит на учете для получения жилья. В Ленинграде таких — 20 процентов, в Риге, Ашхабаде и Баку — 26 процентов<sup>13</sup>.

Потеряны четкие критерии при распределении общественных фондов потребления. Распределение бесплатных благ из общественных фондов потребления складывается в пользу не менее, а более высокооплачиваемых групп.

Население платит огромные, немислимые в развитых

странах косвенные налоги на изделия легкой промышленности, товары культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода.

С другой стороны, государство поддерживает крайне низкие государственные цены на мясо и молоко. Государственная дотация на эти продукты составляет 40 – 50 млрд. рублей, то есть около трети валовой продукции сельского хозяйства. От такой практики выигрывают только люди, имеющие бóльший доступ к этим продуктам по государственным ценам. Эти люди получают, таким образом, дотацию из государственного кармана, дотацию за счет малоимущих. Такая антинародная практика лишена какого-либо экономического и социального основания и не имеет примера ни в одной развитой стране.

То же самое происходит и с недифференцированной квартирной платой.

Жилищно-коммунальное хозяйство крайне убыточно. Жилищный фонд разрушается.

Положение с водопроводом, канализацией и отоплением – хуже некуда. В 29 процентах городских домов нет горячей воды, в 22 процентах – газа, в 11 процентах – центрального отопления, в 17 процентах – ванной и туалета, в 8 процентах – водопровода. В сельской местности положение еще хуже. Жилищно-коммунальное хозяйство в сельской местности находится в самом жалком состоянии.

У населения нет необходимых стимулов к напряженному труду. Никто не хочет выкладываться ради дополнительных 10 – 20 рублей к месячной зарплате, которую трудно с пользой для себя "отоварить". Многие из того, что продается, имеют такие высокие цены, что товар лишается привлекательности.

Сервис такой, что некий гражданин А. Аксенов объявил голодовку у автосервиса в Архангельске<sup>14</sup>. Так, глядишь, недалеко и до саможжения у ворот часовой мастерской!

Советская пресса много пишет теперь о снижении уровня материальной обеспеченности пенсионеров. Трудно, очень трудно живется у нас пенсионеру<sup>15</sup>.

Все это также характеризует СССР как страну Третьего мира.

Ни для кого не секрет, что морально-производительный потенциал советских работников всех уровней достиг критически низкой точки. Производственный механизм на уровне всей страны работает с перебоями. О всеобщем падении нравственности пишет вся пресса. Завтра ко всему этому прибавится голод.

Тот, кто этого не понимает в силу каких-либо обстоятельств — скверности характера или социально-экономической дебильности, — тот и есть настоящий враг своего народа.

Что делать? Какие принять меры? По-прежнему уповать на высокий "морально-патриотический подъем"? Призвать комсомольцев на очередную ударную стройку? ("Навстречу утренней заре по Ангаре" плыли пахмутовские комсомольцы, а на стройках работали щелоковские зэки.) Или, как в славные годы, пересажать миллионов десять? Но и это не поможет. "Комсомольская" стройка, принудительный труд заключенных — все это труд неквалифицированный, рабский. Феодалное хозяйство рабовладельческими методами не поправишь, утверждал Маркс. В этом случае ему можно верить.

В приложении к нашей действительности это можно доходчиво объяснить так:

"Прежде всего, что такое потребитель? Это в общем-то производитель. Проще — народ. А народ во все эпохи, будучи бесправным, вовсе не был беспомощным! Подневольный труженик мог работать так, как и положено работать из-под палки, то есть плохо"<sup>16</sup>.

Люди сейчас иногда шутят: "Если убыточные предприятия, для того, чтобы они стали рентабельными, передают в аренду кооперативам, то не сделать ли то же самое и с советской властью? Она ведь предприятие убыточное".

Если за семьдесят лет советская власть не смогла по-человечески (помните учительницу М. Смирнову?) организовать жизнь, не отдать ли и ее кому-нибудь в аренду?! Или,

как в былые годы, призвать рюриков, коли уж сами не справляемся. Или пригласить на помощь дельных специалистов? (Кстати, в свое время японцы так и поступили.)

”Рельсы, по которым должна катиться в будущее наша жизнь, — пишет А. Нуйкин, — с загадочным упорством норвят повернуть туда, где жулики в вечном выигрыше, а труженики в безнадежном проигрыше. Да еще и пальцем на них при этом показывают, как на жуликов. Такая вот получается ”пролетарская идеология”<sup>17</sup>.

Лучше не скажешь!

Начинает понимать советский народ: никогда люди не будут хорошо жить в Ленинграде! Хорошо жить можно будет только в Петербурге.

Трудные, очень трудные задачи стоят перед нашим руководством.

Могла, конечно, в этот самый ответственный для страны час вынести нелегкая на поверхность какого-нибудь не очень далекого прохиндея (кстати, зарекаться опасно, все может еще случиться), но факт остается фактом. Нынешнее наше руководство, или по крайней мере та его часть, которая находится на виду — генеральный секретарь, председатель Совмина, — положение понимают и принимают меры в общем-то в правильном направлении.

Но вас не обманет, дорогой читатель, удивленное разведение руками Горбачева, мол, не знал, что так плохо. Не обманут и заверения: ”Ну, теперь-то, мол, я лично возьмусь”. Вы вправе спросить, дорогой читатель: ”Если вы, уважаемый генеральный секретарь, не знали, что в стране так плохо, чем же вы занимались три с половиной года? Это почти президентский срок в США. И мы тоже имеем право спросить, что же все-таки изменилось, что было исправлено. Какова практическая отдача для людей от гласности и перестройки”.

С этим пока туго.

Но будем откровенны, времени прошло мало. За семьдесят лет такое наворочено, столько наделано глупостей, столько сил было затрачено на повертывание вспять экономиче-

ских законов и нормальных инстинктов здоровых людей, что ожидать выздоровления за три-четыре года просто нереально.

Один из моих знакомых, переиначивая уже приводившееся высказывание Ленина, как-то пошутил: "У нас "низы" еще могут жить по-старому и поэтому не очень ропшут. Но "верхи", вот что интересно, не хотят жить по-старому и очень не хотят".

И в этом есть большая доля истины. Те, кто находится на высших ступенях социальной лестницы, лучше чем остальные понимают, что ничего хорошего от будущего ожидать не приходится и никакая реставрация успеха не принесет.

Они открыто говорят о том, что, коли марксистская доктрина не оправдала себя, то необходимо отойти от нее, вернуться в систему свободного предпринимательства. Но вернуться наиболее безопасным путем.

Поэтому у нас сейчас и революция сверху. И переживаем мы все элементы, присущие революции сверху. И "низы" до поры до времени молчат. Но что будет потом? Опыт есть. И он учит нас, что потом, будучи разбуженными, "низы" могут пойти не в ту сторону, в какую их "будили", а попадутся на сладкоголосое пение провокаторов и демагогов. Так случилось в октябре 1917 года.

Если такое повторится еще раз, страна не выдержит, она просто прекратит существование как великая держава.

Но пока "низы" молчат. Посмеиваются, глядя, как косячится правительство. Хотя зря посмеиваются.

Представьте себе, дорогой читатель, автобус, который движется в пропасть, а тормоза отказали. Только водитель, да разве что рядом сидящие знают всю меру грозящей катастрофы и делают все возможное, чтобы спасти себя, а заодно и пассажиров. Водитель сбрасывает скорость, тормозит о дорожные столбики, въезжает в кусты.

А люди сзади ничего не понимают, их раздражает тряска, удары, и они ругают водителя.

Увы, такова аналогия с нашей жизнью.

Ибо впереди пропасть. К этой пропасти мы начали идти

еще в 1917 году. Какой бы далекой ни казалась она еще совсем недавно, но время неумолимо приближало ее к нам, и сегодня она – рядом.

#### **4. ГЛАСНОСТЬ + ПЕРЕСТРОЙКА + ДЕЛЕНИНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА.**

На 19-й партконференции директор Института экономики АН СССР Л.Абалкин задал риторический вопрос: "Мы не должны уходить в мелочи... Вопрос стоит очень крупно. В состоянии ли мы, сохраняя советскую организацию общества и однопартийную систему, обеспечить демократическую организацию общественной жизни".

Лукавит академик. Он прекрасно знает, что "обеспечить демократическую организацию общественной жизни", "сохраняя советскую организацию общества", невозможно. Семьдесят с лишним лет пытались, людей намучили, себя извели. И наконец-то, вроде бы поняли – не получается.

"С точки зрения сегодняшней практики, самое существенное в том, – вторит Абалкину другой академик, Арбатов, – может ли задуманная и в целом уже утвержденная в качестве партийной директивы радикальная экономическая реформа "врасти" в созданную на предшествующем этапе административно-командную экономику? Судя по всему – нет"<sup>18</sup>.

Дельное замечание.

Не в этом ли причина уже заданного заранее поражения перестройки? Во всяком случае, в том ее виде, в котором она развивается сейчас. "Утвержденная в виде партийной директивы экономическая реформа", то бишь перестройка, "вряд ли принесет плоды без радикальных политических изменений", – пишет Арбатов. Или, проще: ничего не получится, если оставить советскую власть. Молодец академик!

Итак, два подхода. Попробуем выразить их математически.

Подход первый:

гласность + перестройка = хорошая жизнь.

Подход второй:

гласность + перестройка + изменение советской организации общества = хорошая жизнь.

Вы можете возразить мне, уважаемый читатель, что под перестройкой многие и понимают изменение советской организации общества.

Попробуем разобраться.

Многое сейчас меняется у нас в стране, многое планируется изменить. Вносят предложения и государственные организации и просто обыкновенные люди, читатели газет. Выдвигаются проекты самые различные. Как в области экономики, так и в области политики, культуры, спорта. Но если проанализировать их, суммировать и классифицировать по направлениям, то можно выделить пять основных направлений. В одной из последующих глав я подробно рассмотрю эти направления, сейчас же только ограничусь их перечислением:

1. Создание правового государства.

2. Установление гарантий политического плюрализма.

3. Восстановление товарно-рыночных отношений в полном объеме.

4. Предоставление независимости народам, входящим в СССР.

5. Формирование армии на добровольной основе.

Попутно отмечу только два обстоятельства.

Во-первых, все эти направления давно уже проверены практикой развитых капиталистических государств Запада и, стало быть, реальны.

Они предполагают не иллюзорный социализм, не ленинские райские кущи, не рискованное экспериментальное общество, а промышленное, иными словами, капиталистическое общество, общество, основные законы которого хорошо изучены.

Торгово-рыночные отношения, политический плюрализм, правовое государство, предоставление независимости бывшим колониям — это визитные карточки многих стран. Армия на добровольной основе существует уже много лет в США.

Во-вторых, для нашего государства эти проблемы не новы, они уходят корнями в прошлое.

В программе кадетов, принятой еще аж в 1903 году, можно найти и "Все граждане России имеют право организовывать союзы и общества без чьего-либо разрешения", и "Все граждане имеют право на свободное перемещение внутри страны и поездки за границу. И паспортная система отменяется", и многое другое<sup>19</sup>.

Вспоминают сейчас добрым словом и не доведенную до конца аграрную реформу П. Столыпина. Говорят о том, что Столыпин "едва ли не первый ухватил связь между формами собственности и личностными правами"<sup>20</sup>.

Значит, снова те же проблемы.

Те же проблемы, от решения которых страну увела Октябрьская революция, увел Ленин, увела ленинщина.

Но вернемся к формуле. И напишем ее следующим образом:

гласность + перестройка (правовое государство + политический плюрализм + товарно-рыночные отношения + деколонизация + армия на добровольной основе) = хорошая жизнь.

Будет ли теперь она верна?

Нет. Потому что в этой формуле нигде не предусматривается изменение идеологической структуры общества, станового хребта советской власти.

Без этого все реформы окажутся выхолощенными. Попробуем это доказать.

Если мы уже начали говорить о революционных преобразованиях, то и должны относиться к происходящим в стране процессам, как к революции.

А революция, какова бы она ни была, не терпит неопределенности.

Еще на институтских семинарах нам доказывали, что революции ломают не только экономические и политические, но и идеологические надстройки.

Но ведь у нас-то сейчас революция. Пусть сверху, пусть



пока не очень шумная, но революция. И она тоже должна сломить идеологическую надстройку старого общества.

Можно ли построить новую общественно-экономическую формацию, основываясь на идеологии старой формации? Любой начинающий марксист ответит: "Нет".

Почему же мы пытаемся строить? Почему не начинаем нашу революцию с ломки старой идеологической надстройки, с отказа от ленинских утопических теорий, разоривших наше государство, с отказа от культа Ленина, с отказа от ленинщины?

Может ли быть гласность настоящей гласностью, если критика в адрес Ленина и его теорий запрещена? Можно ли спрятать за всеми хорошими идеями средневековое чудовище ленинизма?

И не в этом ли причина, почему буксует перестройка. Почему не верят люди перестройке и ее "прорабам". Почему слова Горбачева и "всей королевской рати" остаются только словами. Без идеологизации, без деленинизации общества и гласность, и перестройка сработать просто не смогут.

Поэтому правильнее было бы написать приведенную выше формулу в таком виде:

гласность + перестройка (правовое государство + политический плюрализм + товарно-рыночные отношения + деконизация + армия на добровольной основе) + *деленинизация* = хорошая жизнь.

Сейчас много говорят о тех, кто мешает перестройке. На первое место среди врагов перестройки выдвигают, конечно, все ту же административно-командную систему, сталинистов, Сталина.

"Революции, что и говорить, не самый демократичный механизм социального прогресса... — пишет Нуйкин. — Поэтому нельзя допустить, чтобы революция была беззубой. Неловко прибегнуть к недемократическим репрессивным мерам? Так ведь... если перестройка сорвется и силы торможения возьмут власть полностью в свои руки, уж они-то покажут нам, как надо решать кадровый вопрос"<sup>21</sup>.

Итак, на повестку дня встал коренной вопрос любой революции: кто кого.

Оставим пока в стороне тех, кто сопротивляется экономическим преобразованиям, они ведут себя тихо. Обратим внимание на тех, кто противится "идеологическим послаблениям".

В том, что именно деидеологизация, деленинизация является главным камнем преткновения, сомневаться не приходится. Именно против этого прежде всего направляют свое жало и Нина Андреева, и тот самый густопсовый прокурор Шеховцев.

Казалось бы, уже самое время сажать Нину Андрееву. (Кстати, ей было бы очень полезно на собственном опыте познать все сто процентов наслаждений от пребывания в заповеднике сталинской эпохи.)

Или секретаря Ждановского райкома комсомола города Москвы Тамару Вишнякову, которая, наперекор всем ветрам, смело украсила трамвай призывами к "юным ждановцам"<sup>22</sup>.

Или товарища С.Новикова, который в письме к Нине Андреевой пишет: "Я убежденный сталинист и уверен, что здоровые силы в нашем обществе и за рубежом победят разгульный бум опорочивания культа личности Сталина и все, что с ним связано. Надо только по-сталински не сдаваться и поступать так, как поступал Сталин, — находить в трудную минуту выход из самого безвыходного положения! Сталин был чист перед народом, народ жил хорошо, и всего было вдоволь"<sup>23</sup>.

Или более эрудированного сталиниста, сталиниста со степенью кандидата философии Г.Матвейца, который не без гордости пишет: "Мы перед войной построили социализм, невзирая ни на какие трудности, сопротивление внутренних и внешних врагов! Троцкисты, зиновьевцы призывали организовываться для борьбы с партией (а не Сталиным)! Отпор им дал не Сталин, а рабочий класс"<sup>24</sup>.

Однако этих людей не только не сажают, но и не исключают из партии. Почему?

Потому что у них есть поддержка, скажете вы. Правильно. А почему их поддерживают? Что в них нравится?

Обратите внимание, в центре проблемы стоит личность Сталина. Почему?

Потому что никто из тех, кто объявляет себя марксистами или ленинцами, не может доказать, что существуют какие-либо расхождения между идейными взглядами и практикой Сталина и идейными взглядами и практикой Ленина. (Об этом я подробнее скажу ниже.)

Противники перестройки понимают, "сохранение в чистоте ленинских идей" — первично, а все "завиральные проекты прорабов перестройки" — вторичны.

Понимают они, что атаки сейчас ведутся не только на Сталина и не столько на Сталина, не только на административно-командную систему, но на святая святых, на Ленина, на ленинщину. А никто так не защищал ленинщину, как верный ученик Ленина Сталин.

Поэтому все высказывания Нины Андреевой становятся абсолютно идеологически правильными, стоит только вернуться к некогда известному всем юным ленинцам лозунгу: "Сталин — верный продолжатель дела Ленина".

Тогда правы и остальные. И "перед войной построили социализм, невзирая ни на какие трудности, на сопротивление внутренних и внешних врагов". И то, что "Сталин — чист перед народом", можно легко доказать, потому что, как известно, "больше Ленина никто о народе не заботился", а Сталин — продолжатель его дела. И даже трамвай с призывом к юным ждановцам может с гордостью дефилировать по московским улицам.

Они верят, что их время придет.

И придет, если не покончить с ленинщиной.

Отказаться от Сталина и не отказаться от Ленина — равносильно уничтожению ядовитого плода без выкорчевывания ядовитого дерева.

Глубокий кризис ленинских теорий и созданных по чертежам Ленина государственных структур парализовал наше государство. Любые социально-экономические реформы, ка-

кими бы прогрессивными они ни казались, без деленинизации похожи на новую, сверкающую лаком спортивную машину, в которую забыли поставить мотор. Без понимания этого невозможно выработать правильные меры по выводу страны из того положения, в котором она находится.

*Деленинизация включает в себя полный и безусловный отказ от марксистских и ленинских доктрин – идеологического и политического тормоза нашей жизни: отказ от ленинской государственной структуры – виновника экономической неразберихи и политического самоуправства; отказ от привилегированного положения бюрократического аппарата ленинской партии; отказ от ленинской политики навязывания другим народам советской политической системы, отказ от великодержавной политики, отказ от обожествления личности Ленина.* Без деленинизации нашего общества никаких успехов мы ожидать не в праве.

Не желая признать, что идеологическая мина была заложена в основу нашего государства при Ленине, заложена Лениным, мы не только совершаем историческую ошибку (в конце концов, кто не делал исторических ошибок), но и лишаем себя возможности дать объективную оценку причинам сложившегося положения, а следовательно, обрекаем себя на топтание на месте, на отказ от поиска реальных путей выхода из такого положения.

Деленинизация необходима нашей стране, необходима как свежий воздух. Подобные кампании известны в мировой практике. Так, кампания по "денацизации" в ФРГ обозначила черту между прошлым и будущим, открыла путь в будущее. Такую черту должны провести и мы.

Если мы будем пытаться сохранить ленинщину, то какими бы умными ни были у нас новые законы, какими бы активными ни казались стимулирующие факторы, как бы соблазнительна ни была иностранная помощь – *в карете ленинизма далеко не уедешь.*

Как невозможно, привязав к телеге крылья и пропеллер, заставить ее взлететь, так и невозможно, сохранив средневековые структуры и средневековую идеологию, пытаться

построить современное общество. На телеге ленинизма в товарно-рыночный рай не въедешь.

Это надо представить себе четко. В промышленное общество Ленин не вписывается. Туда его с собой брать нельзя.

**ЧАСТЬ ВТОРАЯ**  
**ТРИ КРИЗИСА ЛЕНИНИЗМА**



## Глава третья

### КРИЗИС МИФОВ О ЛИЧНОСТИ ЛЕНИНА

#### 1. ЛЕНИНУ ВЕРИТЬ НЕЛЬЗЯ.

Совершим, дорогой читатель, небольшой экскурс в историю.

Апрель 1917 года. Ленин произносит свои "апрельские тезисы". Он торжественно клянется, что его партия отдаст: власть – Советам, землю – крестьянам, фабрики – рабочим, ликвидирует тайную полицию, сделает так, чтобы бюрократия занимала свои посты строго ограниченное время.

Выполнено ли это, дорогой читатель? Нет.

Никогда ленинская партия не отдавала власти Советам. И не собиралась отдавать. Она быстренько превратила Советы в свои "приводные ремни" и крутит их по своему усмотрению вот уже более семидесяти лет. Из съезда в съезд переходят пожелания "повышать роль Советов", и все остается по-старому.

Землю крестьянам не только не отдали, но и отняли ту, которая у них была. "Такого мы натворили!" – признавался Горбачев недавно в Красноярске.

Тому, какие хозяева рабочие на фабриках, дал четкое определение А. Шамов: "Труженик юридически был собственником средств производства, а фактически им не стал"<sup>1</sup>.

Ни Ленин, ни его последователи никогда не помышляли о ликвидации тайной полиции. Меньше чем через год после прихода Ленина к власти количество доблестных чекистов превысило количество сотрудников бывшего охранного отделения.

Ну а что касается ограниченного времени для бюрократии, то теперь аппарат исчисляют не миллионами, а десятками миллионов.



В программе партии 1919 года было записано: "Никакого насилия по отношению к среднему крестьянину; профсоюзы должны сосредоточить в своих руках управление всем народным хозяйством; оскорбление чувств верующих недопустимо" и т. д. Ловкий на демагогические пассажи Ленин всерьез обещал, что в его государстве зарплата министра будет не выше зарплаты среднего рабочего. Все это звучит теперь как издевательство.

Обманул Ленин народ. Ему нужна была власть, и ради этого он обманывал намеренно и беспардонно, не моргнув глазом.

Его посулы были до очевидности нереальны. Говорили ему об этом и друзья и политические оппоненты. М. Горький писал в дни, предшествующие Октябрьской революции:

"Все настойчивее распространяются слухи о том, что 20 октября предстоят выступления большевиков, иными словами: могут быть повторены отвратительные сцены 3 — 5 июля... *Неужели есть авантюристы*, которые, видя упадок революционной энергии сознательной части пролетариата, думают возбудить эту энергию путем обильного кровопускания?"<sup>2</sup>

Ленин закрыл газеты оппозиции, распустил партии, вынудил несогласных эмигрировать, уничтожил оставшихся. Ложь не любит свидетелей.

Продолжите на досуге, дорогой читатель, это путешествие в историю, и вы поймете, как ленинизм — теоретическое учение и практика — определял принимаемые в стране решения и как на его базе организовывалась наша жизнь. Плохо организовывалась. Плохие принимались решения.

Ох, как трудно свергать идолов с пьедесталов. Обнадеживает то, что опыт у нас уже есть.

Верили же в безгрешность Сталина. И как верили! А что на поверку оказалось?

Настало время узнать, каким был Ленин.

В советской прессе уже начали появляться статьи, рассказы, воспоминания, где — правда, намеками — читателю

сообщается о тех или иных подробностях из жизни Ленина, о которых доселе предпочитали молчать.

Приведу только два примера.

Старая большевичка Э. Немцова рассказывает: "...А недавно я была в больнице, и москвичка, жена начальника главка одного из министерств, говорила про Ленина что-то страшное. Я просто взбесилась: "Перестаньте". "Да что вы мне говорите, — возразила она, — я вам официально заявляю — это известно, я от мужа слышала". И начала перечислять всякую гадость"<sup>3</sup>.

Напрасно нервничала старая большевичка. Шашни "вождя мирового пролетариата" с прекрасным полом, которые стоили ему "нехорошей" болезни, согнавшей его по всей видимости в гроб, известны школьникам. И про близких друзей Ленина тоже известно: садист и наркоман Ф. Дзержинский, гомосексуалист Г. Чичерин, нимфоманка А. Коллонтай, налетчик И. Сталин, биржевой спекулянт Л. Красин. Продолжать можно, но противно.

Еще один пример.

Писатель и публицист Л. Разгон недвусмысленно намекает на plombированный вагон, в котором Ленина провезли через Германию. Герой Разгона "прибыл в Стокгольм почти одновременно с группой политических эмигрантов, ехавших в Россию из Швейцарии через воюющую Германию, в "пломбированном вагоне"><sup>4</sup>.

А провезли, кстати, Ленина через воюющую Германию с почетом, и самым поспешным образом; даже задержали эшелон с эрцгерцогом: германскому генштабу позарез нужно было, чтобы Ильич оказался в смутное время в Петрограде. Но об этом немного позже.

Писать о Ленине трудно. И неприятно.

Трудно потому, что о нем написано много лжи. Очень много. Больше, наверное, чем о ком-нибудь другом. Лжи лубочной, паточной. Лжи анекдотичной. Стоит кому-нибудь придумать что-нибудь, как сразу же находятся "свидетели". Так, Е. Габрилович признается, что, стоило ему придумать

для сценария персонаж жениха медсестры Ленина, как такой человек моментально объявился<sup>5</sup>.

Когда я в 1965 году, будучи деканом Центральной комсомольской школы в Москве, попросил московский горком партии организовать встречу с людьми, бывшими на легендарном субботнике вместе с Лениным, мне ответили, не без смеха, что в настоящее время в горкоме зарегистрировано 85 человек, которые таскали с Лениным бревно. Можно подумать, бедняга Ленин по совместительству работал на лесопилке. А если учесть, что Ленин вообще не таскал бревен и вся эта история — не больше не меньше чем рождественская сказка, то число 85 выглядит внушительно.

Писать трудно про Ленина и потому, что многое еще прячется в секретных архивах. Мне говорили специалисты, что примерно пятая часть бумаг, написанных Лениным и о Ленине, находится там, куда "посторонним вход воспрещен". Пока воспрещен.

Наприятно писать потому, что, чем больше узнаешь этого человека, тем больше понимаешь, насколько он был жесток, лицемерен и лжив, насколько далек он от того сусального образа, которым долгие годы нас пичкают.

## **2. ЛЕНИН ТАКОЙ, КАКИМ ОН БЫЛ НА САМОМ ДЕЛЕ.**

По общему мнению людей, близко знавших Ленина, в личном плане он был неуживчив, склочен.

"Тот, кто не желает жить в обстановке вечной склоки, должен отойти от Ленина подальше! Создателем вечной склоки везде являлся Ленин", — говорил М. Горький<sup>6</sup>.

Друзей Ленин не имел. На "ты" звал только родственников и некоторое время Л. Мартова и Г. Кржижановского. "Ты" говорил он и Инессе Арманд, но "такое обращение, — пишет знавший его в то время В. Валентинов, — имело место не на почве общественно-политической, а интимной. О любовной связи Ленина с Арманд знала и Крупская и даже готова была отстраниться"<sup>7</sup>.

Товарищи по партии не любили Ленина. Никто из них не переписывался с ним. Ни один не сообщил ему о февральской революции.

”Самое больное место теперь, — признавался Ленин незадолго до февральской революции, — слабость связи между нами и руководящими рабочими в России. Никакой переписки. Никого, кроме Джемса, а теперь и его нет”<sup>8</sup>.

Напомним, что ”Джемс” — это партийная кличка М. Ульяновой, сестры Ленина.

Ленин был крайне труслив. ”Когда я увидела его /Ленина/ впервые в 1906 году на одном из загородных митингов в Петербурге, я была страшно неудовлетворена. Меня удивила не его наружность... а то, что, когда раздался крик ”Казачки!”, он первый бросился бежать. Я смотрела ему вслед. Он перепрыгнул через барьер, котелок упал с его головы”<sup>9</sup>.

Об этом же свидетельствует Охранное отделение: ”Побежал бестолково, сразу упал в канаву, из которой его вытаскивали”<sup>10</sup>. Казаки тогда, кстати, никого не арестовали.

О том, что творится в партии Ленина, Охранное отделение было хорошо информировано, оно постоянно держало в ЦК своих платных агентов (главным был позже разоблаченный Р.Малиновский). Об этом пишет начальник Охранного отделения А. Герасимов<sup>11</sup>.

Нужды Ленина никогда не знал. До смерти матери в 1916 году он практически паразитировал на ее деньги. Его письма к ней полны вымогательства денег: ” Попрошу прислать деньжонок” (1893 г.), ”Если можно, вышли еще сто рублей” (1895 г.). И так далее, и так далее, без конца<sup>12</sup>.

Даже в ссылке Ленин особенно не скучал.

До приезда Крупской он ”шлялся”: ”Здесь я живу хорошо... но занимаюсь мало, а больше шляюсь”<sup>13</sup>.

После приезда Крупской нанял служанку, и ”все нашли, что я потолстел за лето! Вот что значит охота и деревенская жизнь”<sup>14</sup>.

О том, какие лишения испытывал Ленин в ссылке, видно из воспоминаний О. Лепешинской. Цитата столь интересна, что я привожу ее целиком.

”По отношению ко мне, готовившейся стать матерью, он проявил чрезвычайную внимательность и чуткость. Ильич спросил: ”Чего бы вам хотелось поесть?” Я шутя ответила: ”Мой младенец хочет омаров”. Я была уверена, что эта просьба в условиях ссылки столь же невыполнима, как невозможно зимой достать земляники. Однако Ильич схватил фуражку, быстро вышел из дома. Он раздобыл-таки в каком-то магазине консервированных омаров или крабов и преподнес их мне!”<sup>15</sup>

Думаю, что в Шушенском и сейчас с омарами напряженка. И не только с омарами. Заодно подивимся ловкости Ильича, давшего нам пример, как ”доставать” продукты. Чем мы и занимаемся уже семьдесят лет.

Не нуждался Ленин и за границей. Особенно любил он, по свидетельству Крупской, ”всякие волжские продукты: балыки, семгу, икру”, которые в Париж и Краков ему присылала мать иногда ”в гигантском количестве... Володя придет откуда-нибудь и закусувает”<sup>16</sup>.

Правда, Ленин любил пугать родственников своим бедственным положением:

”О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать, ей-ей! Дороговизна дьявольская, а жить нечем! Надо вытащить силком деньги! Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь, это вполне серьезно, вполне, вполне”<sup>17</sup>.

Кстати, это ”прямо поколевать” относится к последним месяцам его пребывания в Швейцарии. А деньги тогда у него были, и немалые<sup>18</sup>.

Правда, незадолго до того, как у него появились деньги, агент царского Охранного отделения отправил в Петербург донесение о том, что ”видел Ульянова, входящим в германское посольство”. Но об этом немного после.

Или вот еще пример ”высоких” морально-этических качеств Ильича. Послушаем любящую жену.

”На маленьком островке спасались застигнутые ледоставом зайцы. Владимир Ильич сумел добраться в лодке до островка и прикладом ружья набил столько зайцев, что лодка осела под тяжестью тушек”<sup>19</sup>.

Не знаю, как вы, дорогой читатель, а я при этих строчках представляю себе пионеров с красными галстуками в музее Ленина у большой картины "Дедушка Ильич и зайцы".

Ни большими знаниями, ни особыми навыками Ленин не обладал.

Он почему-то фанатично ненавидел железные дороги, которые, писал он, "только в глазах буржуазных профессоров и мелкобуржуазных филистеров являются культурным цивилизаторским предприятием". Для Ленина они — не что иное как "орудие угнетения миллиарда людей"<sup>20</sup>.

Не уверен, что эта цитата из Ленина красовалась в клубе БАМа!

Некоторые его "научные выводы" без смеха читать нельзя. Так, в работе "Империализм как высшая стадия капитализма" одно из доказательств быстрого умирания капитализма он с присущей ему многозначительностью строил на... скором конце сырьевых запасов мира: "нефтяные источники полностью истощены, кончаются запасы кожи и хлопчатобумажного сырья". Это в 1916 году!

Он так и не смог, сколько ни старался, осилить печатание на пишущей машинке<sup>21</sup>.

Мировая культура мало интересовала Ленина. За многие годы пребывания в Париже он так и ни разу не удосужился сходить в Лувр.

Иногда просто удивляешься, как Ленин умудрялся все время ошибаться! И в самом важном.

Незадолго до начала мировой войны он "авторитетно" убеждал, что "мировой войны не может быть"<sup>22</sup>.

Он не только не "предсказал" февральскую революцию, но и долгое время отказывался в нее верить. "Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции", — писал он за несколько месяцев до февральской революции<sup>23</sup>.

"Проспал" он даже Октябрьскую революцию. Причем, проспал в прямом смысле слова. Но об этом ниже.

Говорить о каком-то "научном предвидении" Ленина

равносильно тому, чтобы считать великим финансистом человека, выигравшего в лотерею.

Теперь несколько поистине курьезных примеров.

Не поленитесь, дорогой читатель, раскрыть 33-ю страницу первого тома пятого издания Ленина. Вы будете вознаграждены за ваш труд.

Начинаю цитировать с восьмой строчки:

”...8 дворов совсем не имеют посева; 12 засевают по 4 дес.; 20 по 8; 40 по 16; 17 по 34 и 3 по 75 (всего посева получается 1583 дес.; т. е. немного даже менее 1600 дес.)”.

Попросите вашего сынишку проверить, как у Ленина с арифметикой. Если сынишка — старше второго класса, то сосчитает правильно: 1651 десятина. И, увы, не 1583, как у Ленина.

Вы скажете, описка. Хорошо. Только не закрывайте страницу. Теперь посмотрите 17-ю строчку.

” $20 \cdot 30 + 40 \cdot 191 + 17 \cdot 574 + 3 \cdot 1500 = 21\,350$  руб.”.

Увы, снова элементарная арифметическая ошибка. Получается на самом деле 22 498 рублей.

И это в первом же томе сочинений, на 33-й странице!

Невольно задумаешься, как он с такими-то знаниями медаль получил! И не удивишься ”совпадению”: и он, и его сестра получили золотые медали как раз в то время, когда их отец командовал всеми гимназиями в губернии. А директорствовал в той гимназии Ф. Керенский, который и своего сына, будущего министра-президента, тоже не обделил золотой медалью.

Но вернемся к арифметическим ошибкам. Если первая из ошибок была замечена редакторами и в примечаниях названа ”отдельной неточностью”, то на вторую внимания просто не обратили. Поистине никто серьезно Ленина не читает!

Любопытно и другое. В четвертом издании некоторые ”отдельные неточности” были тихо устранены. Хотелось бы узнать, сколько на самом деле было ”отдельных неточностей” в подлинниках Ленина! Хотя, стоит ли? Мы и так видим с вами, дорогой читатель, к чему привела арифметика Ленина.

И начинаешь понимать, почему Ильич так не любил ученых! С его знаниями арифметики они должны были его просто раздражать. И не поэтому ли, добравшись до власти, он лишил русских академиков продовольственных пайков, заставив их или эмигрировать или умирать голодной смертью?

Так, в 1922 году на основании только одного указа из СССР были высланы 160 (!) крупных ученых, в том числе ректор Петербургского университета, ректор Московского университета, заведующий кафедрой математики Московского университета, всемирно известные биологи, зоологи, математики, экономисты.

Правда, сейчас иногда пишут, что-де Ленин в тот день, когда подписывался указ, прихворнул и об указе слыхом не слыхивал!

Послушать наши пименов, то вся история тех лет представляется в виде зебры: черная полоска — "этого Ленин не знал", а светлая — это его "бессмертные деяния". Коллонтай обращает в большевики анархиста Железнякова (того самого, который позже покажет чудеса военной стратегии: "шел на Одессу, а вышел к Херсону") — это под непосредственным руководством "вождя революции". Та же Коллонтай распространяется о своих шести матросах: один на завтрак, два на обед, три на ужин — в это время время Ильич или вышел из комнаты или прихворнул. Неужели в это кто-нибудь еще верит?!

Никакие елейные рассказы о "добреньком" Ильиче не могут скрыть истинного лица "самого гуманного человека".

*"Надо расширить применение расстрела"*<sup>24</sup>. Или: *"Надо поощрять энергию и массовидность террора"*<sup>25</sup>. Или: *"Мы всегда стояли за применение насилия как в массовой борьбе, так и в связи с этой борьбой"*<sup>26</sup>. Или: *"К сожалению, крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они должны были уничтожить"*<sup>27</sup>.

Или знаменитое на весь мир: *"Надо составить тройку диктаторов, навести тотчас массовый террор"*<sup>28</sup>.



В отношении массового террора Ленин был специалистом: *"Провести беспощадный массовый террор... Сомнительных запереть в концентрационный лагерь за городом"*<sup>29</sup>. Обратите внимание, уважаемый читатель, не виновных, а сомнительных. Кстати, это первое в мире упоминание о концентрационных лагерях. Автором нового вида тюрем был вождь мирового пролетариата, лично.

Вот еще образцы гуманности Ленина:

*"Уверен, что подавление казанских чехов будет образцово беспощадное"*<sup>30</sup>. Или: *"Не хочу думать, что вы проявили слабость при образцовой конфискации всего имущества"*<sup>31</sup>.

Недурно, не правда ли, *"образцовая конфискации имущества"*?

Ленину принадлежит замечательная идея брать заложников: *"По каждой области назначайте (не берите, а назначайте) поименно заложников!"* Или еще лучше: *"Заложники отвечают жизнью за точное, в кратчайший срок, исполнение наложенной контрибуции"*<sup>32</sup>. То есть, мало того, что мы грабим, но, если найдем, что нам не все отдали, перебьем заложников. И это говорит не лидер экстремистской группировки, а руководитель государства, бывший юрист. Поистине нет предела ленинскому гуманизму.

Страдания людей — пустой звон для Ленина. Мировая война для него — удовольствие. Не верите? Прочтите такие его строки:

*"Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей Восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие"*<sup>33</sup>.

Такое невозможно читать без омерзения.

Двойные мерки приложения законов: одни для всех, другие для родственников и приближенных — это было введено в практику, узаконено Лениным.

Ленин требовал неукоснительно выполнять все *"суровые законы сурового времени"*, он метал громы и молнии против буржуазии, которая не понимает *"момента револю-*

ции". Жесткие слова о революционной необходимости "реквизировать кровати у интеллигенции" — ведь революция же — подкреплялись не менее жесткими распоряжениями: "Изъять!", "Конфисковать!" или совсем просто: "Отобрать и не возвращать!". По-пролетарски.

Зато когда речь идет о его любовнице, тут у Ленина "революционная необходимость" приобретает совершенно другие тона.

Письмо к Орджоникидзе. «Т. Серго! Инесса Арманд выезжает сегодня. Прошу Вас не забыть Вашего обещания. Надо, чтобы Вы протелеграфировали в Кисловодск, дали распоряжение устроить ее и ее сына как следует и проследили исполнение. Без проверки исполнения ни черта не сделают. Ответьте мне, пожалуйста, письмом, а если возможно, и телеграммой: "письмо получил, все сделаю, проверку поставлю правильно"»<sup>34</sup>.

Вообще, в отношении "устроить" Ильич был мастер. Он "устраивает" в санатории своих родственников, родственников любовницы, знакомых. Причем, естественно, всех за государственный счет. Ну как после этого повернется язык сказать что-нибудь плохое о Леониде Ильиче и Константине Устиновиче, верных ленинцах!

Трогательную заботу проявляет Ленин и о жене своего самого любимого ученика — Сталина. Он требует оставить Аллилуеву в партии, на том основании, что ее семья (отметьте, дорогой читатель, не сама Надя Аллилуева, а ее семья) помогала Ленину прятаться от ищеек Керенского<sup>35</sup>.

Проявляет он и особую заботу о Я. Ганецком. О том самом Ганецком, который обвинялся летом 1917 года в том, что он был посредником в передаче денег от германского генштаба Ленину<sup>36</sup>.

Ленин пересылает приятелю ящичек с подарками и выдает удостоверение за своей подписью, где пишет: "не подлежит досмотру"<sup>37</sup>.

Да и откуда может быть уважение к законам у человека, для которого продление феодального состояния страны стало целью жизни. Он и ведет себя в отобранном имени Гор-

ки как обыкновенный помещик-крепостник. Что стоит, например, это:

Из постановления. "По распоряжению заведующего санаторием тов. Вивера срублена 14 июня 1920 года в парке санатория совершенно здоровая ель. За допущение такой порчи советского имущества подвергнуть т. Вивера, заведующего санаторием при советском имени Горки, аресту на 1 месяц!" Председатель Совета Труда и Оборона В. Ульянов (Ленин). 14 июня 1920 г.<sup>38</sup>

Обратите внимание, дорогой читатель, на "ленинский стиль работы", на "высокую оперативность" вождя пролетариата: с посадкой в тюрьму не медлил. Виновный оказался за решеткой в день преступления. Правда, для этого Ленину пришлось срочно придумывать специальный закон и самого себя назначить судьей. Но это издержки "ленинского стиля работы". Зато наказание выбрал чисто пролетарское — "в тюрьму". А мог бы и выпороть. Или, как за такой же проступок известный тургеневский помещик — выдрать половину бороды.

Словом, "самый человечный человек" при ближайшем рассмотрении выглядит махровым крепостником и самодуром.

Чувства скромности Ленин был лишен напрочь. При установлении первых двухсот "вертушек" (кстати, тоже новинка, придуманная Лениным) он без ложного лицемерия дает специальное указание один из специальных телефонных аппаратов установить дома у "товарища Инессы".

Поистине, черного кобеля!..

Может быть, скоро гласность дойдет и до издания в СССР книги начальника контрразведки Временного правительства Б. Никитина<sup>39</sup>.

И тогда советский читатель узнает про линию: германский генштаб → немецкий шпион Парвус (А. Гельфанд) → двойной агент Я. Ганецкий → то меньшевик, то большевик Стеклов (Ю. Нахамкис) → большевики Л. Красин и А. Коллонтай → В. Ленин, и поймет, на какие деньги издавались мно-

гочисленные большевистские газетенки летом 1917 года, кто оплачивал агитаторов, разъезжающих по полкам с призывами поддерживать большевиков и не продолжать войну, и на какие средства жил Ильич в эти трудные годы.

Впрочем, это — не единственная книга. Можно порекомендовать и другие. Лучше всего, конечно, издать давно уже ставшие достоянием всего мира берлинские архивы кайзеровских времен, не оставляющие и тени сомнения по поводу "немецких денег".

Что касается "немецких денег", то тут Ленин лгал особенно беспардонно. Сравните, дорогой читатель: "Мы не только никогда ни прямого, ни косвенного участия в коммерческих делах не принимали, но вообще *ни копейки денег ни от одного из названных товарищей (Ганецкого и Козловского) ни на себя лично, ни на партию не получали*"<sup>40</sup>. И он же в письме к Я. Ганецкому и К. Радеку: "*До сих пор ничего, ровно ничего: ни писем, ни пакетов, ни денег от вас не получили*"<sup>41</sup>.

Трудно, очень трудно Ленину объяснить, почему "у участников июльского большевистского восстания были реквизированы деньги со слегка подчеркнутыми двумя последними цифрами. На эту особенность в отпечатанных в Германии кредитных билетах еще до войны обратило внимание Русское министерство финансов"<sup>42</sup>.

Ловко управлялся Ленин и с партийными деньгами.

О его нечистоплотности в отношении казенных денег написано много. Приведу только несколько выдержек:

"Обличенный на пленарном собрании ЦК в 1910 году в Париже Ленин за возврат денег требует отступного... Система финансирования, организованная Лениным, сопровождалась подтасовкой и подлогами"<sup>43</sup>.

"По указанию Ленина Семашко унес в фиктивный комитет всю кассу партии... Ленин субсидировал членов ЦК, чтобы иметь их голоса"<sup>44</sup>.

Не гнушался Ленин и совсем "грязных" денег.

"В 1907 году военно-техническое бюро Центрального Комитета Российской Социал-Демократической партии, состо-

явшее из большевиков, заключило договор с пермской "дружиной" разбойника Лбова... По договору, составленному на бланке ЦК, но без ведома последнего, большевики обязались поставить Лбову транспорт оружия. Деньги, 10 000 рублей, были получены большевиками вперед, но оружие доставлено не было. Сам Лбов был пойман и повешен, но один из его "дружинников", по прозвищу Сашка Лбовец, приехал в Париж требовать деньги обратно. Разыгрывается очередной конфликт"<sup>45</sup>.

Очень много написано о Ленине лжи. Лжи большой и лжи малой.

Вот пример лжи малой.

"Правда" описывает жизнь Ленина в Париже на улице Бонье: "Жил Владимир Ильич в маленькой квартирке, где маленькая комната была его кабинетом, кухня служила и столовой и приемной"<sup>46</sup>.

А сам Ленин в письме от 19 декабря 1908 года к своей сестре пишет: "Нашли очень хорошую квартиру! 4 комнаты, кухня + чуланы, вода, газ!" Это же и подтверждает Крупская в своих "Воспоминаниях": "Квартира... на улице Бонье была большая, светлая и даже с зеркалами над каминами. Была там отдельная комната для моей матери, для Марии Ильиничны!"

Это, конечно, ложь маленькая. Но из таких "неточностей" выткана вся биография Ленина.

Что же касается больших неточностей, то вот, к примеру, эта.

Вы, разумеется, дорогой читатель, хорошо помните кадры из кинофильмов об Октябрьской революции: Смольный, матросы и Ленин, отдающий приказы. Ленин, Ленин, Ленин!

Но, увы, Ленина в тот вечер в Смольном не было.

Откройте, дорогой читатель, вышедшую в 1988 году книгу "О Надежде Крупской". На странице 71-й вы прочтете следующие строки из воспоминаний М. Фофановой. Напомню, что у Фофановой Ленин жил в предшествующие Октябрьской революции недели.

Вот как Фофанова описывает события ночи с 24-го на 25 октября 1917 года:

”Я походила по Смольному, как ”безработная”, почувствовала после такого дня смертельную усталость и побрела домой. Воспользовалась трамваем, идущим в парк, а часа в 3 – 4 легла спать. Вскоре звонок. Подхожу к двери, слышу голос Надежды Константиновны. ”Ушел, ушел”, – отвечаю. Надежда Константиновна быстро спустилась по лестнице”<sup>47</sup>.

Странно, не правда ли, Крупская, которая была в Смольном весь вечер, о чем она рассказывает в своих воспоминаниях, вдруг после четырех ночи оказывается на Выборгской стороне, где ищет Ленина. Зачем? Если бы Ленин был в ту ночь в Смольном, зачем бы Крупской искать его у Фофановой? Ответ может быть только один: в ту ночь Ленина в Смольном не было.

Это же можно вывести и из воспоминаний самой Крупской.

”Тогда настолько захватывающим было впечатление восстания, что я не помню, видела ли я там Ильича или не видела”, – признается она<sup>48</sup>.

Крупская не видела. А кто видел?

Официальная историография пишет: ”Многие не узнавали Ленина в ту ночь, потому что он был побрит наголо и загримирован”. Словом, отдавал приказы человек-невидимка. Одни узнавали его по ”кепочке”. Беда только, что он сам потом говорил, что шапку потерял по дороге в Смольный. Другие ”проникались духом его присутствия”.

Но ведь были же люди, которые могли его узнать и в таком виде. И прежде всего, те женщины, которые хорошо его знали лично, и те, кто работал с ним. Эти не могли не узнать.

Но все они на вопрос, видели ли они Ленина в ту ночь в Смольном, дают или такие же уклончивые ответы, как Крупская. Или крайне противоречивые.

Так, Фофанова в тех же воспоминаниях пишет, что, когда она пришла в Смольный, то увидела снимающего пальто Ленина<sup>49</sup>. Стало быть, она его там видела. Но... Через несколько часов она возвращается домой, и к ней приходит Крупская,

которая спрашивает, где Ленин. По логике вещей Фофанова должна была бы ответить, что Ленин — в Смольном и что она его там видела. Однако, помните, что ответила Фофанова? "Ушел, ушел!"<sup>50</sup> Стало быть, либо она не была в Смольном, либо в Смольном не было Ленина.

А вот что пишет человек, непосредственно руководивший восстанием, Л. Троцкий.

"В письме (<sup>51</sup>) есть все же элемент загадки, каким образом Ленин, укрывавшийся в Выборгском районе, не знал до самого вечера о решении столь исторической важности /о начале восстания/... Связь с Лениным поддерживалась в этот день через Сталина. Остается предположить, что, не явившись на утреннее заседание ЦК, Сталин так и не узнал до вечера о вынесенном решении"<sup>52</sup>.

Троцкому можно поверить, Сталин мог обеспечивать в те дни связь с Лениным, потому что именно Сталин обеспечивал связь с Лениным и тогда, когда тот находился в Разливе, и тогда, когда безнадежно больной Ленин жил в Горках. Навязывается, однако, вопрос, почему в годы правления Сталина о том, что тот поддерживал связь с Лениным в решающий для партии вечер, ничего не говорилось. И почему, наконец, Ильич не прогневался на своего любимца за то, что по его вине он не знал даты восстания?

Попробуем разобраться.

Меня удивило, почему Крупская поселила своего не гнушающегося человеческих радостей мужа к разухабистой тридцатичетырехлетней вдовушке, предусмотрительно отославшей детей за город. Причем, поселила на довольно длительный срок.

Я как-то спросил об этом саму Фофанову. "Я сама удивляюсь, — призналась та, — Надежда Константиновна меня-то толком и не знала. Она подошла ко мне и спросила, не буду ли я против, если у меня поживет Ленин".

Крупская тогда дала Фофановой только один наказ, следить за тем, чтобы Ленин никуда не уходил.

А тот, тем не менее, уходил. Об этом Фофанова написала в своих воспоминаниях. И возвращался не скоро. И за две

недели не написал ни строчки. Иногда говорят, что он редактировал работу "Марксизм и революция". Но, увы, он сам признается, что кончил писать эту работу в сентябре<sup>53</sup>.

Что же произошло в ту ночь, когда "октябрь начал дуть ветрами при капитализме, а кончил при социализме"?

Вечером, как пишет Фофанова, Ленин в очередной раз ушел из дома. Куда? Не будем слишком любопытны, дорогой читатель.

А в это время Крупская начинает волноваться, "опять Володю обошли". Она бросается его искать. Если учесть, что от Смольного до Выборгской стороны она могла пройти за час, а у Фофановой была в 3 — 4, то это может означать только одно: до трех часов утра Ленина в Смольном не было.

Но тем не менее к утру он все-таки в Смольном оказался. Утром его уже там видели.

Как он там оказался? Кто его предупредил?

О том, что Ленин жил у Фофановой, знали только четверо: Сталин, Крупская, Фофанова и — по некоторым данным — финн Э.Рахья, убитый в 1920 году.

По логике вещей Ленина должен был предупредить Сталин, который, по свидетельству Троцкого, узнал о восстании вечером. Собственно говоря, о такой возможности упоминает и сам Троцкий.

Я представляю себе ночной Петроград. Ветры уже дуют "при социализме", а "вождь мирового пролетариата" и будущий "гениальный друг народов" спешат рысцей, чтобы успеть поруководить историческим событием. Так спешат, что по дороге "вождь мирового пролетариата" теряет шапку.

Но для того, чтобы Сталин смог найти Ленина в ту ночь, нужно предположить, что он знал, "куда уходит Ленин". И не в этом ли секрет, почему Ленин не обиделся на Сталина? Почему всегда держал его близко к себе, как лицо, облеченное особым доверием? Не потому ли Сталин никогда не выказывал уважения к Крупской?

И не поэтому ли Крупская так не любила Сталина? Ведь, по распространенной версии, известное ленинское "Письмо к съезду" с суровой оценкой Сталина — не больше чем фаль-



шивка; написано оно Крупской. Ленин в момент появления письма находился в абсолютном маразме, иногда забывал свое имя. Это было известно всему Политбюро. Под вопросом и авторство его последних работ.

И наконец, не потому ли Сталин в 30-е годы не тронул ни одну из женщин, которые "могли узнать" в ту ночь в Смольном заgrimированного и побритого наголо Ленина? Только они могли быть самыми "надежными" свидетелями того, что Ленин был в Смольном в ту ночь, и следовательно, Ленин, а не Троцкий руководил восстанием. Для Сталина это было крайне важным.

И они свидетельствовали в меру своих способностей. Свидетельствовали долго. Н.Крупская умерла в 70 лет, М.Фофанова — в 93 года, Л.Фотиева — в 94, А.Коллонтай — в 80, Е.Стасова — в 93. Одна только "главная свидетельница", И.Арманд, умерла рано, в 46 лет, в 1920 году. Но ее неожиданная смерть может послужить темой для особых исследований.

Сталин однажды пригрозил Крупской: "Нужно будет, мы скажем, что женой Ленина была Стасова". Определенные основания для этого, вероятно, имелись: Стасова до конца своих дней давала понять, что Ленин образовал псевдоним от ее имени.

В этом случае жалко, что ее звали Леной, а не Варей. Был бы у нас тогда "марксизм-варваризм". Хотя по некоторым данным, псевдоним Ленин взял по имени симбирской гимназистки.

Примечательно, что Крупская в своих рассказах о Ленине практически всегда избегала называть его "Лениным". До революции она подписывалась "Ульянова", а после революции — "Крупская".

Болезнь, согнавшая Ленина в могилу, всегда оставалась тайной за семью замками.

В последнее время (гласность все же) и сюда стал проникать журналистский фонарь. Бесстрашный "Огонек" поинтересовался болезнью Ленина у министра здравоохране-

ния Е. Чазова, который участвовал в 1969 году в работе комиссии, анализировавшей историю болезни. Вот что ответил министр:

”Напомню, что в 1918 году В. И. Ленин был ранен. Пуля, прошедшая по касательной, остановилась вблизи сонной артерии. Образовавшаяся вокруг пули гематома (кровоизлияние), да и сама пуля, которую удалили лишь через несколько лет, сдавили сонную артерию. Изменения в сосуде способствовали развитию атеросклероза, который позже привел к нарушению мозгового кровообращения! Все остальные домыслы о якобы имевшихся у Ленина заболеваниях не нашли подтверждения”<sup>54</sup>.

Итак, Чазов не отвергает наличие у Ленина ”каких-либо других” болезней, он только говорит, что ”они не нашли подтверждения” во время исследований, проведенных в 1969 году. Кстати, зачем нужно было проводить такие исследования? Почему нужны ссылки на комиссию, работавшую через 45 лет после смерти? Почему просто не опубликовать патологоанатомическое заключение о смерти?

Подтверждение министром здравоохранения канонической версии о роковой роли пули Ф. Каплан снова возвращает нас в ту славную эру, дорогой читатель, когда нам внушалось, что пуля та была-де отравлена и что головные боли и потеря сна, от которых Ленин особенно страдал в последние годы жизни, были вызваны каким-то количеством свинца, который она содержала.

Теперь в устах Чазова история с пулей звучит более научно, другие времена. О том, что к концу жизни головная боль проходила крайне редко и спать он почти не мог, много писали его современники, упоминал и он сам. Словом, ”вражеская пуля”...

Но вот беда! В 1929 году в ”Правде” латышский большевик Я. Берзинь-Зиемелис, вспоминая о своих встречах с Лениным в 1906 году, пишет:

”Уже в это время Владимир Ильич страдал головными болями и бессонницей, поэтому он вставал сравнительно поздно и почти всегда мрачный и угрюмый”<sup>55</sup>. Напомню, что

было это в 1906 году, аж за двенадцать лет до пули Каплан.

Вот ведь какой Владимир Ильич! Страдал от ранения за двенадцать лет до ранения.

Что же касается Чазова, то мне хотелось бы напомнить министру слова самого Ленина: «Упаси боже от врачей-товарищей вообще, врачей-большевиков в частности... Право же, в 99 случаях из 100 врачи-товарищи — ”ослы”»<sup>56</sup>.

Предоставляю вам, дорогой читатель, решить, к какой части этих ста процентов следует отнести в данном случае самого Чазова. Обращаю при этом внимание, что это слова — не мои, а человека, у которого ”все остальные домыслы о заболеваниях не нашли подтверждения”.

Ну а как же было на самом деле?

Еще в детстве я слышал историю о болезни Ленина сифилисом. Рассказывали про его похождения в Париже. Причем рассказывали старые большевики, лично знавшие Ленина. Не исключали и шушенскую ссылку, где, как упоминала подруга Ленина Арманд, была распространена эта болезнь. Некоторые, правда, утверждали, что сифилис у Ленина был ”бытовой”, то есть наследственный.

Приводят часто и версию о том, что, будучи ребенком, Ленин сильно ударился головой. И отсюда начались его мучительные головные боли и бессонница.

Но это — версии. Нужны факты.

Фактов мало. Но кое-что есть.

Процитирую отрывок из книги Ю. Анненкова ”Дневник моих встреч”, переизданной в Нью-Йорке в 1966 году:

”...меня прежде всего поразила стеклянная банка, в которой лежал заспиртованный *ленинский мозг*, извлеченный из черепа во время бальзамирования трупа: *одно полушарие было здоровым* и полновесным, с отчетливыми извилинами; *другое*, как бы подвешенное к первому на тесемочке, — *сморщено, скомкано, смято и величиной не более грецкого ореха*”<sup>57</sup>.

Как же он, бедолага, таким мозгом руководил пролетарской революцией!

Дальше — еще страшнее. Как мог он, полуумный в пря-

мом смысле слова, потерявший дар речи, надолго полностью впадавший в детство, пробывший в маразме безвылазно больше года, писать в это время "исторические" труды!

Попутно отметим, что расстреляна Ф.Каплан была по приказу Ленина. Напрасно плакала Крупская и просила Ленина проявить гуманность. Ленин не согласился. Царское правительство могло помиловать подругу Крупской Веру Засулич, ранившую петербургского градоначальника Ф.Трепова. Ленин был не из таких.

Кстати, на просьбы Крупской помиловать Каплан, Ленин, как свидетельствует А.Балабанова, ответил: "Решит Центральный Комитет". А в это время Каплан уже была расстреляна, и он знал об этом<sup>58</sup>.

Миф о том, что Ленин не знал, что Каплан расстреляли, потому что якобы долгое время находился без сознания, тоже не имеет под собой никакого основания. Ленин сознания не терял, после ранения сам пришел домой. Правда, врача нашли не сразу: многие, к кому обращались, узнав, что ранен Ленин, открыто выражали радость и наотрез отказывались идти ему помогать<sup>59</sup>.

Однако Ленин милостиво разрешил "мифу жить". В этом весь Ленин. Коварный и лживый демагог.

Человек, с которого нельзя брать примера.

### **3. СТАЛИН – ВЕРНЫЙ ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ДЕЛА ЛЕНИНА.**

Если внимательно просмотреть все ранние издания собраний сочинений Ленина, то можно найти только два-три примера (впрочем, уже хорошо известных), когда Ленин не очень лестно отзывался о "замечательном грузине". Зато других своих соратников вождь революции не щадил. Он не упускал случая, чтобы, как говорится, не повозить мордой об стол и Л.Троцкого, и Л.Каменева, и вечного своего спутника Г.Зиновьева, и "нашего Бухарчика". В выражениях Ленин не стеснялся.

Трогательное единство взглядов двух вождей и характер школы, которую прошел у Ленина его любимый ученик, показывает такой пример. Сталин дает указание: "При отходе забирать все продовольственные излишки". Ленин ставит под распоряжением свою подпись, но добавляет: "Не обижая рабочих"<sup>60</sup>.

Убедительных примеров, которые бы свидетельствовали о наличии каких-либо теоретических расхождений между двумя вождями, нет. О "Письме к съезду" я уже говорил.

Сталин не сделал ничего такого, что не согласовывалось бы с мыслями, поступками, практикой Ленина.

Посудите сами. Не Сталин первым додумался до депортации родственников своих политических противников. Ленин мыслил куда шире. Именно он, а не кто иной, ввел в практику захват заложников. Причем захват государством, а не группой безответственных террористов.

Не Сталин (и не Гитлер) придумал концентрационные лагеря. Честь этого открытия, как мы уже отмечали, принадлежит Ленину. И грабеж, официально возведенный в государственную политику, — это тоже Ленин. И ЧК, и массовые расстрелы — все это началось не при Сталине, а раньше, с самого начала.

Кровавые расправы сталинского приспешника Г. Ягоды мало чем отличались от тех, которые санкционировал родственник Ягоды, ленинский приспешник Я. Свердлов, устроивший под своей спальней камеру для контрреволюционеров. Там, кстати, содержалась до расстрела Каплан.

Не при Сталине, а при Ленине начали стрелять в рабочих, грабить крестьян, рушить и осквернять церкви, расстреливать поэтов. О том, как при Ленине распродали и разграбили культурный потенциал России, я расскажу подробнее ниже. Кстати, Сталин в последние свои годы относился к художественным ценностям куда более по-хозяйски, чем Ленин.

Нельзя одобрить московские процессы 30-х годов. Но и нельзя забывать, что жертвы, победы они, а не Сталин, поступили бы с ним так же, как он с ними. Вспомните санкционированные Троцким и Зиновьевым расстрелы; вспомните

хвалебные оды тюрьмам Рыкова и Каменева. Так что приходится прийти к грустному убеждению: "один шулер переиграл других". А выиграла ленинщина.

Если от внешне привлекательных марксистских идеалов, которые и сам Ленин всерьез никогда особо-то не принимал, Сталин оставил только обязательные для зазубривания штампы, то — это только продолжение одной и той же ленинской линии в марксизме.

Я помню, как учитель истории объяснял нам, что такое свобода. "Свобода есть осознанная необходимость, — сказал он и потом глубокомысленно добавил: — осознанная товарищем Сталиным". Это был настоящий урок ленинизма, и ничего другого.

Заодно отметим, что в некоторых вопросах Сталин был куда бóльшим демократом, чем Ленин. (Если так можно сказать про Сталина.) Так, Ленин был против всеобщих выборов, он считал, что народу изъяслять свое мнение вовсе не обязательно, потому как он, Ленин, знает все лучше. Сталин был тоже уверен, что он все знает лучше, но всеобщие выборы все-таки ввел. Какие-никакие, но все-таки выборы. Именно Сталин вернулся к национальным русским атрибутам, таким как елка, погоны, чего Ленин на дух не выносил.

Сейчас иногда вздыхают: ах, если бы не Сталин...

Хорошо, не Сталин, а кто? Ленин до самого смертного одра так и не решил, кому отдавать власть — Троцкому или Сталину. И повел бы нас Лев Давидович тем же историческим путем. Тем же. И была бы у нас сейчас, на радость активистам из "Памяти", "детроцкизация". И то, что это не так, — никто не докажет, потому как история — не химия, второй раз в ту же пробирку другой жидкости не нальешь.

Сталин сам себя не выбирал. Сталина отобрал Ленин, Ленин поставил Сталина на одну из самых высоких в государстве должностей, и Сталин с честью выполнял все заветы Ленина до самого последнего дня своей жизни.

Интересную мысль приводит Г. Нилов. Он задает ряд вопросов:

— кто кооптировал Сталина в ЦК?

— кто поручил Сталину главную роль на последнем перед Октябрьским восстанием съезде партии?

— кто включил Сталина в состав первого правительства большевиков?

— кто ввел в партии пост генерального секретаря и кто утвердил Сталина первым генсеком?<sup>61</sup>

Ответ на все четыре вопроса один: Ленин.

Был ли Сталин палачом? Был. Отвратительным палачом. Палачом, равного которому нет в истории.

Но ведь, если бы судьи не приговаривали, то палачи не рубили бы голов.

И не сколоти Ленин ГПУ и ЧК, не перестреляй "белых", "зеленых" и просто не очень "красных", не создай "нового" государства, быть бы Иосифу Виссарионовичу каким-нибудь захудалым налетчиком. Но Ленин создал государство, где можно было грабить и убивать безнаказанно. И Сталин пришелся ко двору.

*Сталин оказался только исполнителем приговора над страной и ее жителями, — приговора, который вынес стране и ее народу Ленин.*

Нравится это кому-нибудь или нет, это другой разговор. Но факт остается фактом.

И не поэтому ли так уверена в себе та же Нина Андреева:

"Учитывая, что Сахаров, Гельман, Шатров и другие "про-рабы духа" призывают ныне к ползучей контрреволюции, наподобие "пражской весны" 1968 года, необходимо везде, где возможно, давать им отпор, не пропускать ни одного выпада против Сталина и нашей революции, и социализма", — пишет она<sup>62</sup>.

Для нее, так же как и для многих, Сталин — это синоним Октябрьской революции, синоним социализма, синоним Ленина.

#### 4. РАЗОБЛАЧЕННЫЙ ЛЕНИН.

Скажите, дорогой читатель, вы, который грамотнее комсомольцев 20-х годов и лучше, чем они, можете разобраться в "мудрых" ленинских строчках; скажите, читали ли вы когда-нибудь Ленина по своей воле?

Вы аккуратно переписываете "первоисточники"; как пугай повторяете примитивную тягомотину учебников и "разработок"; ходите на семинары (слава богу, они – в рабочее время), все повторяете: "Ленин – Ленин – Ленин" в прерамбулах своих выступлений на собраниях. Но все это так далеко от вашей реальной жизни. И так ненужно.

Выражение "посоветоваться с Ильичом" вызывает у вас смех? Вы знаете, что с равным успехом вы могли бы советоваться со Степашкой.

"Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата", – писал М. Горький, человек, очень хорошо знавший Ленина<sup>63</sup>.

Время Ленина прошло. Люди теперь знают, что он не был ни безупречным революционером, ни высоконравственным человеком.

И как ни повторить мудрую библейскую заповедь: "Берегись лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре, а внутри есть волки хищные. По плодам их узнаете их"<sup>64</sup>.

Казенное обожествление Ленина всегда вызывало тошноту и протесты. Наиболее значительным проявлением истинного отношения к Ленину бесспорно является "лениниана" анекдотов, ответ униженного, но не потерявшего юмор народа.

От анекдотов 20-х годов типа: "В Ленине нет ничего положительного, кроме реакции Вассермана", до самых последних: "На вопрос, что делать с Рустом, Ленин отвечает: проверьте самолет, если он заплombирован, то этот Руст – шпион и его надо сажать", – все они полны злобы и горечи, насмешки над теми, кто, исходя розовыми слюнями, умиляется каждой глупости, связанной с именем Ленина.



Как ни привести вот такой, например, анекдот:

Из воспоминаний Крупской для детей. "Дорогие дети! Всем известна великая доброта Ленина. Вот я вам расскажу такой случай. Однажды Владимир Ильич брился, а рядом маленький мальчик стоял. Ленин побрился, кисточку вымыл, бритвочку вытер и положил ее в футлярчик! А ведь мог бы и полоснуть!"<sup>65</sup>

Анекдотами кажутся и некоторые воспоминания о Ленине.

Так, Ц. Зеликсон-Бобровская пишет буквально следующее:

"В первый момент совестно, что я своим приходом помешала им работать, но когда я встретила веселый, прищуренный взгляд Ильича, ощутила крепкое его рукопожатие, а также мягкое пожатие ласковой руки Надежды Константиновны, мне стало легко и свободно, завязался разговор о меньшевиках..."<sup>66</sup>

Меняются времена, меняются и анекдоты о Ленине.

Так, если раньше Ленин, сбежавший из мавзолея, отправляется "делать новую революцию", то теперь видят, как он в Ульяновске получает копию свидетельства о рождении и говорит: "Обязательно укажите национальность матери. Без этого в ОВИРе и разговаривать не станут".

По анекдотам можно проверить реальное отношение к Ленину.

Я как-то проезжал по Ленинграду. И молоденькая девушка из обкома комсомола, показывая мне на дом, где в октябре 1917 года жила Арманд, сказала: "Здесь в октябрьские дни Владимир Ильич скрывался от преследований Надежды Константиновны". Сидевший рядом секретарь обкома захохотал.

Ленин во всех анекдотах — коварен, злобен, нечистоплотен. Таким его представляют люди. И другое уже невозможно.

Ленинский поезд ушел.

В заключение я полностью приведу слова автора, скрывшегося за инициалами Б. П.:

"Именно под руководством Ленина была уничтожена

свобода печати и заведена цензура, свирепой бессмысленностью превосходящая все, что когда-либо знала Россия. Именно под руководством Ленина были уничтожены не только демократические партии страны (центр и все, что правее центра), но и все социалистические партии, не отказавшиеся от своей самостоятельности. Именно Ленин в 1921 году ликвидировал последние возможности существования внутривластной демократии, запретив фракционную деятельность. Именно Ленину страна обязана созданием всемогущего аппарата насилия. Ленин провел первые и решительные шаги по искоренению народной культуры, расколол и советизировал Церковь. Именно Ленин закрепил отождествление социализма с абсолютной централизацией хозяйственной и политической власти. Ему наш государственный механизм обязан неистребимым тяготением к вождизму, к разрушению всех препятствий на пути полной монополизации власти.

Можно ли считать случайным, что именно при Ленине — еще при Ленине — двумя основными претендентами на абсолютную власть в партии и государстве оказались Сталин и Троцкий, как раз те двое, которые всегда грешили чрезмерной склонностью к администрированию и жестокому насилию?

Ленин заложил идейные и организационные основы колхозной системы, которая до сих пор держит страну на полуголодном пайке.

Под руководством Ленина в стране были подавлены последние очаги свободомыслия и инакомыслия, уцелевшие в гражданской войне<sup>67</sup>.

Пожалуй, лучше не скажешь!

## Глава четвертая

### КРИЗИС ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ЛЕНИНИЗМА

#### 1. ЛЕНИНСКИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЫКЛАДКИ ИЛИ НЕВЕРНЫ ИЛИ УСТАРЕЛИ.

Абсолютное большинство ленинских теоретических выкладок безнадежно устарело и никого уже не волнует. Все много раз пережеванные ленинские споры с народниками и махистами выглядят сейчас не более значительными, чем дискуссии о правописании буквы "ять".

Теоретические выводы Ленина, по которым создавался эскиз нашего государства, оказались глубоко ошибочными, ненаучными. И это не требует особых доказательств, ибо, как любил говорить сам Ленин, самая надежная проверка любых научных теорий — практика. А вот с практикой у ленинских выкладок — неувязка. Они не выдержали испытания временем.

Где та неминуемая гибель капитализма, которую с пеной у рта выкрикивал Ленин? Почему марксизм побеждает не в наиболее развитых промышленных странах Запада, а наоборот, в самых забытых и неразвитых? Можно ли говорить об абсолютном обнищании пролетариата в настоящее время? Может ли рабочий класс, постепенно уменьшающийся в развитых капиталистических странах, создать какое-то новое общество?

Никакие ссылки на "новые" обстоятельства, на "особые" пути больше никого не обманывают. Не послушался капитализм ленинских теорий. Не загнивает.

А по нашу сторону! Где тот "невиданный" расцвет рабоче-крестьянского государства? Где отмирание государства по мере укрепления социалистического способа производства? Где, на худой конец, "расцвет личности"?

Не проходят больше ссылки на ошибки при претворении "замечательных идей" в жизнь, на промахи предыдущих генсеков и всякого рода спекуляции типа уже навязших на зубах сентенций "если бы был жив Ленин". Даже самый большой обман имеет предел. И этот предел наступил.

Организаторы нашей идеологии приводят очень много цитат из Ленина, с тем, чтобы создать впечатление, будто бы он действительно давал правильные ответы на все главные вопросы политики и теории. Цитат из Ленина раннего или из Ленина позднего. Лучше позднего. Чего-чего, а с цитатами управляться у нас умеют. Еще очень хорошо получается убеждать неспорящего, молчащего или просто наплевательски ко всему относящегося собеседника.

А вот на спорящих людей, на серьезных людей цитаты из Ленина не действуют так убедительно. Эти люди знают, что в зависимости от конкретной политической ситуации можно выудить из объемистых томов любые "убедительные" высказывания как "за", так и "против". Сообразуясь с обстоятельствами, можно найти цитаты и "за всеобщее разоружение" и "против"; и "за террор" и "против", и так далее. Из огромного количества опубликованного Ленина, а тем более из того, что до сих пор не опубликовано и всегда по указанию со Старой площади может увидеть свет, подобрать желаемую цитату — дело времени.

А вот какая на самом деле начинка ленинских теорий, советский народ узнал. Жизнь, сконструированная по ленинским чертежам, — это полунисенское существование, тюрьмы, концлагеря, запреты на выезды, вчерашний день науки, — словом все, что мы называем средневековой отсталостью и преступлениями. Такое никогда не воодушевит людей с нормальной психикой.

Иногда марксисты на Западе говорят, что Ленин не был теоретиком, он был только практиком. И написал-де только одну теоретическую работу — "Империализм как высшая стадия капитализма". (К этой работе я вернусь в следующем разделе.)

С этим согласиться можно. Действительно, какую теоре-

тическую нагрузку несут его работы против народников? Они полны цитат, цифр, повторений, в них есть все, кроме собственных оригинальных мыслей.

В качестве курьеза приведу пример. В одном сборнике рядом были опубликованы две работы Ленина, "Три источника и три составные части марксизма" и "Марксизм и революция". В этих работах Ленин дает два взаимоисключающих определения понимания Марксом классовой борьбы. Причем Ленин из "Марксизма и революции" называет "оппортунистическим искажением марксизма" взгляды, высказанные Лениным в "Трех источниках".

Посудите сами. Вот цитата из "Трех источников и трех составных частей марксизма":

"Гениальность Маркса состоит в том, что он сумел раньше всех сделать и провести последовательно тот вывод, которому учит всемирная история. Этот вывод есть учение о *классовой борьбе*"<sup>1</sup>.

Отметим, что писал он это в марте 1913 года.

А вот, что он напишет через четыре года:

"Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе *не* Марксом, а буржуазией *до* Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, *приемлемо*"<sup>2</sup>.

Когда я указал на это противоречие ныне покойному профессору А.Ф. Яковлеву, тот сказал: "Никто Ленина не читает, никому он не нужен".

Ленин был поистине выдающимся начетчиком, большим специалистом по жонглированию цитатами. Троцкий говаривал: "У Ленина, как в библии, можно найти все, что захочешь".

Существенного влияния на развитие общественной мысли России ленинские работы не имели. Или, во всяком случае, имели куда меньшее влияние, чем сейчас им приписывают.

Так, его ныне канонизированная работа "Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов" была после написания отдана им некоему С. Мицкевичу, который ее успешно потерял и нашел только в 1923 году. "Задержалась она печатанием на двадцать девять лет", – вздыхает Мицкевич<sup>3</sup>.

Много писал Ленин. Много пишут о нем.

Библиотечные полки полны пухлыми фолиантами с удручающе однообразными названиями:

"Ленин о культуре" (Москва, 1985 г.); "Ленин о социалистическом строительстве" (Москва, 1986 г.). Чего стоит, например, одно только название первого раздела – "Социалистическое строительство. Социализм – живое творчество народов". Прямо: "спасение утопающих – дело рук самих утопающих".

"Ленин о воспитании и образовании" (Москва, 1987 г.). "Ленин о Великой Октябрьской социалистической революции" (Москва, 1987 г.). "Ленин о работе с кадрами" (Москва, 1988 г.). И так далее.

Эти книги, конечно, никто не читает. И вы это хорошо знаете, уважаемый читатель. Но обратите внимание, изданы они в последние три года. Дело не только в том, что нужно чем-нибудь занять ученых-марксистов. Просто каждые новые распоряжения власть имущих требуют нового "переосмысления Ильича", или, говоря простым языком, новую обойму цитат. Поэтому уважаемые марксисты регулярно вносят поправки, "соответствующие времени", и получают повышенный гонорар.

Зато на читаемых писателей бумаги не хватает. «По-моему, Суслов совершенно уверен, что если в магазине нет Булгакова, то я от тоски возьму "Ленин о культуре"», – как-то пошутил тот же профессор А. Ф. Яковлев.

Ну а как же все-таки с "теоретической" работой Ленина, с "Империализмом как высшей стадией капитализма", которую правоверные ленинцы скромно называют "коммунистическим кораном"?

Рассмотрим подробнее эту работу.

## **2. ИМПЕРИАЛИЗМ И МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ – НЕ СИНОНИМЫ. В ЭТОМ ГЛАВНЫЙ ПРОСЧЕТ ЛЕНИНА.**

Ленин предсказывал неотвратимое превращение старого капитализма в монополистический империализм, в умирающий политический строй, который пролетариат неизбежно должен будет свергнуть и заменить социалистической диктатурой, если ему не помешают оппортунисты.

История обернулась совсем иначе.

Разберемся сначала, что такое империализм.

Империализм, утверждают словари, это экспансионистская политика одного государства в области колониальной, континентальной, морской и экономической, ведущая к захвату других государств под свое влияние. К. Каутский определил империализм как "систему внешней политики и, прежде всего, аннексии".

Империализм был присущ и феодализму и капитализму. Англия проводила империалистическую политику задолго до того, как страна стала капиталистической. Кстати – как бы это ни было печальным для наших организаторов идеологии со Старой площади – империалистическую политику проводит и наше, по их мнению, социалистическое государство.

Однако, по Ленину, империализм – не есть только имперская политика, а есть нечто большее. По его мнению, это – не что иное, как сам капитализм в самой последней его фазе. В той фазе, когда начали создаваться монополии и большую роль приобрел финансовый капитал. "Империализм, – утверждал Ленин, – есть монополистическая стадия капитализма"<sup>4</sup>.

С развитием монополий и финансового капитала, считал Ленин, решающее значение начинает приобретать вывоз капитала и начинается раздел мира между монополиями и, как

следующий этап, раздел всей земли капиталистическими странами. Отсюда — война. Империализм разваливается, и на его основе появится социалистическое общество.

Кстати, Ленин писал это в самый разгар Первой мировой войны, в 1916 году, и поэтому предсказать империалистическую войну особой мудрости не представляло. Хотя совсем незадолго до февральской революции он усомнился в том, что именно эта война может привести к краху империализма, и скромно пояснил, что, если не после этой, то уж после следующей войны обязательно, социализм заменит империализм. Причем сразу во всех развитых странах.

Но вернемся к главному ленинскому постулату.

Ленин был убежден в том, что капитализм обречен и в ближайшем будущем будет заменен социализмом. По его расчетам, капиталистическая система не хочет и не может способствовать повышению жизненного уровня людей и ее единственная цель — грабеж в колониях. Территориальные захваты, по Ленину, составляют одну из особенностей последнего этапа капитализма, без которых он обойтись не может.

Но еще Дж. Гобсон, автор много раз цитируемой Лениным книги об империализме, доказал, что не все капиталисты заинтересованы в империализме<sup>5</sup>. Дж. Гобсон привел большое количество статистических данных, свидетельствующих о том, что промышленные и торговые классы извлекают мало выгоды из новых рынков, ибо расход, причиняемый налогами, превосходит прибыль от торговли.

История показала, что Ленин ошибался. Прав был — Дж. Гобсон.

Бывшие колониальные государства, избавившись от колоний, не только не "загнили", но приобрели подлинное благосостояние; потеря колониальных империй была выгодна им материально.

Показателен пример Нидерландов, которые после предоставления независимости Индонезии остались практически без природных ресурсов, но тем не менее их промышленный уровень не упал, как это должно было быть по Ленину, а поднялся. Вырос и жизненный уровень населения.



У Англии после Второй мировой войны осталось так мало капитала для помещения в колониях, что представители английской торговли и промышленности сочли более выгодными сделки с независимой Индией.

Ленин никак не хотел понять, что благосостояние европейцев зависит не от грабежа колоний, а от них самих, от их организаторских способностей, технического умения, выносливости. То есть того, чего нам не хватает сейчас (потому что мы живем в созданном Лениным государстве) и чему мы хотим научиться у Запада.

И уж совсем непонятным для Ленина оказалось бы то, что те, кого он презрительно именовал "оппортунистами", "рабочими приказчиками капиталистического класса", "настоящими агентами буржуазии", придя к власти в своих странах в 60-е годы, предоставили независимость практически большинству колоний. В то же время созданное Лениным государство пытается за двенадцать лет до начала 21-го века танками усмирить национально-освободительное движение в Армении.

Более того. Благодаря научно-технической революции, к которой развитые капиталистические страны оказались хорошо приспособленными, в этих странах резко возросла производительность труда.

"Если бы, — сетовал Ленин, — капитализм мог развить земледелие, которое теперь повсюду страшно отстало от промышленности!"<sup>6</sup>

Увы, Владимир Ильич, смог. Значительно лучше, чем созданное вами государство. Бывшие метрополии производят столько сельскохозяйственной продукции, что в состоянии не только прокормить самих себя, но и оказать помощь своим прежним колониям и продавать зерно даже вашей гигантской стране, которая до вашего вмешательства сама его экспортировала.

Бедный Ленин! Сколько пролил он чернил по поводу того, что колонии кормят и будут кормить метрополии до тех пор, пока их не освободит пролетарская революция! "Эксплуатация колоний горсткой "великих" держав, — пугал он, —

все больше превращает цивилизованный мир в паразита на теле сотен миллионов нецивилизованных народов”<sup>7</sup>.

На деле получается наоборот: ”цивилизованный” мир кормит сотни миллионов ”нецивилизованных народов”.

Пугал Ленин и вывозом капитала из развитых капиталистических стран в колонии. ”Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным, — писал он, — стал вывоз капитала”<sup>8</sup>.

Для Ленина вывоз капитала был только средством закабаления. ”Финансовый капитал в буквальном, можно сказать, смысле слова раскидывает свои сети на все страны мира”<sup>9</sup>.

В наши дни бывшие ”нецивилизованные страны” не жалуются на ввоз капитала из ”цивилизованных” стран. Они хотели бы большего ввоза капитала, но капиталисты бывших метрополий предпочитают помещать капитал у себя дома или в других развитых странах, там, где устойчивы и политическая система и экономика. И только малая доля капитала течет в бывшие колонии. Основную помощь развивающиеся страны получают в виде правительственной помощи, да и то по политическим причинам.

И удивляться нечему. В странах ”социалистической ориентации” по подсказкам организаторов идеологии со Старой площади была проведена национализация иностранной собственности и капиталовложений. На что же они теперь могут надеяться?

Я наблюдал в Алжире, как там проходила национализация иностранной собственности. Нагло, весело, уверенно. Как радовались этому, помню, наши газеты! Недавно я видел по телевидению бунты в Алжире. 45 процентов безработных. Страна, которая раньше кормила Францию, теперь ввозит зерно.

Таким образом, сосредоточение капитала на домашнем рынке и освобождение большого числа колоний решением метрополий перевернули тезис Ленина об империализме вверх ногами.

Теперь уже отчетливо видно даже на Старой площади, что кризис колониальной системы, а следовательно, кризис

империализма, никак не связан с кризисом капиталистической системы.

Империализм не является ни стадией, ни фазой капитализма, он существовал задолго до капитализма и представляет собой характерную черту обладающих военным могуществом наций, управляемых кастой, которая стремится к самовластию и внутри своей страны и за пределами ее.

Империализм был одной из начальных форм капитализма, который уступил место нынешнему "регулируемому капитализму". Капитализм благополучно прошел этап империализма и вышел из него окрепшим.

Недооценил Ленин капитализма. Слишком мало он дал ему исторического времени. Поэтому и не понял, что *империализм был только одним из первых этапов капиталистической общественно-экономической формации.*

Капитализм действительно стал монополистическим, этого никто не отрицает. Монополистический капитализм — это более развитый капитализм, более регулируемый капитализм. Он более приспособлен к нуждам общества. Но какое это имеет отношение к империализму? Очень трудно себе представить.

Ведь нельзя же всерьез считать строительство закусокных "Мак Дональд" империалистической политикой!

В мире много монополий. И это действительно характеризует состояние современного развитого промышленного общества. Причем, высшее состояние. Даже организаторы идеологии со Старой площади понимают: чтобы лучше организовать производство, нужно его укрупнить. А монополии, говоря их языком, есть не что иное, как укрупненное хозяйство.

Когда в страну, где я работал, приехал товарищ К. (работник ЦК КПСС, в общем, неплохой парень), он попросил меня помочь ему купить магнитофон "Сони". "Почему именно "Сони"?" — поинтересовался я. "Боюсь я неизвестных фирм, — совершенно резонно ответил К. — А тут гарантия — крупная монополия".

То, о чем в пророческом запале вещал Ленин больше трех четвертей века назад, воспринимается сейчас как анахронизм. Мир изменился. Изменились экономические структуры. Изменились и монополии, за спиной которых Ленину мерещился организующийся рабочий класс.

На протяжении многих лет капиталистические страны выработали сложное антимонопольное, антитрестовское законодательство. Когда-нибудь, может быть, даже в самое ближайшее время, мы столкнемся с необходимостью разрабатывать подобный механизм. Но опаздываем мы уже на три четверти века.

Об этом хорошо пишет Арбатов: "Без продуманной, последовательно проводимой антимонополистической политики перестройка экономики не получится. Что должна включать эта политика? Видимо, законодательное запрещение монополистической практики во всех ее проявлениях и достаточно суровые санкции за нарушение этих законов... Нет, думаю, противопоказаний к тому, чтобы "антитрестовские" антимонопольные меры коснулись и таких "безнадежных" монополистов, как Аэрофлот и Интурист"<sup>10</sup>.

Леденящие душу прогнозы Ленина о пагубных результатах сращивания промышленных и банковских монополий привели как раз к обратному: к выработке действенной системы, в интересах простых потребителей.

Изменился характер связей банков с промышленными предприятиями. Появились новые формы гарантированных вкладов. И ужасное слово "рантье", которым пугал Ленин, превратилось в держателя акций "смешанных фондов", которые дают небольшим вкладчикам надежные гарантии против возможных биржевых неурядиц. Насколько это действительно, можно судить по тому, что катастрофическое падение акций на нью-йоркской бирже 19 октября 1987 года, ударив по биржевым дельцам и спекулянтам, практически никак не отразилось на среднем и мелком вкладчике. Эту систему нам придется перенимать. Но и здесь мы уже опаздываем на три четверти века.

"Предсказал" Ленин и падение значения биржи. "Смена

старого капитализма, с господством свободной конкуренции, — писал он в 1916 году, — новым капитализмом, с господством монополии, выражается, между прочим, в падении значения биржи”. Или: ”Старый капитализм, капитализм свободной конкуренции с безусловно необходимым для него регулятором, биржей, отходит в прошлое”<sup>11</sup>.

Поистине нет конца научной прозорливости! Неясно только, о целесообразности введения какой биржи пишут сейчас советские специалисты!

А проблема функционирования банков! На три четверти века мы отстаем и в организации банковского дела. А банки — это сложное и многоотраслевое хозяйство. Руководить банком не менее сложно, чем управлять заводом.

”В плане перевода экономики в нормальные здоровые условия центральное значение имеет... преимущественное использование стоимостных рычагов управления в экономических процессах: цен, полновесного золотого рубля, прибыли, налогов, банковского кредита и процентов”, — совершенно справедливо замечает Шмелев<sup>12</sup>.

Западное общество оказалось на удивление гибким, способным наладить схему преодоления кризисов. Там разработаны механизмы использования денежных средств государства для улучшения и модернизации частных предприятий. Созданы модели предприятий со смешанным капиталом. Мы к этому еще только подступаем.

Развитые государства уже постигли математический анализ. Мы застряли на арифметике.

Прожив много лет в Европе, бегая между библиотеками и сборищами русских революционеров, общаясь только с себе подобными, по суткам переписывая таблицы из книг, Ленин по сути дела так и не разобрался, как функционирует капиталистическое государство. Он никогда не был ни на одном заводе в Европе, не посетил ни одной научной лаборатории.

Большой ошибкой Ленина была неправильная оценка пролетариата.

Пролетариата западных стран он не знал и в основном считал пролетариатом русских малоквалифицированных рабочих.

Но прошло время. На смену физической силе пришла квалификация. И рабочие Запада перестали считать себя пролетариатом. "Черной работе по рытью могил буржуазии", на которую натаскивал их Ленин, они предпочли профессии аппаратчика, наладчика высокоточной техники.

Вместе с передовыми организаторами производства рабочий превратил капитализм в общественный строй, соединяющий в себе высокий жизненный уровень масс, смешанную регулируемую экономику и интернационализм.

Мелкий буржуа по духу и культуре (хотя с гордостью писавший во всех анкетах "столбовой дворянин"), Ленин не понимал, как много могут сделать для сглаживания антагонизма между классами, для обеспечения безопасности частных лиц промышленные государства, — государства, опирающиеся на современную технику, прогресс науки, научное регулирование экономики. Не понимал и проиграл. Вместе с ним проиграли и мы.

Что же касается обещанного Лениным общего кризиса капитализма, то он не состоялся и не мог состояться.

"Научные" выводы Ленина в отношении загнивания капитализма выглядят смешно. Помните: "Империализм — это паразитический, загнивающий капитализм".

По Ленину, важная черта загнивания общества — личная уния промышленных воротил с буржуазным правительством. «"Личная уния" банков с промышленностью, — писал он, — дополняется "личной унией" тех и других обществ с правительством»<sup>13</sup>.

С тем, что такая личная уния характеризует загнивание общества, согласиться можно. И привести пример уже упоминавшегося капитана-директора А. Соляника. В нем, как утверждают "Известия", "не чаял души" Косыгин. "Гостил он на даче у Микояна"<sup>14</sup>.

Организаторы идеологии со Старой площади тшчатся найти в капиталистической экономике черты, которые бы пока-

зывали ее разложение. Однако верят ли они сами в это? Вряд ли!

Но Ленин верил. И, взяв власть, принялся, засучив рукава, набрасывать чертежи социализма.

### **3. КРИЗИС ЛЕНИНИЗМА КАК ДОКТРИНЫ.**

”К моменту победы революции в России никто из ее признанных теоретиков или наиболее авторитетных практиков не имел более или менее законченного представления о контурах будущей экономической системы социализма”<sup>15</sup>. То есть, говоря попросту, взяли власть, а что с ней делать, не знали.

Собственно говоря, Ленина это особенно и не интересовало. Все, чем он занимался, было посвящено ”чистой политике и, прежде всего, как уничтожить отживший общественный строй, но отнюдь не тому, что конкретно придется делать, чтобы наладить полнокровную экономическую жизнь после революции”<sup>16</sup>.

Об этом с присущим ему цинизмом говорил и сам Ленин: ”Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия”<sup>17</sup>.

В сущности, оставаясь теорией, дающей научное обоснование разбою (вспомните ленинское ”Грабь награбленное!”), ленинизм апеллировал всегда, и прежде всего, к самым неразвитым, самым отсталым слоям населения, к тем, кто охотно отправился бы на открытый грабеж, не задумываясь о последствиях.

И в этой части ленинизм определенно преуспел. До сих пор ”Красные бригады” в Италии, их единомышленники в Бельгии, Франции, ФРГ с именем Ленина убивают ни в чем не повинных людей. ”Грабь награбленное!” – это понятно. С этим лозунгом можно взрывать, грабить банки, убивать. Но построить что-либо нельзя. По крайней мере, очень трудно.

Так произошло с ленинизмом как с доктриной. Разрушительный по своей сути, он уже с младенческих лет совет-

ской власти никак не вписывался в реальные задачи развития экономики страны. Посмотрите стенограммы 8-го, 9-го, 10-го съездов партии, и вы увидите шараханье, некомпетентность, наивность, доходящую до идиотизма, потуги всунуть страну в прокрустово ложе ленинщины.

Одним из первых из близкого окружения Ленина, кто понял, что при помощи поваренной книги ленинизма обеда не сварить, был Сталин. Бывший семинарист сообразил, что строить политику по путанным и далеким от реальности домыслам Ленина невозможно. Зато значительно проще делать все, что считаешь нужным, и это "все" оправдывать ссылками на ленинские теории.

И Сталин начал вводить ленинизм в российский быт, как картошку. И появился на свет ленинизм сталинский, в принципе не хуже и не лучше ленинизма ленинского.

К общей заслуге наследников Сталина можно отнести то, что они окончательно довели ленинизм до уровня бесполезной болтовни. Хрущев, как известно, добавил к нему "мягкий знак", а Брежнев с Сусловым построили на его основе развитый социализм.

К веселому парадоксу имплантации ленинизма стоит отнести то, что проводить его в жизнь обязаны прежде всего "стоящие у руля" — будь то министр, генерал, начальник конструкторского бюро или директор бани. Эти люди в силу своего начальственного положения считаются более приближенными к ленинизму. Не верите? Тогда скажите, кто отвечает перед высшим начальством за "идейно-воспитательную работу" на предприятии? Кто назначает партийных и комсомольских секретарей? Кто изучает ленинизм "индивидуально"?

Ну а насколько близок ленинизм тем, кто имеет пайки, вертушки, спецмагазины, спецдачи и даже спецкладбища? Кто успел накопить не только "золотишко", но и недвижимое. Кто часто выезжает за границу. У кого дети и внуки благополучно поступают в престижные школы и вузы. Насколько близок ленинизм им? Помните, ведь в основе ленинизма лежит немудреный призыв "Грабь награбленное!" И понима-



ют они, что если кого-то и хочется пограбить в нашем обществе, то это как раз их. Поэтому и воспитывают они нас в духе ленинизма очень убедительно.

Ну а те, которым — ”кромe своих цепей!”? И они в ленинизм не верят. И не потому, что стали грамотнее и поэтому перестали восторженно повторять лозунг: ”Давайте сложим все наше имущество в одну кучу, и товарищ начальник скажет нам, кому чего взять назад”. Нет. Просто потому, что ленинизм — не сработал.

Трезвомыслящие люди во всем мире давно уже вылечились от ленинских кликушеских теорий. Это неизбежно, ибо таковы законы эволюции. Заманчивы были в средние века попытки изобрести вечный двигатель. Но вот уже свыше четырехсот лет академии наук всего мира не рассматривают проектов вечного двигателя. Ибо они ненаучны, а стало быть, невозможны.

Как ни юродствовал Ленин, как ни заклинал всех все уравнивать, какими красивыми словами ни эквилибрировал: *”обобществленный труд, коллективный труд, общинный труд”*<sup>18</sup>, но утопия, силой введенная в жизнь, всегда оборачивается народными страданиями, народным горем.

”История учит, — совершенно справедливо с горечью отмечает Селюнин, — что посредством общины никогда не удавалось обеспечить рвение к труду и экономические успехи; равенство, социальная справедливость общинного типа неизменно оборачивались подавлением личности. *Преимущества ”обобществленного, коллективного, общинного труда”*, — продолжает он, — *не доказаны и поныне, хотя и испробованы, кажется, все мыслимые и немыслимые его варианты*”<sup>19</sup>.

То есть, иными словами: ”Испробованы все мыслимые и немыслимые варианты ленинизма, но ни разу он не сработал”.

В этом замечании советского экономиста заключен уничтожающий ответ на многие теоретические выкладки Ленина.

## Глава пятая

### КРИЗИС ЛЕНИНИЗМА КАК ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

#### 1. КПСС: ДВЕ ПАРТИИ В ОДНОЙ ПАРТИИ.

На вершине политической жизни в СССР всегда находилась созданная Лениным партия. Она прошла путь от партии профессиональных революционеров до массовой партии и в течение долгого периода оставалась объединением единомышленников, надежным орудием в руках руководящей элиты.

Однако с середины 60-х годов внутри партии наметились существенные изменения. Определяющей доминантой тех лет стало беспрецедентное падение роли КПСС как массовой организации, падение не только в моральном, но и в политическом плане. Оказался полностью исчерпанным лимит доверия, данный народом партии. Доверия, которое партия не оправдала. Полностью провалились все ее программы.

В 80-е годы партия вошла аморфной, неповоротливой "официальной" организацией. Идеологические основы партии превратились в пустую формальность, партийная дисциплина — в хорошо обкатанный ритуал. Нахождение в партии стало кадровой необходимостью. Между правящей верхушкой и народом образовалась глубокая пропасть. Центральному Комитету партии больше не верят. "С народом просто так уже нельзя говорить", — сокрушался Горбачев в Красноярске.

Партия практически раскололась на две большие группы: одна "производственная", другая "территориальная".

Помните про производственно-территориальное деление партии?

Внизу — первичные партийные организации, созданные

по производственному типу, то есть при предприятии, а стало быть, при директоре, при руководстве. В этих партийных организациях главное и руководящее лицо — директор. Члены партии — такая же бессловесная масса, как и все остальные, беспартийные; а секретарь первичной парторганизации — не больше чем маховик, который начальство использует для доведения до масс своих начальственных идей.

На встрече с сотрудниками МИДа директор завода "Хромотрон" в 1985 году сказал: "Секретарь партбюро знает, что если я захочу, то на следующий год его не изберут. Тогда он придет ко мне трудоустроиваться".

"Карманность" при администрации, отсутствие элементарных внутривнутрипартийных прав — вот основные характеристики первичных организаций, пусть даже некоторые из них и называются "на правах райкома".

Иное дело выше. На уровне района начинает действовать "территориальный" принцип. У секретаря райкома — производственных начальников нет. Для него главный начальник — секретарь обкома.

Такое положение дает возможность и секретарю райкома, и его аппарату, и аппарату обкомов стоять *над* производством, над остальными членами партии, руководить ими. И они, партийные аппаратчики районного звена и выше — уже другие члены партии, другая партия, партия руководителей, партия профессионалов.

Путать эти две партии было бы непростительной ошибкой.

Приведу курьезный случай.

В 1980 году на одном из совещаний в ЦК КПСС М. Суслов изрек стандартную сентенцию: "Партия — это отряд равных". Потом, немного позже, оторвавшись от бумажки, сказал: "Все люди в нашей стране тоже равны. Но это, товарищи, равенство в другой плоскости". Я посмотрел на сидевших рядом со мной. У всех на устах было одно имя — "Орвелл".

Поистине все члены партии равны, но одни более равны, чем другие. Одни равны по производственному признаку. Другие — по территориальному.

Собственно говоря, раскол партии на две группы — руководителей и исполнителей — начался сразу же после прихода партии к власти. И разлагаться партия начала с самого прихода к власти.

Уже в марте 1918 (!) года на 7-м съезде партии выступавшие говорили о необоснованных льготах для ответственных партийных работников, о злоупотреблениях машинами и пайками. А у власти партия находилась всего четыре месяца!

В марте 1919 году на 8-м съезде партии В. Ногин признает: "Наша партия опустилась, работники на местах и в центре ведут себя так, что позорят имя партии... Такое бесконечное количество ужасающих фактов о пьянстве, разгуле, взяточничестве, разбое (вот она, ленинская школа! — Автор), просто волосы становились дыбом". И это всего за шестнадцать месяцев у власти!

Попутно отметим, что многие из этих пьяниц, взяточников и бандитов в сталинские годы сами оказались в немилости и были репрессированы. Теперь об их судьбе пекутся добрыхоты.

В январе 1921 года в работе "Кризис партии" сам Ильич замечает: "Надо иметь мужество смотреть прямо в лицо горькой истине. Партия больна. Партию треплет лихорадка"<sup>1</sup>.

Нет. Никакие ссылки ни на Сталина, ни на Брежнева не пройдут. Все было организовано самим Лениным, лично Лениным, и никем другим: и культ личности первого человека в партии, и безнаказанность партийных феодалов, и бесправное положение рядовых членов партии, и жесткая партийная иерархия, и ступенчатое делегирование преимуществ, которые дает власть. И пайки (специальное распоряжение Ленина), и спецмашины, и "вертушки", и спецсанатории (тоже он), и спецдачи — все это от Ленина. И кумовство, и разбазаривание народных и партийных средств — все началось с Ленина. Зачем же вешать всех собак на Леонида Ильича и Иосифа Виссарионовича?

Все преступления, которые совершал ленинизм, он совершал от имени партии, прикрываясь якобы единодушной поддержкой членов этой партии.

Как не повторить слова Юнны Мориз из кинофильма "Черный квадрат":

"Это не было борьбой добра и зла — это было торжество зла, всюду и во всем. И вот когда это зло восторжествовало, люди поняли, что жить невозможно, жить противно".

Жить, действительно, стало противно.

Я бывал на съездах КПСС и видел "партийную демократию" на самом высшем ее уровне: раздачу щедрых подарков перед началом съезда и специальные магазины во время съезда, торжественные разъезды бонз и полную невозможность высказать свое мнение рядовому делегату.

Знаю я и партийную жизнь на цековском и райкомовском уровнях. Среди ответственных работников разного звена я встречал немало прекрасных руководителей, организаторов, которые в другой обстановке могли бы стать хорошими директорами, мэрами. Однако общая атмосфера, основные "правила игры" сводят на нет все их возможности, растворяют их в серой массе стандартных партийных работников.

Как политическая единица КПСС исчерпала себя. Неповоротливая, разбухшая от неверящих в ее принципы членов, — она находится на рубеже, за которым — распад.

Который, впрочем, никого не огорчит.

## **2. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — В ТУПИКЕ.**

Чертежи, подготовленные Лениным, оказались во всех отношениях негодными. Здание, построенное по этим чертежам, разваливается.

"Состояние нашей экономики не удовлетворяет никого, — вздыхает Н. Шмелев в известном эссе "Авансы и долги". — Два ее центральных, встроенных, так сказать, дефекта — монополия производителя в условиях всеобщего дефицита и незаинтересованность предприятий в научно-техническом прогрессе — ясны, наверное, всем... Сегодня мы имеем дефицит-

ную, несбалансированную фактически по всем статьям и во многом неуправляемую, а если быть до конца честными, почти не поддающуюся планированию экономику”<sup>2</sup>.

Отдадим должное экономисту – пороки системы он обозначил четко. Зададим себе мимоходом, дорогой читатель, вопрос: как долго смогло бы продержаться у власти правительство демократической страны, если бы оно довело экономику страны до такого состояния? Но мы, как говорит Горбачев, еще учимся демократии.

Виновата во всем, утверждают экономисты, все та же треклятая ”административная система управления”, которая (снова цитирую Н. Шмелева) ”...по самой своей природе не могла заботиться о росте качества продукции и о повышении эффективности производства, о том, чтобы наибольший результат достигался при наименьших затратах. Нужного количества – вала – она добивалась не в согласии с объективными экономическими законами, а вопреки им. А раз вопреки – значит ценой немислимо высоких затрат материальных и главное людских ресурсов”<sup>3</sup>.

Как мы с вами уже отмечали, дорогой читатель, научно-газетный штамп ”административно-командная система” – это не что иное, как стыдливый синоним понятия ”социалистическая система”, или, если говорить правильнее, ”государственная структура, заложенная Лениным”. Поэтому цитату Н. Шмелева вернее было бы изложить так: *”...заложенная Лениным государственная структура по своей природе не может заботиться о качестве продукции и о повышении эффективности производства. Нужного качества она может добиваться только принудительными методами”*.

И это будет правдой.

Послушаем теперь члена-корреспондента АН СССР Н. Петракова: ”Дефицит – это экономическая болезнь социализма. Пора об этом сказать вслух и именно нам. Вслух потому, что кулуарно об этом уже не один десяток лет говорят все здравомыслящие советские экономисты, а теперь уже не только экономисты; нам, поскольку весь мир трубит о дефицитном облике советской экономики, превращая его (этот облик) в

пугало для Третьего мира, не говоря уж о направленной девальвации идей социализма”<sup>4</sup>.

Стало быть, член-корреспондент прекрасно понимал все это еще десять лет назад. Кстати, о том, что дефицит — это болезнь заложенной Лениным системы, догадывались не только академики и не только десять лет назад.

Но не будем придирааться к члену-корреспонденту. Просто поинтересуемся, есть ли у него гарантии того, что все не вернется на круги своя и что он и другие ”здравомыслящие советские экономисты” снова не перейдут на кулуарное осуждение дефицита.

Нет, увы, гарантий у члена-корреспондента. Ибо решает не он, не Академия Наук, не народ, а кучка избравших самих себя мудрецов из Политбюро.

У нас всегда любили ссылаться на ”объективные обстоятельства”. Так и сейчас некоторые уважаемые экономисты (и не только экономисты) пугают: объективная необходимость реформ определяется тем, что наша экономика подошла к опасному рубежу, и ”если сегодня не принять мер, то будет поздно”.

Собственно, а что случится? Что произойдет, если Политбюро решит затрубить отбой?

Экономисты — не эти, а другие, те, которые теперь предусмотрительно молчат, — не моргнув глазом, начнут приводить другие цитаты из Ленина. Признательный народ шумно одобрит. Несогласных распределят по лагерям. Кое-кто, выражаясь словами академика В. Тихонова, ”тихо помрет”. Бывало такое? Бывало. Может повториться? До тех пор, пока существует заложенная Лениным политическая система, повторение возможно.

Но это — как раз то, о чем *сейчас* говорят академики в кулуарах.

Утверждают, будто, если бы советская экономика развивалась по пути, предложенному Лениным, — имеется в виду НЭП, — то мы бы гуляли сейчас по кисельным берегам. Так ведь в том-то и дело, что не могла экономика так развиваться. Не могла, потому что всесильный, не контролиру-

емый народом новый феодал — партийный аппарат, созданный ленинской системой, не возжелал этого.

Не Сталин нашел аппарат для удушения НЭПа, а аппарат для удушения НЭПа нашел Сталина.

Вы можете найти хотя бы одно советское литературное произведение, где бы говорилось что-нибудь хорошее о нэпманах? А клеймящий буржуев-нэпманов "лучший и талантливейший поэт нашей эпохи"? А положительный герой сотен романов и пьес, успокаивающий тех, кто не понял партийную линию, словами: "Нам нужна передышка"? Не Сталин с Ягодой персонально отстреливали нэпманов и иже с ними. Отбою от доброхотов, составлявших списки для НКВД, не было. И НКВД работал.

А теперь? Вспомните, какие вопросы задают Горбачеву в связи со "злоупотреблениями" в только-только встающих на ноги кооперативах. Остается лишь посочувствовать генсеку.

Но продолжу цитирование статьи Шмелева.

"Слишком долго господствовал в нашем хозяйстве приказ вместо рубля. Настолько долго, что мы уже вроде бы и забыли: было, действительно было время, когда в нашей экономике господствовал рубль, а не приказ, то есть здравый смысл, а не кабинетный умозрительный произвол. (Очевидно, Шмелев имеет в виду дореволюционный период. — Автор.) Промышленность сегодня отвергает до 80 процентов новых апробированных технических решений и изобретений. У нас одна из самых низких среди индустриальных стран производительность труда, в особенности в сельском хозяйстве и в строительстве, ибо за годы застоя массы трудящегося населения дошли почти до полной незаинтересованности в полнокровном и добросовестном труде"<sup>5</sup>.

Здесь, пожалуй, экономист подошел к одной из важнейших проблем.

Если мы говорим об экономическом кризисе — а мы говорим именно об этом, — то одновременно с перечислением фактов должны прикидывать пути выхода. Здесь же кроется основное: невозможность выхода при сохранении существующей политической системы.



Предположим, все, о чем пишут экономисты, будет реализовано. Банки станут настоящими банками. Школы менеджеров быстро подготовят нужных специалистов. (В это трудно поверить, но предположим.)

Что будет тогда? Послушаем Шмелева еще.

”Массовыми стали апатия и безразличие, воровство, неуважение к честному труду и одновременно агрессивная зависть к тем, кто много зарабатывает, даже если зарабатывает честно... И наконец, неверие в провозглашаемые цели и намерения, в то, что возможна более разумная организация экономической и социальной жизни”<sup>6</sup>.

За семьдесят лет демагогии – реверансов в его адрес и душающего давления – основной производитель действительно деградировал. И надежд на изменение его социальной психологии без изменения системы нет.

Но, может быть, я сгущаю краски? Есть еще левши на образцовых заводах?

Говорит начальник литейного цеха завода имени Лихачева М. Машин: ”113 (!) человек из моего цеха ушли в этом году в кооперативы... Это самые квалифицированные рабочие... и зарабатывают теперь по 900, по 1000. Они стоят этих денег, а мы им дать не могли”<sup>7</sup>.

Стало быть, для того, чтобы хороший рабочий хорошо работал, нужна самая малость – быть подальше от советской власти.

Газетная гордость нашей системы – отсутствие безработицы. ”Человек всегда имеет право на ученье, на отдых и на труд”. И на международных форумах мы всегда загоняем в угол тех, кто возникает со всякими там правами человека. ”Самое главное право человека, – говорим мы, – это право на труд. У нас нет безработицы и не будет, потому что не может быть никогда”.

А вот серьезные экономисты уже много лет говорят о том, что безработица прямо-таки уже стучится в двери. Руководители партии уверяют, что нет. Правда, уверяют очень неубедительно.

Но как понять это:

”Лишь в прошлом году в Узбекистане не смогли поступить на работу и продолжить учебу более 8 тысяч юношей и девушек... Все чаще случаи, когда девушка, приехавшая из села поступать в городское училище, поступает в итоге в подпольный бордель, а парень, оказавшийся в такой же безвыходной ситуации (не возвращаться же в село, где заведомо нет работы), запускает пальцы в чужой карман. Таких, как они, в Средней Азии много (только в Узбекистане полмиллиона человек) и становится все больше и больше”<sup>8</sup>.

Просто нет прохода от гласности!

Убедительные данные в отношении безработицы в СССР приводит И. Адрим.

”Специфика СССР, — пишет он, — заключается в чрезмерно большой доле временной (2,1 млн. человек) и скрытой (2,8 млн. человек) безработицы”<sup>9</sup>.

О положении в сельском хозяйстве трудно сказать лучше, чем академик ВАСХНИЛа В. Тихонов. Я позволю себе привести очень большой отрывок из его статьи в ”Литературной газете”<sup>10</sup>.

”Мы в революцию вступили с наивно-утопическим представлением о социализме, как обществе всеобщего и уравнительного распределения в системе ”производственно-потребительских коммун”, а поскольку крестьянин такого распределения не признавал и не признал, он был обложен продразверсткой и подавлен законами против спекуляции, то есть свободной торговли вообще и в частности хлебом. На том, как известно, мы пришли к первому крупномасштабному всероссийскому голоду... (Заметим попутно, что все это было еще при Ленине. — Автор.)

Новая экономическая политика дала крестьянину семилетнюю передышку. В 1921 году страна смертельно страдала от голода. А уже в 1923 году российская степная пшеница вновь появилась на внешнем рынке, причем закуплена она была у крестьянина без угроз, без винтовок, без кованого сапога ”продотрядников”.

В 1927 году городской житель потреблял на душу насе-

ления от 87 до 73 кг мяса и мясных продуктов в год. И это счет без сала, а тем более субпродуктов. Потребление мяса в деревне на душу населения составляло в тот год от 48 до 56 кг.

Но это был уникальный период”.

Прервем цитату и заметим, что возможность такого потребления мясных продуктов объяснялась в первую очередь тем, что с момента прихода ленинской партии к власти прошло всего каких-нибудь 5 – 10 лет. Умеющий трудиться крестьянин еще не был физически уничтожен. Позже советская система настолько разложит все сферы сельскохозяйственного производства, что никакой новый НЭП на подобный уровень больше уже вывести не сможет. Но послушаем снова В. Тихонова.

”...Ни ранее, ни позднее, даже в годы, когда раскатами гремели восклицания о ”расцвете” колхозного строя, подобного снабжения жители страны не знали.

В чем тут причина? Да только в одном: крестьянин получил землю не в ”пользование”, а в безраздельное владение. И ни одна душа не имела возможности вмешиваться в его хозяйство. Полноправный владелец земли вправе был распоряжаться и продуктом, выращенным на ней. Естественно, он продавал эту продукцию. Кому? Любому, кто хотел купить ее по ценам, устраивавшим крестьянина. Взимая твердый налог, который именно твердостью своей импонировал крестьянину, государство постепенно заменяло натуру деньгами. На налоговые денежные платежи государство свободно покупало у мужика ту пшеницу, которую ранее отбирало у него с применением винтовок. Так продолжалось до 1928 года.

И вдруг неожиданно возникли трудности с закупками зерна, и срочно сформировался ”хлебный фронт”. Вот тебе на! Войны нет, а фронт появился. Почему же возникли трудности с хлебозаготовками? Ведь урожай был обычным, средним. Крестьянские закрома не пустовали. Причина ясная, да только политиками, а в последующие годы историками, старательно скрываемая. Стремясь форсировать рост накопленный для индустриализации, Сталин (лично) с наиболее при-

ближенными соратниками добился снижения закупочных цен на хлеб и одновременно значительного повышения цен на промышленные товары, поставляемые в деревню”.

Так как же все-таки, товарищ академик: ”лично” Сталин или с ”наиболее приближенными соратниками”? Или еще с товарищем Шолоховым? Или еще с сотнями тысяч тех, кто ”Наш паровоз, вперед лети” и ”Даешь индустриализацию”? Или, может быть, не ”с”, а ”для”? Для того, чтобы их успокоить. Не придумал же Сталин это все просто так, по злой воле! ”Дай да и сделаю подлянку крестьянину”.

Утверждать, будто все это была личная воля одного человека — это снова начать игру ”Есть Хрущев: Хрущев — хороший, нет Хрущева: он — плохой”. Валить все на ”диавола” — слишком легкое объяснение. Но послушаем дальше.

”Были резко увеличены налоги на индивидуальных промышленников, ремесленников, торговцев и, естественно, на крестьянство. Масса промышленных товаров сократилась, цены продолжали галопом скакать вверх. Что оставалось делать крестьянину, живущему только доходами от своего хозяйства? Бунты, естественно, подавлялись, но не кулаков та драконовская мера давила, а тружеников, которые в сложное время накормили-таки народ российский.

Сопrotивление крестьян было сломлено старыми проверенными методами — насильственным изъятием хлеба, в том числе и с помощью военной силы; применением уголовного кодекса к тем, кто пытался избежать поборов; введением ужасающих налогов и так называемым ”самообложением”, приведение которого доверили разным прихлебателям, выбивающимся в ”советские” унтеры... (Мы еще вернемся к этой фразе. — Автор.)

Эта кампания позволила подготовить и ”теоретическое обоснование”. Создавали его и в те времена не ученые, а политики, возглавившие поход против крестьянства. (То бишь — Политбюро ЦК КПСС. — Автор.) Суть ”теории” состояла в том, что стране необходим хлеб. Брать его за бесценок в индивидуальных хозяйствах, оказывается, слишком накладно. Значит, надо объединять крестьян в колхозы, а хлеб ссы-

пать в общие амбары. Оттуда его взять легче... Так и вступила страна в "год великого перелома". Не только кулачество было уничтожено, но и крестьянство понесло великие потери, как социальная группа, как класс, отличающийся особым местом в общественном производстве, особым способом получения необходимого продукта, особым укладом общественной жизни, привычками, традициями, бытом, наконец, особыми нормами социальной психологии. Ликвидировано было в ходе коллективизации с 1929 по 1933 год включительно около трех миллионов крестьянских хозяйств. Это значит, не менее 15 млн. душ осталось без крова. Около двух миллионов "пристроилось" на индустриальных стройках. Остальные — в лучшем случае в переселение на сибирский лесоповал, а около миллиона взрослых, трудоспособных отправились торить дорогу в лагеря. Нельзя к тому же забывать о тех миллионах, которые коллективизации не сопротивлялись и тихо погибли от возникновения голода в украинских селах, донских станицах, деревнях других областей.

Чем же и кем стал после такого кровавого урока крестьянин? Отчужденный от своей земли, от распределения произведенного, превратился он из хозяина в исполнителя работ и команд.

Колхоз никогда не получал в полной мере статута кооператива. Но в ходе его укрупнения, совхозизации, межхозяйственных "коопераций и агропромышленных интеграций" утратил и те минимальные кооперативные черты, которые сохранял в виде трудодня и иных аналогичных форм распределения продукции".

Прекрасные слова. Напиши академик такое еще пять лет назад, не миновать ему переселения в Горький.

Но вернемся к злому диаволу Сталину. И сравним его с мудрым и справедливым Лениным. Для этого вспомним только что цитировавшиеся слова В. Тихонова: "...И ни одна душа не имела возможности вмешиваться в его хозяйство. Полноправный владелец земли вправе был распоряжаться и продуктом, выращенным на ней. Естественно, он продавал эту

продукцию. Кому? Любому, кто хотел купить ее по ценам, устраивавшим крестьянина”.

Ленину эти слова не понравились бы. Ведь он говорил: ”Всякий, кто учился азбуке марксизма, знает... что буржуазия рождается из товарного производства; в этих условиях товарного производства крестьянин, который имеет сотни пудов хлеба лишних, не нужных для его семьи, которых он не сдает рабочему государству в ссуду для помощи голодному рабочему, и спекулирует — что это такое? Это не буржуазия? Не здесь ли она зарождается?.. Вот что страшно, вот где опасность для социальной революции!”<sup>11</sup>

*Расхождение между В. Тихоновым и В. Лениным — налицо.* У В. Тихонова ”полноправный владелец распоряжается продуктом” (что, заметим, совершенно справедливо). У В. Ленина — ”спекулирует” (что, заметим, полностью соответствует ленинским призывам к грабежу).

*А вот расхождений между И. Сталиным и В. Лениным — нет.* У В. Ленина: ”Крестьянин, имеющий сотни пудов хлеба лишних! Буржуазия зарождается! Страшно! Опасность для социальной революции”. У И. Сталина — реальные меры в защиту обозначенной социальной революции от зарождающейся буржуазии в лице крестьянина, получившего хороший урожай.

А в результате страна, которая еще семьдесят лет назад с сохой и телегой кормила всю Европу, часть Африки и Азии, после приложения рук Ленина и его верных учеников не может накормить даже себя.

”Деградация деревни в Нечерноземье дошла так далеко, — пишет Шмелев, — что никакие мероприятия в рамках существующей системы аграрных отношений уже, наверное, не помогут”.

”На всю Россию есть только одна область, где сельское население растет, — Омская”, — пишет в ”Огоньке” Ю. Черниченко<sup>12</sup>.

Нет, не поверит больше крестьянство советской власти. Поднять сельское хозяйство советская власть не сможет. Это очевидно даже самым простодушным.

В заключение этого раздела я позволю себе еще раз повторить целый абзац из статьи В. Тихонова:

”Спротивление крестьян было сломлено старыми проверенными методами — насильственным изъятием хлеба, в том числе и с помощью военной силы; применением уголовного кодекса к тем, кто пытался избежать поборов; введением ужасающих налогов и так называемым ”самообложением”, приведение которого доверили разным прихлебателям, выбивающимся в ”советские” унтеры...”

Перечитайте эту фразу еще и еще, уважаемый читатель, и ответьте себе, может ли такое повториться еще раз. Увы, да. Потому, что — я уже много раз повторяю это, — *пока существует ленинская политическая структура, существует и возможность подавления любого движения. А пока существует возможность такого подавления и власть сосредоточена в одном кабинете, то всегда найдутся люди, которые в силу тех или иных причин захотят ”понарушать” экономические законы.*

Таков урок ленинизма не только в сельском хозяйстве, но и во всей советской экономике.

### **3. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА — СЛОВ МНОГО, ДЕЛА МАЛО.**

Здравоохранение всегда являлось предметом особой заносчивой гордости партийных руководителей СССР. Да и обыватель до недавнего времени тоже полагал, что обеспеченность бесплатными медицинскими услугами ставит его в более привилегированное положение по сравнению с гражданами других стран.

Однако и здесь гласность испортила настроение. И здесь король оказался голым. Вместо стройной системы здравоохранения — утопические, оторванные от реальной жизни планы. Вместо бесплатной помощи и современной науки — красивая болтовня.

Да и красивая болтовня не казалась бы очень красивой,

знай советские люди, что в большинстве стран Европы оплачиваются не только визиты к врачу и пребывание в больницах, но и лекарства. Знай они, что качество обслуживания, которое они получают, находится разве что на уровне развивающейся страны.

Начнем с определения основной задачи, которую ставит перед здравоохранением советское государство.

Ее очень четко определил В. Надеин. *Основная задача "самой гуманной в мире" советской медицины: "как можно меньше больничных листов. Быстрее выписывайте больных на работу. На работу, на работу"*<sup>13</sup>.

Не отсюда ли такое количество недолеченных?! Такое количество осложнений после болезней?!

Ну а что касается бесплатности! Помните печальную шутку: лечиться даром — это даром лечиться.

Выступая на 19-й партконференции, министр здравоохранения Е. Чазов привел убедительные данные о катастрофическом состоянии советской медицины. Он сказал: "По уровню детской смертности мы находимся на 50-м месте в мире, после Маврикия и Барбадоса... по средней продолжительности предстоящей жизни занимаем 32-е место в мире..."

"Узбекский писатель Ш. Рашидов писал о счастливых детях цветущей республики, а руководитель компартии Ш. Рашидов не сделал ровно ничего для спасения 30 тысяч детей, которые ежегодно умирали, не дожив до одного года". Это тоже слова министра.

За последние двадцать лет детская смертность возросла на 25 процентов, средняя продолжительность жизни мужчин сократилась на четыре года, с 66 до 62 лет.

Продолжительность жизни советских граждан сегодня ниже, чем двадцать лет назад. 17 процентов населения — хронические алкоголики. Каждая четвертая беременность кончается абортom. В течение первых суток умирают 26 новорожденных из 1000. Для США и Японии эти цифры равны соответственно: 10 и 6.

Никогда еще развитая индустриальная страна не испыты-



вала такого упадка по демографическим показателям в мирное время.

И перспективы самые что ни на есть неутешительные.

”Уж коли наши медики так слабо подготовлены и так много в них гонора и хамства, — пишет тот же Надеин в статье с многозначительным названием ”Горько болеть, но лечиться горше”, — так давайте выпишем из-за рубежа врачей, как это делал в свое время Петр Первый”.

Вероятно, так и придется сделать. Нацию надо спасти. Спасать от бесплатной на словах, но катастрофически дорогой, непрофессиональной, не отвечающей уровню мировых знаний медицины. Спасать от вырождения.

Плохо, очень плохо обстоит у нас дело со средним и начальным образованием. Многочисленные неэффективные и просто малопонятные школьные реформы, кажется, окончательно доконали школу.

”Я считаю, — пишет неизвестная советская женщина в газету ”Новое Русское Слово”, — что кризис нашего школьного образования уже таков, что выхода из него нет — наша школа мертва. Новая может родиться только при новой системе”<sup>14</sup>.

Выступая на 19-й партконференции, *председатель Госкомитета по народному образованию Г. Ягодин признал наличие неграмотных в СССР*. Более того. Председатель Госкомитета поведал, что ”в некоторых школах ученики не умеют писать после четырех лет обучения”.

В это трудно поверить, если не знаешь истинного положения дел. ”В сельской местности Узбекистана, — рассказывал мне поэт А. Пшеничный, работавший в Узбекистане учителем, — дети ходят в школу только по два-три месяца в году, а остальное время, как рабы, работают в поле”.

Две трети детей, признаются ”Известия” в передовой, уже в пятом классе испытывают отвращение к учению<sup>15</sup>.

”Половина школ не имеет центрального отопления, водопровода, канализации, — говорит тот же Ягодин. — Четверть школьников занимается в две смены, часть — в три”.

Плохо обстоит дело и с дошкольным воспитанием. Полтора миллиона детей, по словам Ягодина, не имеют возможности посещать детские сады.

Крайне низкий уровень школьной подготовки отражается на уровне высшей школы. Советские преподаватели вузов, с которыми мне приходилось беседовать в Тунисе, были единодушны в сравнении уровня подготовки советских и тунисских школьников и студентов: "Нам до Туниса далеко". До Туниса!

По числу студентов на 10 тысяч жителей за последние десять лет мы сползли с 10-го места на 23-е.

Американцы тратят на образование 12 процентов национального дохода, мы лишь около 7. (А ведь надо еще учесть, что и доходы весьма и весьма разные.)

Низкая международная оценка нашего высшего образования особенно болезненно проявляется в проблеме "неэквивалентности" дипломов. Большинство стран Третьего мира (не говоря уже о развитых странах) отказываются признавать дипломы советских высших учебных заведений за дипломы о высшем образовании. Иностранцы, закончившие советские вузы, вынуждены доучиваться в развитых странах или работать на должностях, где не требуется диплом о высшем образовании.

Плохо обстоят дела у нас с наукой.

Наука — это сердце цивилизованной нации. Похоже, что биение нашего сердца в мире не прощупывается.

Одна из главных целей науки — облегчить людям жизнь и труд. Но и холодильник, и оборудование для химической чистки, и новые ткани, и магнитофон, и растворимый кофе, и компьютер — все это изобретено не у нас.

Сейчас много приводится разных цифр. Говорится о том, что по использованию данных нашей науки учеными других стран мы стоим ниже Бразилии. Это-то при наличии ученых, по количеству, наверное, больше, чем во всех странах вместе взятых. Но и без цифр положение видно невооруженным глазом.

Многократно наше отставание в области видеотехники. СССР занимает 47-е место по производству бумаги на душу населения, 24-е – по уровню компьютеризации.

И это происходит во время одной из самых значительных научно-технических революций.

Конечно, спутники летают. (Но первый спутник был так давно!) И военная техника у нас, по словам военных, очень современная. Ну а то, что можно увидеть, пощупать, а стало быть, проверить, – с этим плохо.

Иногда говорят о якобы успехах фундаментальных наук и о слабостях прикладных. Но не дела ли это давно минувших дней? Сравните государственные премии по науке за 1986 и 1987 гг. со сталинскими премиями за 1946 и 1948 гг., и вас удивит поразительная мелкота нынешних ”фундаментальных” работ.

А ведь еще семьдесят лет назад русской науке было чем гордиться! Но варварское отношение к ученым, идеологизация науки, политические методы руководства сделали свое дело.

Советские люди начали понимать, что новая научно-техническая революция проходит мимо них. Стареет оборудование, надежд на лучшее нет. Некоторые заводы – а в пищевой промышленности это сплошь и рядом – оборудованы только дореволюционными станками. Я бы не поверил этому, если бы не видел сам.

Мы вычеркнуты из 20-го века науки. Если не будет проведено каких-либо серьезных изменений, к началу третьего тысячелетия мы окажемся на уровне слаборазвитых стран.

#### **4. КУЛЬТУРНЫЙ УРОВЕНЬ НАСЕЛЕНИЯ ПАДАЕТ.**

Должен сразу откровенно признаться читателю, что я не представлял себе, до какого состояния дошла наша страна!

Судите сами. Далее я буду цитировать доктора философских наук В. Чурбанова<sup>16</sup>.

Если в 1940 году на тысячу горожан продавалось 1300 те-

атральных билетов, то в 1965 году уже 720, в 1975 году — 602, в 1985-м — 550, то есть в 2,4 раза меньше, чем до войны. Вот вам и "постоянно растущие культурные потребности"!

Из 1014 городов РСФСР только в 230 есть театры. В РСФСР в течение года не посещали театры 93 процента колхозников и 77 процентов рабочих, а музеи — соответственно 95 процентов и около 85 процентов.

Литературу проходят в школе теперь на треть часов меньше, чем в 1940 году, и в несколько раз меньше, чем в развитых европейских странах.

В РСФСР примерно в трети школ нет учителя рисования:

В нашей стране самый большой фонд библиотечных книг. Но 2 — 2,5 миллиарда из них — почти половина — это "мертвые книги", которые никто никогда не берет. При увеличении за последние 25 лет государственного библиотечного фонда почти в два с половиной раза значительно больше половины населения им не пользуется. Попутно замечу, что многие специалисты уверены, что даже эти цифры преувеличены<sup>17</sup>.

Живописи и графики в РСФСР в год продается на 400 — 500 тысяч рублей — это примерно месячная выручка одного среднего мебельного магазина. Это очень хорошо иллюстрирует страницы учебника философии о роли духовных ценностей в сознании советского человека.

И, что самое печальное, положение ухудшается. По сравнению с 1970 годом расходы рабочего на культурные нужды снизились с одного процента из его бюджета до 0,7 процента. А колхозника — с 0,5 процента до 0,3 процента. Припомним при этом, что продажа мебели и ковров выросла с довоенных времен в 84 раза, ювелирных украшений — в 476 раз.

Наша страна занимает 29-е место в мире по количеству музеев, последнее среди европейских стран — членов СЭВ по числу музеев и предпоследнее по числу театров на сто тысяч жителей. Мы находимся в нижней части таблицы и по целому ряду других показателей. И при этом наше отставание с годами увеличивается.

Среди европейских стран — членов СЭВ *по числу посещений музеев на тысячу жителей, концертов классической музыки, художественных выставок мы на последнем месте.* То же самое происходит и по таким показателям, как число названий издаваемых книг на 100 тысяч жителей, по тиражам книг об искусстве на душу населения.

Это по сравнению со странами — членами СЭВ.

Что же касается сравнения нашего музейного дела с США, Францией и Англией, то, как пишет В. Чурбанов, это несопоставимо!

Чудовищные данные привел академик Д. Лихачев<sup>18</sup>. Он написал о том, о чем мы догадывались: о преступном отношении советской власти к культурному богатству России.

После революции был продан интерьер Зимнего дворца, а вместе с ним и рафаэлевские "Георгий Победоносец" и "Мадонна Альба"! Распродавались богатства усадеб России, художественных собраний всей страны.

Когда-то самое большое собрание Рембрандта было в Эрмитаже. А что сейчас? Где Ван Дейк, Веласкес, Тициан, Фрагонар, Буше и т. д.? Веласкес ушел целиком.

Продавали, продавали, продавали. Нужны были деньги. Для того, чтобы ленинская комарилья могла удержаться у власти. Ради власти они готовы были продать все. Никогда русский народ не простит этого Ленину.

Сейчас Эрмитаж — крупнейший музей мира. Но это произошло, утверждает Д. Лихачев, за счет упразднения других отечественных собраний, за счет передачи в Эрмитаж многих картин, часто второстепенных.

Свежий пример с библиотеками. Положение сейчас просто катастрофическое. "Там пожар, тут разрывает отопительные трубы, повсеместно — грабеж среди бела дня, — пишет Д. Лихачев. — Гибель и запустение". Библиотека Института мировой литературы, великолепная библиотека недоступна для исследователей, книги гниют на складах.

Обидно. Очень обидно. И нет прощения.

## 5. МАФИЯ РВЕТСЯ К ВЛАСТИ.

СССР – неправоное государство. СССР – это страна, где законы и их реальное применение живут как бы сами по себе. Много раз переписанная конституция практически не является основным законом страны.

Приглядимся, дорогой читатель, повнимательнее к конституции. Ибо с конституции и начинаются все законы.

”Наша конституция, с одной стороны, напоминает воинский устав, регламентирующий жизнь в казарме, с другой полна ни к чему не обязывающими благими пожеланиями и самонадеянным хвастовством, весьма далеким от действительности<sup>19</sup>.

Ни в одной конституции мира нет такого количества пустого звона, как в нашей. Например, в нашей конституции записано: в СССР действует и развивается государственная система здравоохранения, социального обеспечения, торговли, общественного питания, существует система образования, а также развиваются наука и искусство и т. д. Можно ли представить себе государство, которое обходилось бы без этого!

Не полагаясь на извечные инстинкты и естественные человеческие чувства, конституция вменяет в обязанность семейные отношения, заботу о воспитании детей, заботу о родителях, предоставляет право на отдых и охрану здоровья. Этак можно было бы добавить пункт о праве на сон.

Минимальный размер зарплаты, согласно нашей конституции, устанавливает государство, но государству ничто не мешает установить любую заработную плату. Ни одно государство в мире не фиксирует в своей конституции право на труд в такой форме”.

Конституция вменяет гражданам в обязанность то, что входит в компетенцию органов милиции и КГБ. Граждане должны не только беречь и укреплять социалистическую ответственность, но бороться с хищениями и расточительством, оберегать интересы государства, укреплять его могущество и авторитет, быть непримиримыми к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка.

Факт рождения на территории СССР является по конституции достаточным основанием для того, чтобы вменять гражданину в обязанность руководствоваться коммунистическими идеями и хранить верность революционным традициям.

Одно только утешение, в СССР никто никогда всерьез конституцию не принимал.

Расплывчатость, неконкретность советских законов создает крайне благоприятную почву для самых различных нарушений со стороны правозащитных органов.

Наше судопроизводство давно уже стало притчей во языцех.

В последний год наша пресса впервые открыто рассказала об истинном положении в судопроизводстве.

"Теоретическая независимость суда при его нынешнем устройстве практически не осуществима. Судью избирают прямым и тайным голосованием; но его можно предложить к избранию, и тогда в 99 процентах случаев его изберут, а можно и не предлагать, и тогда в 100 процентах случаев его не изберут. И каждый судья это твердо знает"<sup>20</sup>.

И хорошо знает каждый судья, где решается вопрос о том, быть ему судьей или нет.

Преступная ложь, которой нас пичкают семьдесят лет в отношении положения дел в местах заключения, вылезает наружу во всем своем отвратительном естестве.

Как часто распинались наши организаторы идеологии по поводу воспитательного характера советских тюрем! Писались книги, снимались фильмы...

Вот перечень "нарушений" только в одной *обыкновенной* мужской тюрьме за два месяца:

Январь 87-го года: умышленное убийство; избивание осужденного офицером; групповое избивание; изнасилование со смертельным исходом.

Февраль 87-го года: убийство в камере, и так далее, и тому подобное!<sup>21</sup>

А Владимиру Ильичу в тюрьму приносили каждый день

еду из ресторана и специальную минеральную воду. Правда, тогда в тюрьмах не воспитывали.

”Именно за выполнение валовых показателей руководство исправительно-трудового учреждения получает премии, а вовсе не за мифическую воспитательную деятельность”<sup>22</sup>.

Ну, все это не очень ново, скажет читатель, то, что о положении в судопроизводстве и в тюрьмах начала писать прессы, не свидетельствует о том, что в самом законодательстве или в судопроизводстве дела ухудшились. Просто гласность. И он будет прав.

Но вот кое-что новенькое.

”Организованная преступность развивается. Есть тенденция поглощения менее сильных групп более сильными. В преступном мире появляются те, кто управляет, и те, кем управляют. Под контроль берутся традиционные, ”блатные” преступники, предпочитающие работать по-старому. По нашим данным, сегодня лидерам мафии платят дань не только подпольные бизнесмены, но и карманные воры, сбывчики наркотиков, ночные торговцы водкой, проститутки”. — Это говорит руководитель исследований, подполковник милиции А. Гуров<sup>23</sup>.

Продолжаю его цитировать:

”Если принять, что ставки в карточных играх между лидерами преступных кланов и взятки, которые они предлагают работникам МВД, доходят до 300 тысяч и миллиона (!), то можно представить себе их доходы. На подкуп должностных лиц тратятся две третьих награбленного”.

Создание кооперативных предприятий вносит новый импульс в деятельность мафии. Это и ”вымогательство”, и ”охрана”, и ”отбеливание денег”. Это тоже из Гурова.

А дальше, пожалуй, самое интересное:

*”Мафии уже создали свои боевые отряды и могут использовать их для дестабилизации обстановки в стране”.*

И это говорит начальник отдела исследований МВД.

С ним соглашается начальник следственной части Прокуратуры РСФСР В. Олейник.



”Какой следующий этап мафии?” — спрашивает у него корреспондент. И он отвечает:

”Захват преступным миром политической власти”<sup>24</sup>.

Мы, вероятно, даже сами не представляем, какой опутаны мафией и кто на самом деле руководил и руководит нашей страной. Не представляем себе истинных движущих сил нашей экономики, пропаганды и, может быть, даже политики. Тех сил, для которых многие нынешние, вроде бы внешне прогрессивные и усиленно подталкиваемые экономические реформы (создание кооперативных хозяйств, введение некоторых элементов товарно-рыночных отношений), — не что иное как легализованный приход к власти.

Но послушаем еще Гурова.

”По материалам уголовных дел каждая пятая, а из разговоров с главарями — каждая третья банда была связана с коррумпированными представителями административного аппарата”<sup>25</sup>.

Ну чем не ленинское положение об унии преступного элемента с правящей верхушкой!

## 6. УГРОЗА НОВОЙ ВОЙНЫ.

Ленин, как известно, говаривал: ”Мы, марксисты, не принадлежим к числу безусловных противников всякой войны... Характер войны определяется тем, какой класс у власти. Если правят капиталисты, то война является несправедливой, империалистической”<sup>26</sup>.

Проще трактовал эту теоретическую проблему верный ленинец Сталин. Из трудов его явствует, что все без исключения войны, которые ведет СССР и его союзники, — справедливые.

И все.

На этой основе и развивались ”традиционно добрососедские отношения СССР” со странами, которые имели неосторожность делить с нами общие границы.

Пройдем с севера на юг: Норвегия, Финляндия, Эстония,

Латвия, Литва, Польша, Германия, Чехословакия, Венгрия, Румыния.

В 1940 г. СССР напал на Финляндию без предупреждения и вел в течение двух лет кровопролитную войну.

В 1940 г. СССР напал на Эстонию и оккупирует до сих пор.

В 1940 г. СССР напал на Латвию и оккупирует до сих пор.

В 1940 г. СССР напал на Литву и оккупирует до сих пор.

В 1939 г. СССР поделил Польшу с нацистской Германией. В том же году напал на нее. Не выводит войска до сих пор.

В 1968 г. СССР без предупреждения ввел войска в Чехословакию. Не выводит их до сих пор.

В 1956 г. СССР ввел войска в Венгрию и в крови подавил восстание. Не выводит войска до сих пор.

В 1940 г. СССР ввел войска в Восточную Румынию и аннексировал Бессарабию.

Теперь пойдём с запада на восток: Турция, Иран, Афганистан, Тува, Монголия, Китай, Япония.

В 1941 г. СССР ввел войска в Иран, ссылаясь на договор пятнадцатилетней давности, и держал их там до конца войны.

В 1979 г. ввел войска в Афганистан и развязал кровопролитную гражданскую войну.

В 30-е годы СССР ввел войска в Туву, а в 1944 г. аннексировал ее.

С 30-х годов СССР держит в Монголии свои войска.

В 1945 г. СССР вводил в Китай войска.

В 1945 г. СССР ввел войска в Японию и аннексировал часть ее территории.

Таким образом, *из 16 соседей за сорок с лишним лет СССР напал на 14.* Не нападал СССР только на Норвегию и Турцию. А если к этому добавить и фактическую оккупацию Украины, закавказских и среднеазиатских республик, то получится, что, имея 26 соседей, СССР напал на 24.

Сам подвергся нападению один раз: со стороны фашист-

ской Германии — такого же хищника, как и он сам. Но, *не подели Сталин с Гитлером Польшу, не было бы тогда у СССР и гитлеровской Германии общих границ и не могли бы тогда гитлеровские войска неожиданно напасть на нашу страну.*

Поистине счастливы страны, не граничащие с нами.

Ну а как же "миролюбивая" политика нашего правительства, о которой нам прожужжали уши? И такие ли уж мы честные за столом переговоров? И так ли уж много делает для поддержания мира наше правительство? Приведу несколько примеров.

В 1955 году наше правительство подписывает в Женеве соглашение, призывающее к объединению обеих Германий, а в 1961 году, вопреки этому соглашению, санкционирует оружие берлинской стены.

В 1963 году наше правительство подписывает мораторий на ядерные испытания между континентами, но через 13 месяцев нарушает его, испытывая ракеты с ядерными боеголовками общей мощностью в 300 мегатонн.

В 1963 году наше правительство подписывает соглашение об ограничении ядерных взрывов и с 1965 года по настоящий день регулярно их нарушает.

В 1968 году наше правительство подписывает соглашение с Чехословакией о невмешательстве в ее внутренние дела, но через три недели советские войска оккупируют эту страну.

В 1972 году наше правительство подписывает договор, запрещающий совершенствование систем противоракетной обороны, а в 1986 году заканчивает постройку мощного радара в Красноярске.

В 1975 году наше правительство подписывает в Хельсинки договор, обязывающий сообщать о военных маневрах и учениях за три недели до их начала, но в 1981 году дважды нарушает его: в марте и в сентябре.

В 1975 году наше правительство подписывает в Хельсинки соглашение о неприкосновенности границ и запрещении применения силы против независимых государств и в 1979 году вводит в Афганистан оккупационный корпус.

В 1977 году наши делегаты на переговорах о соглашении ОСВ-2 клянутся, что наш новый бомбардировщик не может считаться межконтинентальным из-за ограниченной дальности полета и из-за невозможности дозаправки в воздухе, но через месяц американцы фотографируют этот бомбардировщик в момент дозаправки в воздухе.

В 1982 году Брежнев заявляет, что СССР прекращает строительство пусковых установок для ракет СС-20 в европейской части Советского Союза, но в 1984 году начинается строительство 20 таких установок.

Все это хорошо знают наши противники<sup>27</sup>. Скрывается такое положение только от нас.

Ну а может быть, мы должны благодарить наших дипломатов за то, что они вот уже многие годы водят противников за нос?

Водят-то они водят, но за чей счет? За наш с вами. Наши противники за рубежом говорят открыто: "Мы ничего не проигрываем от переговоров с русскими. Если удастся заключить соглашение и они его выполнят — хорошо, уменьшится угроза новой войны. Если русские опять обманут и гонка вооружений будет продолжена, то — тоже неплохо: для нашей экономики это подъем, для советской — путь к краху".

И ведь верно. Обнищания у наших противников что-то не замечается.

А у нас?

Огромные, трудно поддающиеся подсчету средства идут на содержание армии. Целых два возраста напрочь вырваны из народного хозяйства и сидят на шее государства.

А сколько разбазаривается коррумпированными генералами! Воруются ненасытными интендантами! В армии никто не заботится о народном рубле.

А сколько направляется на производство неоправданно большого количества оружия!

Неужели для того мы отрываем от себя последний кусок, чтобы на радость краснорожим генералам построить асфальтовую дорогу для показушных маневров! Или еще один охотничий домик для гостей из штаба! Да и что могут наши

нынешние генералы, кроме введения войск в несопротивляющуюся Чехословакию, катастрофических просчетов в Афганистане да сбивания гражданских самолетов! (Хотя не сумели сбить Руста.)

И еще одна печальная "новинка". Моральное разложение советской армии стало свершившимся фактом. Весь мир знает о случаях недостойного поведения наших солдат в Афганистане. От нас это усиленно скрывается, но разве это что-либо меняет? Зверски убитые дети, сожженные мирные деревни, пытки, о которых страшно читать, а еще страшнее слушать и видеть чудом уцелевших — все это стало визитной карточкой нашей армии, еще недавно армии-освободительницы.

А разве это может нас удивить? Прочтите повесть "Сто дней до приказа"<sup>28</sup>, отзывы на эту повесть в той же "Юности"<sup>29</sup>, в "Огоньке"<sup>30</sup>.

Издаательства, изнасилования, убийства стали в армии нормой поведения. И это оплачиваем мы с вами. Зачем?

Иллюзия сильной армии в сочетании с низким боевым духом советских солдат представляет собой угрожающий фактор в мировой внешней политике.

Скажите, дорогой читатель, уверены ли вы в том, что если завтра наших ребят пошлют усмирять Польшу или Венгрию, не повторится печальный афганский опыт? Не пошлют? А Армения? Как там будет вести себя армия, с позором выгнанная из Афганистана?

Ну а "если завтра война"? Вдруг нападет враг?

Зададим себе неожиданный вопрос: "А зачем кому-то на нас нападать?"

За последние двадцать лет мир изменился. Развитые страны больше не нуждаются ни в людских резервах, ни в свободных пространствах. Они предпочитают покупать минеральные богатства, охотно готовят и оставляют у себя программистов, операторов, инженеров по вычислительной технике и высокочастотной технологии, строго ограничивают въезд специалистов с "несовременными" профессиями.

Слаборазвитые страны стали похожи на того "неуловимого Джо" из известного анекдота, который был неуловим потому, что был никому не нужен и никто его не ловил.

Все это, увы, теперь касается и нас. Мы должны четко отдать себе отчет в том, что сейчас никто не стремится завоевать отсталую страну, не обладающую ни современным экономическим потенциалом, ни высококвалифицированными специалистами. Мы и есть тот неуловимый Джо, который никому не нужен. Наши минеральные богатства покупают все, кто в них заинтересован, да и по дешевым ценам. На нашей территории строят заводы, строительство которых в развитых странах нерентабельно и вредно с экологической точки зрения.

Так почему же на наших улицах так много военных? Ведь не для того только, чтобы в трудный момент участвовать в работах по ликвидации последствий землетрясения!

Почему наши дети (кстати, единственные в мире) под руководством генералов играют в войну?

Единственное, что долгие годы объединяет низы и верхи советского общества, — это искусственно нагнетаемый страх перед мифической новой войной.

Нас уже второй десяток лет настойчиво заставляют пережевывать ужасы и победы минувшей войны, потому что жупел войны всегда был основным стержнем внутренней политики нашего руководства. Ссылками на крупные расходы на вооружение так легко оправдать бедность, низкое качество товаров и услуг. А взыванием к нашей национальной гордости — затушевать социальное расслоение.

Но время безжалостно лечит от всех иллюзий. Бесконечно спекулировать на патриотических настроениях нельзя. Пора понять, что настало время ехать с ярмарки.

## **7. КРАХ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ.**

Теперь все ясно даже самым простодушным: "Союз нерушимый республик свободных" *навек* великая Русь не

сплотила. И то, что этот союз совсем не "нерушимый", тоже секрет Полишинеля. Как и то, что ни одна из "сплотившихся" республик свободной себя не признает.

Когда слышишь, что прогресс в отношениях между двумя соседними союзными республиками дошел до того, что их первые секретари впервые за десять лет поздоровались друг с другом за руку (об этом поведал сам Горбачев), хочется, перефразировав слова гафтовского героя из "Гаража", воскликнуть: "Как же это вы живете, ленинские вы мои!"

Как хорошо говорил Ленин, когда он еще не был главой государства!

"Всякий народ, который присоединен к другому народу не по добровольному желанию своего большинства, а по решению царя и правительства, есть народ аннексированный, народ захваченный"<sup>31</sup>.

Он клеймил царское правительство и обещал золотые горы, дайте только ему прийти к власти.

"Если мы требуем от своего правительства, чтобы оно убралось вон из колоний — т. е. выражаясь не агитационным выкриком, а точным политическим выражением, — чтобы оно предоставило колониям полную свободу отделения, действительное право на самоопределение, — если мы сами обязательно осуществим это право, предоставим эту свободу, как только завоем власть, то мы требуем этого от теперешнего правительства, и мы сделаем это, когда сами будем правительством, вовсе не для "рекомендации" отделения, а наоборот, для облегчения и ускорения демократического сближения и слияния наций"<sup>32</sup>.

С редакционной точки зрения не очень гладко, но зато очень убедительно.

А как получилось на самом деле?

Придя к власти, Ленин, как известно, успешно аннексировал Закавказье и Среднюю Азию. Не получилось только с Польшей и Прибалтикой. Но тут, как говорится, руки коротки.

Вечных империй не бывает. И четырехвековая, последняя в мире империя начинает разваливаться. Попутно отметим, что это явление естественное. Все бывшие метрополии успешно поменяли имперское чванство на прагматизм и с пользой для себя освободились от бремени руководства колониями.

Аналогия здесь очевидна. Как и очевидно то, что движения в Эстонии, Латвии, на Украине, в Армении и в других республиках — это типичные национально-освободительные движения, не хуже и не лучше тех, которых никогда не обделяло ни деньгами, ни вниманием наше руководство. И как бы ни не хотелось ООН портить отношения с СССР, рано или поздно она вынуждена будет официально признать эти движения. Сам Ленин признавал эти страны колониями. В своей работе "Империализм как высшая стадия капитализма" Ленин прямо писал: "...русские в своей колонии Туркестане..."

Наибольшего успеха пока добились национально-освободительные движения в Прибалтике, особенно в Эстонии.

На первом этапе основное значение в этих республиках приобрели "малые политические требования" (гимн, флаг, национальный день, приоритет национального языка). Это позволило объединить население и изолировать квислингов.

Последнее является существенной особенностью нынешнего этапа. То, что коллаборационисты не решаются показаться на поверхности, свидетельствует о новом соотношении сил и о более высоком уровне движения в Прибалтике (да и в Армении тоже), чем в соответствующие годы в Чехословакии и Польше.

Важной "находкой" прибалтийских движений является отказ на данном этапе от требования выйти из СССР. (Действительно, какой прок от независимости типа чешской и польской!) Такой подход позволяет не только убаюкивать московское руководство, но и привлечь к себе нерешительных.

Требования, которые выдвигают в Прибалтике, понятны каждому. Например, зверское обращение с национальными меньшинствами в армии создает благоприятную обстановку



для требований о прохождении воинской службы на территории своей республики в национальной армии: каждая мать сделает все возможное и невозможное, чтобы не отдавать своего ребенка в лапы насильникам в советской армии. А это уже шаг к созданию национальной армии.

Как только в Эстонии добились (без особого, впрочем, сопротивления московских центральных органов) решения о переводе республики на полный хозрасчет, там сразу же слышались голоса в пользу "национальной валюты", "своих посольств" в странах, с которыми отношения особо развиты...

Сила и успех национально-освободительных движений в Прибалтике заключается в том, что они, используя перестроечную волну, с самого начала ориентировались на политические требования.

Поэтому столь впечатляющее армянское движение, которое никак не может оторваться от веры в доброго царя и погрязло в узко территориальных проблемах, значительно отстало от прибалтийских и с каждым днем теряет все больше шансов на успех.

Возможных перспектив развития национально-освободительного движения в Армении и Азербайджане я коснусь в следующей главе. Пока только отмечу, что именно Ленин посеял зерна вражды между народами, долгое время жившими в дружбе.

Неловко было видеть группы армян с портретами Ленина, человека, который не только не любил армян, но и не считал нужным это скрывать. Именно В. Ленину принадлежит "прекрасная мысль" (февраль 1921 г.) отдать Турции армянские территории Карса и Ардагана взамен Батуми. Разве мог Сталин без согласия Ленина передать Нагорный Карабах Азербайджану? Всякий, кто изучал "турецкую" политику Ленина тех времен, без колебаний ответит: Сталин выполнял указания Ленина.

Значительно прогрессирует национально-освободительное движение в Грузии: там создана Национально-демократическая партия, провозгласившая: "Восстановление незави-

симости Грузии было бы исправлением большой исторической несправедливости. Ради этого стоит жить, бороться и умереть”.

На очереди подъем самого опасного, самого ”решающего” национально-освободительного движения — украинского.

У национальной проблемы есть и другой аспект, может быть, самый важный.

Сейчас многие говорят об ущемлении прав русского народа, и такие слова встречают понимание большинства русского населения. Об этом я буду говорить в следующей главе.

В отличие от войск союзников, советские войска не ушли из оккупированных в результате Второй мировой войны государств.

Правда, эти государства не разделили участи прибалтийских стран и не вошли в состав СССР. Образованный из них конгломерат составил так называемый ”социалистический” лагерь, который сразу же разделился на две группы: страны с низшим, чем СССР, уровнем развития экономики: Северная Корея, Вьетнам, Албания, Китай и в какой-то степени Болгария и Румыния. И страны более развитые, чем СССР: Польша, Чехословакия, Венгрия, Восточная Германия.

Эволюция обеих групп была различной. Но главное направление политики, проводившейся по отношению к ним, — было одинаковым: они являлись ”тихой лабораторией” (слова Сулова) для имплантации ленинских идей.

В наиболее отсталых странах эти идеи встретили, как и следовало ожидать, большее понимание. Там очень быстро сформировались государства по подобию нашего, с жесткими единоличными лидерами. Мао Дзедун, Ким Ир Сен, Ходжа, Чаушеску — трудно найти в мире более отвратительных личностей! Жесткая диктатура, мультипликация нищеты, доведение страны до уровня рабства — все это мы знаем не по учебнику.

С Польшей, Чехословакией, Венгрией и Восточной Германией ленинизму было труднее: цивилизованные нации ле-

низм отторгают активнее. Для его имплантации возможен там только один путь — физическое уничтожение интеллигенции. К чести даже самых одиозных руководителей этих стран, до такого там не дошло. Именно в этих странах и началось центробежное движение.

Все аспекты кризиса СЭВа хорошо известны. Поэтому я задержусь только на некоторых иллюстрациях.

В 1982 году руководство нашего МИДа предприняло попытку внести в Политбюро записку с предложением установить контакты с Общим рынком.

Мы долго готовили проект, успешно "завизировали" наши предложения в министерстве внешней торговли, в КГБ. Но в ЦК КПСС их даже не стали рассматривать.

Мотивировка была проста: когда в странах СЭВа узнают, что мы собираемся установить отношения с Общим рынком, они нас опередят. А это приведет к тому, что весь СЭВ рассыплется.

В 1985 году были предприняты попытки вдохнуть новые силы в СЭВ. Появились постановления об укреплении "нерушимой братской дружбы", решения, резолюции.

Я тогда работал секретарем парткома советской колонии в Тунисе и помню слезные инструкции "принять все меры по пропаганде достижений СЭВ", "провести ряд мероприятий, свидетельствующих об укреплении единства стран соцлагеря". Соглашались "дружить в рамках СЭВ" только болгары. А мой приятель чех весело рассказал мне старый анекдот: "Вы — как амур. Сами голые, кроме стрел у вас ничего нет, а ко всем с любовью лезете".

Обидно? Да, обидно. Но ведь мы действительно этим странам ничего, кроме ленинского учения, не дали.

До входа в социалистическую орбиту Чехословакия была более развитой страной, чем Италия. А Польша — чем Испания. Эстония могла спорить с Финляндией, Латвия — с Австрией. А теперь?

Мы на полвека вырвали эти страны из цивилизации. Просят ли они нам это? Не придется ли нам отвечать за это?

Решающее поражение потерпели наши имперские амбиции в Третьем мире.

В первые годы становления там национальных режимов мы помнили слова Ленина о колониальной грабеже и просыпающихся "трудящихся Востока" и рассматривали развивающиеся страны как своих естественных союзников.

Но так как повторять наш "исторический путь" они явно не торопились, идеологическому аппарату пришлось срочно сочинять "теории", с ленинских позиций объясняющие происходящие там процессы. Чего только не было: и "некапиталистический путь развития", и "социалистическая ориентация". Но это, как говорится, издержки. С политической точки зрения дела шли (да и сейчас идут) хорошо. На всех международных форумах эти страны до сих пор чаще всего голосуют вместе с нами. Правда, не всегда (ввод войск в Афганистан).

В идеологической области положение тоже удовлетворительное: большое количество развивающихся стран, даже далеких от СССР, принимают советскую идеологию, видя в ней, прежде всего, "теоретическое" обоснование диктаторского характера власти.

Сложнее оказалось с торгово-экономическими отношениями.

Ждали, что, как предсказывал Ленин, получившие независимость страны, порвав политически с метрополией, с радостью выйдут из зоны влияния системы свободного рынка. Министр внешней торговли Н. Патоличев в середине 60-х годов бодро заверял ЦК, что сотрудничество со странами Третьего мира крайне перспективно для СССР с точки зрения потенциального рынка для советских промышленных товаров и сырьевой базы для советской экономики.

Сравнивая низкий уровень производства в этих странах с более высоким советским, мы делали вывод о том, что советская экономика в состоянии обеспечить технологические и культурно-бытовые потребности этих стран, создать там зависимое от нас хозяйство. В качестве типичного примера

для подражания считалась Куба, где группа Кастро эволюционизировала от национализма к марксизму, к полной и бесповоротной привязке к СССР.

В качестве долгосрочного влияния делалась ставка на подготовку национальных кадров в различных школах в СССР. И принялись учить африканцев (и не только африканцев) ленинским теориям. Те балдели, но учились. Созданные в те годы институты и школы работают до сих пор.

Однако к началу 70-х годов стало ясно, что надежды на экономическое использование стран Третьего мира в наших государственных интересах наталкиваются на ряд труднопреодолимых препятствий, главное из которых – нежелание даже просоветски настроенных лидеров приобретать плохое и дорогое советское оборудование в ущерб более дешевому и более современному западному.

Стало ясно, что эти страны рассматривают нас только как поставщика безвозмездной экономической и военной помощи. Кроме того, разоренное с помощью наших экспертов и плановиков хозяйство в наиболее преданных нам странах не способно было даже при большом желании выйти из состояния нахлебничества.

И тогда характер отношения со страной начало определять только военное сотрудничество. Теперь уже "прогрессивными" на Старой площади называют не те страны, чьи руководители распинаятся в любви к ленинизму и Советскому Союзу, а те, кто связал себя военными поставками из СССР. Тогда и попали в верные ленинцы людоед Иди Амин и мусульманский фанатик Каддафи.

**ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ**  
**ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ**



## Глава шестая

### ПЯТЬ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

#### 1. УСТАНОВЛЕНИЕ ГАРАНТИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА.

Скажите, дорогой читатель, уверены ли вы в том, что у нас в стране есть политические партии? Ну хотя бы одна.

КПСС — скажете вы.

Но партия ли КПСС?

Как утверждают энциклопедии, политическая партия — это группа лиц, объединенных какими-либо общими интересами, воззрениями. Группа единомышленников, как говорили раньше.

Скажите, были ли вы единомышленником с товарищем Брежневым? Объединяют ли вас какие-нибудь общие интересы с секретарем райкома партии?

Нет, дорогой читатель, КПСС давно уже перестала быть политической партией. Она давно уже не выражает интересы тех, кто записан в ее члены.

Она не является тем объединением, где вы можете высказать ваши политические взгляды. Она не является тем ядром, вокруг которого можно организовать для выполнения какого-нибудь важного для вас и ваших товарищей дела.

Политическая деятельность в КПСС — это суррогат политической деятельности. КПСС — это эрзац политической партии.

Подмена настоящей партии компартией, подмена политической деятельности в стране членством в КПСС имеет вполне определенные цели:

— контролировать наши политические взгляды;



- препятствовать объединениям по интересам;
- гарантировать руководящее положение в стране и "сладкую жизнь" партийному аппарату.

Нет никаких иллюзий по поводу будущего КПСС. Ее платформа и идеологическая основа скомпрометированы. В организационном плане она рыхла, в ней нет мобилизующего центра. Это кучка давно оторвавшихся от народа, живущих своей жизнью руководителей и не скрепленная никаким идеологическим единством масса.

Поэтому речь у нас может идти не о разрешении деятельности каких-то других партий, а о разрешении политической деятельности вообще.

*Поэтому политический плюрализм в СССР означает разрешение неконтролируемой властями политической деятельности.*

Много сейчас пишут о социалистическом плюрализме. Что это такое?

По мнению организаторов нашей идеологии – это "широкий спектр" политических воззрений, не выходящих за рамки официальной социалистической идеологии и "сложившейся в стране однопартийной политической системы".

Некоторые, наиболее смелые, идут дальше. Социалистический плюрализм, по их мнению, это разнообразие подходов к различным экономическим и социальным проблемам. Но опять-таки в рамках КПСС. Что-то вроде "плывем в одной лодке, но поем разные песни".

Не очень понятным в этих условиях остается ответ на вопрос, можно ли организовываться вне КПСС для того, чтобы высказывать мнения, с которыми организаторы идеологии со Старой площади не согласны.

Словом, получается вопрос, как у М. Жванецкого: "Очки есть или очков нет?" – "Есть плюрализм или плюрализма нет?"

Мы, конечно, уже привыкли к тому, что слово "социалистический" является синонимом выражения "полное отсутствие". Мы знаем, что социалистическая экономика – это

”полное отсутствие экономики”. Социалистическая законность — это ”полное отсутствие законности”. А социалистическая демократия — это ”полное отсутствие демократии”. Подобной словесной эквилибристикой мы владеем со школьной скамьи. И поэтому легко воспринимаем новацию ”социалистический плюрализм” как ”полное отсутствие плюрализма”.

Ибо, если ”плюрализм” подразумевает самостоятельные, независимые суждения, то само предположение о том, что независимые самостоятельные суждения должны высказываться в рамках обязательных концепций или, того чище, в рамках одной партии — абсурдно. Плюрализм без независимости и самостоятельности суждений, без права организовываться на основе этих суждений — такая же словесная глупость, как безалкогольный спирт.

Однако не все так просто, как кажется.

Возникшее в прибалтийских республиках движение ”народных фронтов” формально, на словах, действует ”в рамках социалистического плюрализма”, то есть при официально запрещенном политическом плюрализме. Они не объявляют себя партиями, но фактически превратились в партии. То есть налицо обыкновенный эвфемизм, вместо ”политическая партия” — ”народный фронт”.

Таким образом, речь идет о тактике, о том, как прикрыть стыд штанишками социалистического плюрализма. О том, как использовать социалистический плюрализм для плюрализма настоящего.

Пока что мы должны ответить на сакраментальный вопрос ”Есть или нет?” совершенно однозначно: ”Нет”. И не может быть.

Почему же понадобилось именно сегодня так велеречиво распинаться о свободе тем, кто еще совсем недавно права человека представлял только как некое капиталистическое оружие, что-то вроде СОИ?

Хороший ответ подсказывает А. Васинский<sup>1</sup>.

”Если человек лишен свободы мысли как личность, то

вряд ли чудеса творческой раскрепощенности будут проявлены им и при конструировании совершенных приборов”.

Вот где собака зарыта. Не ради свободы как таковой. А ради конструирования сложных приборов. Здесь и происходит раздел между реформаторами и Ниной Андреевой. Реформаторы говорят: ”Ничего не выйдет, если не дадим свободы. Не будут они у нас конструировать, изобретать. Погибнем вместе”. А Андреева не согласна: ”Прижать надо их как следует. Как Ильич наказывал”.

Тут к месту припомнить ленинские слова: ”Надо, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки”. Или: ”Зажиточную часть населения надо на три дня посадить без хлеба”. Живенько начнут изобретать что прикажут!

А что, дорогой читатель, ведь изобретали же!

”Самый чувствительный институт демократии – политические права и свободы. А они у нас пока не очень четко разработаны”, – вздыхает профессор М. Баглай<sup>2</sup>.

Правда, дальше настроен он оптимистически.

”Политические права и свободы не в пример нашему недалекому прошлому, – пишет он, – должны признаваться не только за большинством, но и за каждым. При этом надо, не боясь признать, что наше социалистическое общество при всей его идеологической устремленности все же включает людей и группы с иными, чем официальные, политическими взглядами”<sup>3</sup>.

Почему же – недалекому прошлому? А разве демонстрацию Демократического союза на Пушкинской площади разгоняли во времена военного коммунизма, во времена культа личности, во времена застоя?

”Увы, и сегодня у нас немало каких-то угрюмо-несомневающихся напористых людей, ужасно серьезных и самоуважительных, готовых к скорой расправе”. Это тоже из ”Известий”<sup>4</sup>.

Ох, как хорошо знаем мы этих людей. Знаем и то, что они ждут своего времени.

Как-то советский философ М. сказал мне:

”При анализе альтернативных путей развития советского государства необходимо учитывать идеалы и стереотипы, имеющиеся в массовом сознании. Одним из таких стереотипов является постулат о том, что только крепкая партия может изменить существующее положение дел. Поэтому все наши вожди, начиная с Ленина, панически боятся других партий, видят в них основную угрозу для режима. Поэтому все может быть допущено в СССР. Все. Кроме мысли о том, что другая партия возможна”.

Можно разрешить печатать Замятина и Орвелла. Можно начать восстановление разрушенных храмов. Можно опубликовать данные о том, что Сталин был параноиком. Много можно. Кроме одного. Кроме разрешения политической деятельности.

Потому что политическая деятельность, какую бы форму она ни приняла — антисоветскую или просоветскую, — неминуемо ведет к зачеркиванию КПСС. Даже прокоммунистическая деятельность зачеркивает уникальность КПСС, а следовательно, и мотивировку существования КПСС в качестве единственно допускаемой партии. Любая политическая деятельность отодвигает КПСС на задний план.

Поэтому я повторяю: КПСС — это не только не марксистская партия, но и не партия вообще.

Сильные мира нашего знают, что, если хотя бы на один день к власти у нас в стране придет другая партия, то, какой бы она ни была, первое, что она сделает, — это деполитизирует армию, КГБ и МВД. Кстати, к полному удовольствию этих организаций.

А это будет означать конец монополии партийного аппарата КПСС.

Это будет означать конец ленинщины.

Поэтому они и будут сопротивляться любым конкретным шагам в сторону создания какой-либо альтернативной партии.

А альтернатива КПСС есть.

В нашей прессе стали чаще появляться статьи о выступ-

лениях людей, называющих себя партией. "Мы — смертники, — говорит пресс-секретарь Демократического союза Юрий Митюнов. — Мы прошибаем стену, и в образовавшуюся брешь за нами пойдет интеллигенция"<sup>5</sup>.

Выступают члены этой партии против монополии КПСС. И это действительно партия. И их уже сейчас не меньше, чем у Ленина за полгода до революции.

Их деятельности я коснусь в следующей главе. Пока только замечу, что Демократический союз действует легально. А разве вы уверены, дорогой читатель, что нет партий нелегальных? Ленин учил: если кадеты разрешат нашей партии легализоваться, то "мы создадим по-прежнему свою особую партию и обязательно соединим легальную работу с нелегальной"<sup>6</sup>. Хотелось бы, чтобы в этом у Ленина нашлись ученики в нашей стране. Тем более, что в таких вопросах у него поучиться можно. Хотя бы по части "науки побеждать".

Не следует думать, что подпольных организаций у нас в стране никогда не было.

Я знал таких. Это были разные люди. Мне приходилось работать с ними, дружить с ними, разделять их радости и горе.

Приходит на память одна группа. Больше полувека назад мальчишки и девчонки, школьники и студенты, мы собирались вместе и говорили о политике, о литературе. Сначала обсуждали судьбы советских государственных деятелей, попавших в немилость. А потом создали "партию". Кстати, не какую-то антисоветскую, буржуазную партию, а самую что ни на есть марксистскую. Некоторых арестовали. Пытали, но они никого не выдали, и их расстреляли. О них очень хорошо написал и, я думаю, просто обязан еще написать знавший их В. Амлинский<sup>7</sup>.

Почему же приговор, как пишет В. Амлинский, "даже для тех суровых времен поражал своей абсурдной жестокостью"? Да потому, что попала наша группа в самую больную точку — пыталась создать партию. И никого не интересовало, какая это будет партия.

Помните: "стереотипы мышления"... "только партия способна"...

”Мы, всей державой, стоим в очереди к одному-единственному супермонополисту — министерству торговли СССР, — пишет в ”Огоньке” Л. Жуховицкий. — И этот супермульти может делать с нами все, что хочет”<sup>8</sup>.

Пишет он и о других наших супермонополистах: Аэрофлоте, Интуристе. Не пишет только о самом супермонополисте — партийном аппарате.

О том, что этот аппарат присвоил себе монопольное право решать, какую философскую теорию нам надо исповедовать, как решать экономические вопросы и какую выбрать политическую систему, уже много написано и повторяться не стоит.

Однако Жуховицкий приводит еще один пример, где партийный и партийно-государственный аппарат имеет монопольное право. Послушайте, что он пишет:

”Экономическая модель, доставшаяся нам от культа и застоя, очевидно, плоха. Но она много лет действительна и — не знаю, можно ли так сказать, — извращенно разумна. Что защищает нас от всевластия монопольных ведомств? К великому сожалению, только всеми проклятый административный диктат”<sup>9</sup>.

Таким образом, защищает нас от монополий министерств, то есть от монополий, где главный хозяин — партийная верхушка страны, она же — партийная верхушка. И этим правом она, высшая партийная верхушка, ни с кем поделиться не хочет. Стало быть, речь идет об ее монопольном праве защищать нас от себя. Такой монополии не знает ни одно государство.

”Наши монополисты, — пишет тот же Жуховицкий, — как все монополисты на земле, будут яростно бороться за свою внеконкурентность. А бороться они умеют лучше, чем работать”<sup>10</sup>.

И в этом сомнения нет. И они знают, где главные звенья.

Я уверен, что они будут с куда большей энергией бороться за полный монопольный контроль над армией и карательным аппаратом, чем за контроль над промышленностью и даже идеологией.

Ибо они есть наследники Ленина.

Ленин прежде всего создал ЧК и армию, а на контроль над идеологией, за искусством особенно не нажимал. Он знал, что важнее.

Позже его преемники, окончательно укрепившись, захватили и все остальное: идеологию, искусство, промышленность, сельское хозяйство.

И отдавать они будут в том же порядке: сельское хозяйство, промышленность, искусство, идеологию и только потом армию и карательные органы. Таковы заветы Ильича.

Они, собственно говоря, уже приступили к частичной отдаче сельского хозяйства, промышленности. Есть уступки в области искусства и идеологии.

Но никогда добровольно они не отдадут армии и карательных органов.

Можно на досуге посудачить о социалистическом плюрализме, о любых других формах плюрализма. Но если на вопрос вопросов: "каковы гарантии оппозиции и как организовано руководство армией и карательным аппаратом?" — ответ: "под контролем партии, которая защищает интересы трудящихся", то это означает, что никакого плюрализма нет и не может быть, ибо политический плюрализм — настоящий, не социалистический — немыслим при контроле какой-либо партии над армией и карательными органами.

Уже сейчас оппозиционными группами в СССР выдвигаются идеи о том, что в армии и в таких ведомствах, как КГБ и МВД, необходимо запретить принадлежность к какой-либо партии. Только тогда можно было бы сделать важный реальный шаг к реальному политическому плюрализму.

А это означает, что еще раз нужно будет перешагнуть через ленинские заветы, через ленинщину.

В основе любого плюрализма мнений лежит не только терпимость к чужому взгляду, но и допущение того, что другой взгляд может оказаться правильным.

Именно здесь и заложено основное противоречие между ленинизмом и плюрализмом.

Ленин никогда не считался с чьим-либо мнением. Свобода других для него была вещью малоценной.

Ему принадлежат самые лучшие "уроки демократии", уроки уважения чужих взглядов. Ленин вообще не понимал, как можно разрешать деятельность партий, с ним лично не согласных<sup>1</sup>. Он был убежден, что так и надо поступать.

Уже к первой годовщине революции в стране осталась только одна партия, партия Ленина. Политический плюрализм, одно из важнейших политических завоеваний трудящихся в результате революции 1905 года, был растоптан.

Особенно жестоко были наказаны левые эсеры. И в этом я вижу злую насмешку судьбы. Левые эсеры были единственной партией, которая поддержала Ленина, которая согласилась войти в его правительство.

И как потом Ленин вылавливал их!

"Разбитые банды восставших против советской власти левых эсэров разбегаются по окрестностям. Есть сведения, что один броневик, который был у восставших, бежал за город. Принять все меры к задержанию этого броневика"<sup>2</sup>.

Чтобы ни один броневик "не убежал"! Изловить всех!

И не насмешка ли судьбы, что лидеры правых и центристских партий спокойно умерли в эмиграции. Так, лидеры кадетов П. Милюков и П. Маклаков скончались в глубокой старости во Франции. Там же в преклонном возрасте умер лидер эсэров В. Чернов. В более чем преклонном возрасте умер в США А. Керенский.

А вот лидер левых эсэров М. Спиридонова, единственная из лидеров политических партий, поддержавших Ленина во время Октябрьской революции, была арестована уже через полгода после революции, содержалась в тюрьме до 1941 года (с перерывом) и при приближении немцев к Москве расстреляна.

Поистине всякий, кто касался Ленина, кончал плохо.

Неужели так будет и с нашей страной?

Не должно быть. Этого нельзя допустить!

Королям просто: король умер, да здравствует король.



Партимператорам — сложнее. Им нужно завоевывать позиции. На первых порах они обещают свободы, делают вид, что разрабатывают экономические реформы, всем своим видом показывают, будто слеплены из того же теста, что и руководители западных демократических государств. Но мы с вами, уважаемый читатель, знаем — это только первое действие, и ждем "переломного пленума", с осуждением очередных "авантюристов", "догматиков"... словом, отрицательных персонажей. Таковы правила игры. Рутина.

Но мы теперь уже не те, что были еще десять лет назад. Теперь даже самый прекраснодушный наблюдатель с опаской ждет повторения сюжетов, так хорошо изученных за семьдесят лет.

Но неужели и сейчас нас ожидает тот же сценарий?

Откровенно говоря, ситуация сейчас существенно отличается от того, что было еще совсем недавно. На разных уровнях советского общества дебатировался вопрос о будущем однопартийной системы. И большинство начинает склоняться против такой системы. Все больше и больше людей в Советском Союзе понимают, что поручать далее коммунистической партии в одиночку решать судьбы государства преступно. Партия не справилась и не справится в дальнейшем.

Без гарантий политического плюрализма не победить инертности масс, не заставить людей поверить в то, что на этот раз все серьезно. (А представляется именно так: на сей раз — все серьезно.)

Не правда ли, дорогой читатель, уже изрядно надоели расплывчатые абстрактные лозунги, вроде: "демократизация", "права трудящихся", "свобода собраний". Семьдесят лет ленинщины научили нас, что без гарантий ни о каких свободах речи быть не может.

Мы больше не хотим свободы, как осознанной товарищем Сталиным необходимости. Нам не нужна "отеческая забота" по предотвращению акций, идущих "вразрез с волей народа", потому что знаем, в каких ведомствах вырабатывается "воля народа".

Мы уже давно перестали рассматривать лозунги, кото-

рые нам подсовывают очередные организаторы идеологии, с точки зрения, насколько они соответствуют марксистской идеологии или тому, что "завещал Ленин".

Теперь для нас главное — как решается аналогичная проблема в развитых западных государствах. И это важное явление текущего момента. Этого уже не переделаешь.

Теперь мы знаем, что требовать. И требуем уже осмысленно. Требуем:

- Провозгласить демократическую, парламентскую республику.

- Подготовить проект новой конституции, взяв за образец конституции западных демократических республик. Принять ее общим голосованием.

- Разрешить партии, признающие конституцию и обязующиеся не нарушать ее.

- Провести всеобщие демократические выборы без ограничения числа кандидатов на одно место.

- Гарантировать права оппозиции.

- Деполитизировать армию, МВД и КГБ.

- Гарантировать основные права человека: свободу слова, совести, объединений, свободу передвижения, в том числе за рубеж, равные права национальностей, право каждого гражданина на знакомство со своим личным досье.

- Отменить все формы цензуры, кроме цензуры нравов. Резко уменьшить номенклатуру данных, подлежащих засекречиванию.

Словом, мы хотим пользоваться такими же правами, как все жители всех демократических государств. Чем мы хуже?!

## **2. СОЗДАНИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА.**

Организаторам нашей идеологии приходится признаваться, что правового государства в СССР никогда не было. Больше семидесяти лет живем мы без всяких прав. Многие этого даже не осознают.

Поэтому даже на Старой площади признают, что создание правового государства, то есть государства, в котором исполнительная, законодательная и судебная власть были бы разделены и не оказывали давления друг на друга, должно быть одной из первых задач в цепи планируемых реформ.

В дело включились юристы. Составляются проекты. Задача, прямо скажем, нелегкая.

Сложность представляется еще и в том, что правовое государство предлагает разделение власти не только на самом высшем уровне, но и на всех этажах власти. И в этом есть определенная трудность. В таком государстве, как наше, значительно легче провести "революцию" сверху, чем снизу.

За образец правового государства наши юристы совершенно открыто и недвусмысленно принимают теперь западные промышленные страны, еще недавно преподносившиеся нам в качестве эталона бесправия<sup>13</sup>.

Конечно же, совершенных обществ нет. Но те формы государственного устройства, которые сложились в современных промышленных государствах, действительно, представляют на сегодняшний день наиболее убедительную модель. И с этим теперь приходится считаться на Старой площади.

Дж. Вашингтон оказался куда более прозорливым государственным деятелем, чем Ленин. Созданные при его участии основные государственные структуры живут уже более двухсот лет. Принятая более двухсот лет назад американская конституция четко разделяет законодательную власть (Конгресс), исполнительную (президент) и судебную (Верховный суд) и является эталоном, на который равнялись многие конституции демократических стран.

Почему же вопрос о правовом государстве в нашей стране поставлен на повестку дня именно сейчас? Не являются ли призывы к установлению правового государства составной частью перестройки, определенной данью моде?

Думается, дело обстоит серьезнее.

Правовое государство является важным атрибутом развитого промышленного общества. И коли мы уже чувствуем необходимость перехода от феодальных структур к капи-

талистическим, мы должны будем — хотим мы или не хотим, — основываться на необходимости установления правового государства.

С тем, что именно ломка феодальных структур и является движущей силой для создания такого государства, соглашаются многие советские видные юристы. Вот что пишет по этому поводу уже цитировавшийся профессор М. Баглай<sup>14</sup>:

”Государство права явилось своеобразной реакцией на необузданность феодальной структуры, в которой монарх соединял в себе законодательную, исполнительную и судебную власть. Сама идея правового государства состояла в ограничении произвола власти, стремлении подчинить ее деятельность стоящему выше нее праву. Практически такие государства сложились лишь после Второй мировой войны”.

Повторим за профессором: ”Сама идея правового государства состояла в ограничении произвола власти, стремлении подчинить ее деятельность стоящему выше нее праву”.

Теперь это для нас подходит. Теперь это своевременно. Хотя не стоит забывать, что еще несколько лет назад именно произвол и считался элементом права. И путь назад, увы, еще не заказан.

Опыт подсказывает нам: провозгласить истину — это еще полдела. Главное — гарантировать ее исполнение.

”Всенародный сталинский закон”, который, как утверждал В. Лебедев-Кумач, мы писали ”золотыми буквами”, обещал так много свобод, что либеральные профессора на Западе, не колеблясь, приписали Сталина к самым великим демократам мира. Что получилось на деле, мы знаем. Мы знаем, что иного и не могло получиться.

И еще об одном стоит задуматься. Снова процитирую статью Баглая.

”Авторитарные тенденции, ведущие к беззаконию и режиму личной власти, часто исходили не из государственных учреждений, а из политических институтов. Мы не вправе забывать об этом и считать себя застрахованными на все случаи в будущем”.

С этим трудно не согласиться. Послушаем дальше. Про-

фессор продолжает свою мысль, но уже чувствует себя явно скованным:

”Пусть заслоны такой тенденции будут безжизненны, но пусть они в наших законах все-таки будут”.

То есть, пусть нас по-прежнему будут пороть, но теперь уже пороть не по закону, как раньше, а вопреки, нарушая его.

У каждого свои вкусы. Но все-таки лучше, чтобы не пороли. Лучше создать такие заслоны, не бумажные, а реальные, которые бы гарантировали общество от возникновения авторитарных тенденций, ведущих к беззаконию и режиму личной власти. То есть создать такие же стойкие заслоны, какие существуют в тех же США, в Канаде.

И если авторитарные тенденции чаще всего исходят — и Баглай здесь совершенно прав — из политических институтов, то надо привести эти самые политические институты к такому состоянию, чтобы они у нас заняли по крайней мере такое же место, что в промышленных странах.

Речь, как нетрудно догадаться, идет о верхушке КПСС. Без многопартийной системы, без политического плюрализма правовое государство — только фикция, и останется фикцией, какие бы красивые слова об этом ни говорили.

”Другая важнейшая конституционная сторона социалистического правового государства, — продолжает Баглай, — подлинно независимый суд. Как известно, конференция (имеется в виду 19-я партконференция) в этих целях сочла целесообразным, чтобы суды избирались вышестоящими советами на более длительные, чем теперь, сроки. ...Достаточно ли этого для того, чтобы суд стал независимым и демократичным? — спрашивает Баглай. И отвечает: — Думается, нет”.

И он прав. О какой независимости суда может идти речь, если судья, как член КПСС, в силу устава КПСС должен подчиняться вышестоящим партийным органам?

Передо мной статья Н.Саутина. «Первый /речь идет о первом секретаре горкома/ приказал: ”Выйдите на судью, пусть ограничится штрафом”». Судье позвонили, на винов-

ную был наложен штраф<sup>15</sup>. Примеров таких в газетах можно отыскать немало.

Так что же произойдет, если суд законом отделят от исполнительной власти, от законодательной власти? Очень хорошим законом.

Все равно, пока существует диктат партийной верхушки одной партии, ни о каком справедливом суде речи быть не может. Как не бывает горячего льда.

Какие могут быть выходы? Вот что предлагает Баглай:

”Правление закона возможно при условии, что законы принимает только выборный народом представительный орган; применяет законы суд, нарушение закона, хотя бы и главой государства, влечет неминуемое наказание. Это начало начал конституционного режима, оно преследует цель пресечь правительственное нормотворчество и аналогичную тенденцию партийного аппарата... Подлинной гарантией может стать только контроль общественности, в частности через прессу”.

Помилуйте, профессор. Пресса-то находится в руках партии. И не кто иной, как новый министр МВД В. Бакатин, будучи еще секретарем Кемеровского обкома партии, требовал на 19-й партконференции ужесточения партийного контроля за прессой. Каковы политические взгляды будущего министра, можно судить по таким его словам:

”Всякие красивые словосплетения, как бы они ни были эффективны и выигрышны, о партии и перестройке, о ”партии беспартийных” и всякие шибко революционные призывы брать власть... есть не что иное, как бездумная безответственность и самолюбование, либо далеко не безобидная, хо-рошо рассчитанная и организованная кампания...”

Не правда ли, впечатляюще?

Вот и получится: партия, в лице товарища Бакатина, будет контролировать прессу, а пресса контролировать суд.

Лучших гарантий для ”независимости” суда не придумаешь.

Формирование правового государства предполагает внед-

рение принципиально новых государственно-правовых институтов, имеющих характер демократических гарантий.

”Важнейшая сфера контроля — финансы, о которых народ вправе знать гораздо больше, чем сейчас”, — совершенно справедливо замечает по этому поводу тот же профессор Баглай.

И я вспомнил, что, будучи секретарем парткома советской колонии в Тунисе, я не имел права интересоваться только тремя вопросами: агентурной работой КГБ (что совершенно естественно), агентурной работой ГРУ (что тоже совершенно естественно) и... финансовой деятельностью посла. Это было уже в эпоху гласности.

Поэтому, при самом большом оптимизме, мне трудно поверить в то, что расходы на содержание партийного и государственного аппарата, армии и КГБ будут обнародованы. Тем более, в то, что их финансирование когда-нибудь станет предметом свободного обсуждения выборным органом, который должен распределять финансы.

При однопартийной системе это невозможно.

В правовом государстве все органы, а тем более те, которые способны применять насилие, должны действовать только на правовой основе. Это очевидно. Что же предлагают наши юристы?

Опять ”общественный контроль над всеми вооруженными формированиями страны на основе специальных законов о функциях, финансировании и руководстве соответствующих министерств и ведомств — обороны, государственной безопасности и внутренних дел”.

Контроль общественности. Но какой общественности? Той, которая скандировала у Колонного зала: ”Смерть троцкистско-зиновьевским предателям”? Той, которую гонят каждую осень на картошку?

До тех пор, пока не будет завоевана первая победа над произволом, — когда перестанут гнать людей на принудительные работы на село или на плодоовощные базы, как дворовую девку Малашку на сенокос, — до тех пор о каком-либо правовом государстве даже стыдно и заикаться.

И здесь уже один шаг до понимания сердцевины правового государства — прав человека.

Потому что без признания прав человека правовое государство невозможно.

”У нас все-таки не было главного, — вздыхает тот же Баглай, — признания в качестве высшей ценности свободы человека — именно свободы, а не только его благосостояния; хотя весьма важно и это”.

И далее.

”Самый чувствительный институт демократии — политические права и свободы. А они у нас пока не очень четко разработаны”.

Так как же нам бороться с политической несвободой? Законодательным путем? Принятием хороших законов? Но ведь политическая несвобода, от которой страдает общество, сложилась за относительно большой исторический период. Во-первых, из-за длительного отсутствия демократических институтов. Во-вторых, из-за недоразвитости правового сознания граждан, которые должны уметь отстаивать свои права. И только в-третьих, из-за отсутствия нормальных законов, зафиксированных гражданских прав.

Демократические институты, оппозиционная пресса, многопартийная система, парламент, нормальные профсоюзы, независимые от государственной власти, забастовочное движение — все это в нашей стране полностью отсутствует уже в течение почти семидесяти лет. Да и судя по всему, в ближайшее время больших изменений наше руководство допускать не склонно.

Немногим лучше обстоит дело с правовым сознанием. Сознают свои права и дерзают открыто бороться за них лишь одиночки. Что с ними бывает, хорошо известно.

Правовое государство предопределяет принятие важных законов. Здесь и выработка процедуры контроля за правительственными постановлениями (имеется в виду их соответствие конституции и законам); и восстановление суда присяжных; и участие адвоката в следствии; и гласность судов; и ликвидация статей уголовного кодекса, использу-



емых для преследований по политическим и религиозным мотивам.

Думается, в этих вопросах уже на нынешнем этапе можно ожидать изменений в законодательстве. И это следует приветствовать.

И как не согласиться с Баглаем, который имеет мужество сказать: "Политические права и свободы не в пример нашему недалекому прошлому должны признаваться не только за большинством, но и за каждым. При этом надо не боясь признать, что наше социалистическое общество при всей его идеологической устремленности все же включает людей и группы с иными, чем официальные, политическими взглядами! Правовое государство должно охранять право на инакомыслие в законных формах".

Как же относиться нам, дорогой читатель, к планируемым политическим реформам?

Речь идет, прежде всего, о совмещении постов секретарей парткомов и председателей советов на всех уровнях, начиная с районного, вплоть до совмещения поста генерального секретаря с постом председателя Президиума Верховного Совета. Первый секретарь каждого партийного подразделения (район, область, республика, ЦК) должен одновременно стать и главой местной исполнительной власти, председателем соответствующего совета депутатов трудящихся. Генеральный секретарь — читай, сам Горбачев — уже подал пример: стал председателем Президиума Верховного Совета.

Хорошо это или плохо?

На первый взгляд, здесь нет ничего нового. Сталин и Хрущев присваивали себе посты председателя Совета Министров. Брежнев, Андропов, Черненко и теперь Горбачев — пост председателя Президиума Верховного Совета. Все это уже было.

И несмотря на то, что концентрация высшей власти в одних руках не один раз осуждалась съездами, пленумами и самим Горбачевым, история снова повторилась. Правда, в отличие от своих не очень-то разборчивых в средствах предшественников, просто-напросто узурпировавших власть, юрист Горбачев узаконил эту концентрацию. Узаконил диктатуру.

Но все ли так просто?

В том-то и дело, что не совсем.

Давайте, дорогой читатель, рассмотрим гипотетическую ситуацию. Образована новая партия. Может ли она прийти к власти? Нет. Потому что высшая власть в стране принадлежит — мы об этом говорили — Политбюро ЦК КПСС. Ни одна партия стать "Политбюро ЦК КПСС" не может. Поэтому при той структуре власти, которая существует сейчас, возможен только один путь прихода оппозиции к власти, революционный. Но ни один ответственный человек не хочет этого. Революция и неизбежные ее спутники, разруха и анархия, отбросят страну назад.

Поэтому, если после проведения политической реформы страна станет президентской республикой, то есть республикой, в которой высшая исполнительная власть принадлежит президенту, то создастся возможность — я повторю, гипотетическая, но возможность — мирной, парламентской смены власти или изменения ее характера. А это уже шаг вперед.

Конечно, было бы крайне наивным предполагать, что даже если верховные полномочия перейдут от Политбюро к Президиуму Верховного Совета, характер власти изменится. Однако в этих условиях появляется возможность вести серьезную работу по созданию альтернативы КПСС.

И, самое главное, изменится сама структура верховной власти: она перейдет от массонской ложи Политбюро, куда проникнуть не высшей партийной элите невозможно, — до Верховного Совета, куда, как следует организовавшись, смелые люди могут провести нужных делегатов.

Если, конечно, как следует организовать.

В предложениях о реформе политической системы — много непонятного. Точнее, больше непонятного, чем понятного. Кого избирать сначала, секретаря парткома или председателя совета? Если секретаря обкома, то тогда выборы председателя областного совета превратятся в пустую формальность (где же обещанная демократия и повышение роли советов?). Если наоборот, то что получится, если коммунисты не выберут председателя облисполкома первым секретарем?

Неясно, где секретари обкомов и райкомов, и так жалующиеся на большой объем работы (и это вполне соответствует истине), изыщут время на выполнение еще одних крайне трудоемких функций. И не приведет ли это к путанице? Не станет ли это очередной нелепицей, которую быстро отменят — предварительно высмеяв, — те, кто придет после Горбачева. Недаром так и напрашивается сравнение с анекдотичным хрущевским разделением обкомов на сельские и промышленные.

Но главное все-таки может быть сделано: политическая структура, которая может воспринять мирный переход власти.

Ленин и не помышлял о создании правового государства.

Сразу после Октябрьской революции он начал руководить оперативными делами, издавать законы, вершить суд. Никем не уполномоченный, никем не избранный.

Первые всеобщие выборы в стране были проведены только через двадцать лет после захвата власти — сталинские выборы в Верховный Совет. Судьи при Ленине назначались партийными чиновниками. Законы писал он сам. И, скажем откровенно, написал очень скверно.

Ленин и законность, Ленин и правовое государство — слова-антиподы. Ленин предоставил себе исключительное право вольного трактования написанных им же самим законов. Причем трактовал их не только применительно к обстоятельствам, но и — что было чаще — применительно к тому, к кому они относились.

Ленин приучил свое окружение руководствоваться прежде всего "здравым смыслом", а потом уже законами. И здравый смысл Сталина, и здравый смысл (как бы смешно это ни звучало) Брежнева — это продолжение установившейся при Ленине практики наплевательского отношения к закону. Вся система полного государственного беззакония создана Лениным. И приучил Ленин своих сподвижников именно к этому.

Нет. Не вписывается Ильич в правовое государство. Это полярно противоположные понятия.

### **3. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТОВАРНО-РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛНОМ ОБЪЕМЕ.**

Еще совсем недавно все казалось совершенно ясным. Разрешат кооперативную торговлю, появятся частные кафе, магазины, исчезнут очереди, лучше станут работать государственные торговые и питейные точки, и все будет хорошо. Приводились лазурные примеры Венгрии, Чехословакии.

Противодействие открытию подобных заведений виделось только в злом марксистском умысле идеологических начальников, которые не желают делать уступок мелкобуржуазным наклонностям. Так, впрочем, и было на самом деле.

Теперь мы поняли, что, увы, не все так просто.

Кафе открылись, а общепит не торопится с ними конкурировать. Наоборот, охотно отдает частному сектору свои убыточные точки. И если в чем и соревнуется с ним, то только в ценах.

И ничего в этом удивительного нет. Все наши минторг, минсоцбыт и прочины "мины" — такие же хищники, как и кооперативы, только, как и все монополисты, с большими возможностями.

Получилось, что мы начали играть в капитализм, имея на руках очень плохие карты.

И не закончится ли наш второй НЭП столь же минорно, сколь НЭП первый?

Сейчас наша пресса просто души в первом НЭПе не чает. Почитать некоторые статьи, ну прямо был филиал рай где-нибудь в Рязанской губернии. Все, мол, было бы хорошо, если бы не Сталин.

Но было ли так все гладко при первом НЭПе?

Нет, ничего подобного не было. И как ни печально вспоминать, но общая картина жизни при НЭПе в общем-то была

такой, как ее описывали наши писатели тех времен. Конечно, не без сгущения красок.

Неужели вы поверите, дорогой читатель, что к нэпманам в те годы относились лучше, чем сейчас относятся к владельцам кооперативных магазинов и продавцам с Рижского рынка?

Увы (или не увы?), нет. Относились так же плохо. Даже хуже.

Не надо приписывать Сталину какой-то злой умысел против НЭПа. Вместе с государством-монополией НЭП образовал экономический пресс, давивший на простого труженика, особенно в городе. А горожанин терпеть не хотел. Он еще помнил лозунги десятилетней давности.

Успокоить недовольных можно было либо выработкой государственных рычагов контроля, таких, какие существуют в капиталистическом государстве — но это уже означало бы полный отход от "светлых" идеалов; либо ликвидацией НЭПа. Большинство было за второе. Сталин оказался только послушным исполнителем воли большинства.

С точно такой же ситуацией мы можем столкнуться (уже начинаем сталкиваться) в самое ближайшее время.

Критика в адрес спекулянтов-кооператоров пока не достигает точки кипения. Но может достичь. Особенно, если этому помочь. И что тогда?

Появятся люди (а таких пруд пруди), которые мягким голосом сопереживальца народных страданий начнут вещать: "А не вернуться ли нам назад? Когда не было этих кооперативов, все было дешевле". И таких людей будут слушать, как слушали в конце 20-х годов.

Какой будет итог, догадаться нетрудно.

Как вы думаете, дорогой читатель, может ли так случиться?

Нужен ли государству, вам, вашим близким такой конец второго НЭПа?

Капиталистические структуры — достаточно серьезная вещь, чтобы с ними обращаться легкомысленно.

Если уж сказали "товарно-рыночные отношения", то надо сказать и дальше: "фискальная система", "социальное обеспечение". Нельзя быть немного беременной.

Вы, уважаемый читатель, получаете, скажем, двести рублей. Но вы пользуетесь практически бесплатной квартирой, не платите за поликлинику, за обучение сына.

Но ведь вы не верите в то, что государство оплачивает все это потому, что оно доброе. Вы прекрасно понимаете: из "ничего" "что-то" не получается. Просто государство присвоило какую-то часть заработанных вами и вашими коллегами денег и распределяет эти деньги по своему собственному усмотрению.

Но общественная раздача благ всегда приводит к неравенству. (Помните статью Селюнина?<sup>16</sup>)

Разве не согласились бы вы, дорогой читатель, чтобы государство вернуло вам, скажем, 400 рублей, из которых 100 рублей вы бы отложили на квартиру, 100 рублей – на обучение сына, заплатили 100 рублей в качестве налога на социальное обеспечение?

Тогда за свою квартиру (допустим, вы – москвич и живете в двухкомнатной квартире в Отрадном) вы платили бы от силы 50 рублей, а ваш директор и продавец соседнего магазина за свои квартиры на Садовом кольце – 400 рублей. В этом случае каждый платил бы за свое. Сейчас все свалено в общий котел, и раздатчиками благ определились очень жуликоватые люди.

В общем, все это очень понятные и много раз обсуждавшиеся вещи.

Конечно, такая система нас устроила бы. Но как к ней перейти?

Пока получилось, что на дворе уже зима, а зимнего пальто у нас нет.

Поэтому вместе с хорошими законами о кооперативной деятельности, о переходе предприятий на хозрасчет, надо было (сейчас еще не поздно) определиться и по остальным вопросам.

Можно много и бесполезно распространяться о бесплат-

ном здравоохранении. Но совершенно очевидно, здравоохранение у нас эволюционирует в направлении к платному.

Говорить о том, хорошо это или плохо, — вещь бесполезная. Надо признать свершившийся факт. И действовать из понимания необходимости обеспечить каждого гражданина медицинской помощью.

Сейчас кооператоры берут за специальный анализ сердца 107 рублей. На Западе врачи тоже берут очень дорого за такой анализ. Но там существует отрегулированная система возмещений. Значит, надо начинать вырабатывать такую же систему у нас уже сегодня. На это уйдет не один год. И все это время или придется платить втридорога или, как писал Владимир Ильич, "поколевать".

При расширении сети платных медицинских услуг не иметь системы медицинского страхования — преступление.

Эта система должна обеспечивать возмещение за медицинские расходы. Можно пойти разными путями. Можно вносить определенный процент из заработной платы на медицинское страхование. Но для этого необходимо централизованно повысить заработную плату и пенсии *всем* гражданам СССР. Можно обязать предприятия производить отчисления в фонд здравоохранения.

В западных странах существует множество различных систем: от бесплатной помощи в Англии до частично платной в США. И нужно немедленно приступить к выработке системы, наиболее подходящей для наших условий.

На первый взгляд, положение в области образования не так остро. Но...

В 1986 году я с делегацией специалистов посетил обычную среднюю школу в Тунисе (не в Японии и не в США, а в Тунисе), и мы с ужасом обнаружили, насколько отстала наша школа.

Если мы действительно хотим, чтобы наша страна оставалась великой державой, нам надо немедленно изменить систему образования. Сейчас много говорят о кооперативных школах. Наверное, в настоящих условиях другого выхода нет.

Но для того, чтобы такие школы не стали элитными, необходима система компенсации. Иначе учиться будут не те люди.

Такое же положение с бесплатными квартирами. Как бы ни хотелось оставить квартиры бесплатными, но такое положение должно кончиться. Ибо это противоречит экономике и здравому финансовому расчету. А если это неминуемо кончится, то надо к этому готовиться.

С появлением кооперативов появляются нувориши, к ним присоединяются удачливые руководители хозрасчетных предприятий. Уже начинают строиться кооперативные квартиры для этих людей. Если вовремя не выработать систему компенсаций, трудящиеся окажутся в очень тяжелом положении.

То же самое с ценами на мясо. Но об этом уже много говорилось.

Таким образом, если решились вводить товарно-рыночные отношения, то необходимо немедленно выработать систему социальных компенсаций. Иначе произойдет вспышка. И тогда существование самой системы товарно-рыночных отношений будет поставлено под угрозу. Один раз уже так было.

Поэтому одно из двух: или капитализм со всеми "за" и "против", или ничего не делать. Иного не дано. Или брел, или решка.

"Мы должны раз и навсегда решить, что важнее для нас: иметь достаток собственных продуктов или вечно ублажать поборников равенства всех в нищете и разного рода безответственных крикунов, — вполне справедливо заметил Шмелев. — Разве это мыслимо покупать столько хлеба и мяса за границей и в то же время боясь, что единицы заработают лишнее, душить хозяйственную инициативу сотен тысяч и миллионов своих граждан. Пусть мы потеряем свою идеологическую девственность, существующую, кстати говоря, только в газетных сказках-передовицах. Воруют и наживаются при этой девственности больше, чем когда бы то ни было. Причем речь идет о людях, которые зарабатывают, ниче-



го не создавая, не желая и не умея чего-либо создавать”<sup>17</sup>.

Люди, которые пугают нас капитализмом, правы. Потому что нам предстоит оказаться в ближайшие годы не в капитализме современной Франции, капитализме, на который мы смотрим довольно благожелательно. Одним мановением волшебной палочки невозможно оказаться в современной Франции или в США.

Не забывайте, дорогой читатель, мы отстали на три четверти века. Мы опаздываем на семьдесят лет. За это время капитализм добился многого. И, прежде всего, улучшения уровня жизни всех классов.

Нас ждет капитализм семидесятилетней давности. Капитализм ранний, известный нам по романам 20-х годов. С безработными, с биржей труда, забастовками, профсоюзной борьбой. Если мы не примем заблаговременно надлежащие меры, то все это будет и у нас.

Современное западное общество, как я уже не один раз говорил, выработало соответствующие системы борьбы с такими явлениями. Это и компенсация по безработице, и медицинская страховка, и специальные фонды.

Поэтому ”вводить капитализм” и не вводить эти системы — дело не только бесполезное, но и крайне вредное.

А для того, чтоб вводить эти системы, надо изучить их и открыто рассказать о проблемах, которые ожидают нас уже на первом перекрестке.

Готовы ли мы к этому?

И не слишком ли мы идеализируем современное капиталистическое общество?

Организаторы нашей идеологии так перебарщивали, показывая негативные стороны жизни в промышленных странах, что сработал эффект пропаганды от обратного. Иногда мы представляем жизнь в этих странах в слишком розовых тонах. Она кажется нам значительно лучше, чем есть на самом деле.

Но одно ясно. Начинать нужно. И как можно быстрее. Потому что если мы не начнем сегодня, завтра начинать будет еще труднее. Если идешь по неправильной дороге и по-

нимаешь, что придется возвращаться, нужно поворачивать назад как можно раньше.

Теперь о фискальной системе.

Давайте посмотрим, как работают наши предприятия.

Вся прибыль (за небольшим исключением) отчисляется государству. Потом государство, собрав прибыль со всех предприятий, распределяет ее по своему усмотрению. Какая-то часть этой прибыли может вернуться на предприятие, а может не вернуться.

При такой системе ни одно предприятие толком в прибыли не заинтересовано.

Такая система сложилась с первых дней советской власти, и автор ее — Ленин.

Теперь уже ясно, что система ошибочна. Собирая в своих руках все финансовые средства, государство превращается в крупного финансового монополиста. А монополии, как известно, ведут к застою. Что мы и имеем.

Во всех "несоциалистических" странах механизм взаимоотношений государства с предприятием, даже с предприятием, принадлежащим самому государству, складывается совершенно на другой основе. Там действует фискальная система бюджета.

Каждый предприниматель (завод или мелкий частник), каждый человек, зарабатывающий деньги, обязан платить налог. Причем прогрессивный налог. (Как тут не вспомнить статьи лидеров кадетской партии в 1906 — 1914 гг. о прогрессивном налоге!) Согласно закону, малоимущие или вообще не платят налогов, или платят крайне мало. Зато крупные корпорации вынуждены отчислять государству очень большие суммы. В некоторых странах налог на крупные корпорации достигает 80 процентов прибыли.

Опыт многих стран показал, что такая система значительно эффективнее нашей.

Поэтому, если мы уже высказались за товарно-рыночные отношения, то, хотим мы или не хотим, но нам придется эту систему вводить.

Вводить рано или поздно. Иначе предприятия не будут работать.

Предстоят большие трудности – не устают повторять наши руководители.

Да, придется приносить жертвы. Иначе дальше будет еще хуже.

Приносить жертвы, потому что ни к каким другим результатам партийно-хозяйственный аппарат, придуманный Лениным, привести не мог. Не мог неопытный схоласт-фанатик знать положение в стране лучше, чем, скажем, Столыпин.

Все абсурдные утопические теории Ленина держались только на обмане и штыках.

Послушайте, дорогой читатель, как изящно объясняет это Шмелев в своем эссе "Авансы и долги".

"К моменту победы революции в России никто из ее признанных теоретиков или наиболее авторитетных практиков не имел (да и не мог иметь) более или менее законченного представления о контурах будущей экономической системы социализма.

Маркс и Энгельс не оставили нам фактически ничего, что можно было бы рассматривать как практический совет. Предреволюционные работы В. И. Ленина тоже были в основном посвящены чистой политике (как уничтожить отживший общественный строй), но отнюдь не тому, что конкретно придется делать, чтобы наладить полнокровную экономическую жизнь после революции".

Заметим попутно, дорогой читатель, что наш уважаемый публицист признается: Ленин взял власть только ради власти. И то, о чем нам говорили еще в школе, помните: "Ленинский план, гениальное предвидение" – всего этого на самом деле не было. Было только неумное желание прийти к власти (как у Иди Амина, Гитлера, как у всех диктаторов).

Но продолжим дальше выдержку из эссе Шмелева.

"Революция, таким образом, застала нас не вооруженными продуманной, законченной экономической теорией социализма. Ленин сформулировал мысль о том, что "социализм

есть советская власть плюс прусский порядок железных дорог, плюс американская техника и организация трестов, плюс американское народное образование и т. п.”<sup>18</sup>.

Не правда ли, дорогой читатель, слишком маловато для государственного деятеля это ”советская власть плюс”. Тем более, что весь этот прусский порядок железных дорог, равно как и американская организация трестов и народного образования, *несовместимы* с советской властью. Словом, как в том польском анекдоте: ”Если бы у нас был металл для консервных банок, мы бы забросали Европу польскими мясными консервами. Но у нас, к сожалению, совсем нет мяса”.

”Даром в жизни ничего не дается, — замечает там же Шмелев. — И за выход из удушающей обстановки всеобщего дефицита тоже придется, конечно, заплатить”.

Платить за то, что семьдесят лет назад поверили Ленину, платить за то, что безучастно смотрели на то, как он, в угоду доморощенным теориям, ломал экономику великой страны.

Теперь за все это мы должны расплачиваться.

О том, как нужно дальше развивать нашу экономику, особых споров нет. Все ведущие ученые в принципе согласны с необходимостью воссоздания экономической структуры общества на основе товарно-денежных, рыночных отношений, что в практическом плане означает создание хозрасчетных трестов, передачу земли тем организациям и лицам, которые могут и хотят ее обрабатывать, постепенную денационализацию тех отраслей промышленности и сферы обслуживания, которые плохо обеспечивают потребности населения. Словом, *необходимо принять меры по скорейшему возвращению структуры экономики до структурного уровня, существовавшего до Октябрьской революции, то есть провести деленинизацию экономики.*

”В плане перевода экономики в нормальные, здоровые условия, центральное значение имеют три практические идеи. Во-первых, всемерное развитие товарно-денежных, рыночных отношений в народном хозяйстве, начало самокупаемости и самофинансирования, преимущественное использова-

ние стоимостных рычагов управления в экономических процессах: цен, полновесного золотого рубля, прибыли, налогов, банковского кредита и процентов... Во-вторых, создание хозрасчетных трестов и их добровольных объединений — синдикатов, как основных рабочих звеньев организационной структуры экономики. В-третьих, развитие кооперативной собственности и кооперативных отношений не только в деревне, но и в городе, в промышленности, строительстве, торговле и в том, что сегодня называют сферой бытовых услуг”<sup>19</sup>.

Однако важно уже сейчас обратить самое серьезное внимание на характер отношений этих хозрасчетных трестов и синдикатов, равно как и кооперативов в городе и на деревне — с государством. В этом, думается, и корень вопроса. От того, какое место в новой структуре будет отведено государству, а следовательно, его ненасытному и непотопляемому аппарату, от этого в первую очередь будет зависеть успех всех реформ.

Место его должно быть таким же, как и в развитых капиталистических странах. Оно должно взимать с предприятий прогрессивный налог с прибыли. И — все.

Если не ограничить отношения между государством и всеми видами предприятий, в том числе и государственными, прогрессивным налогом в пользу государства, то мы снова получим телегу с пропеллером. Государство снова начнет вмешиваться в распределение прибыли, в определение номенклатуры производимых продуктов. ”Разумные” доводы всегда найдутся. Предприятия не смогут дышать полной грудью. Результат их деятельности в таких условиях нетрудно предвидеть.

Если бы удалось в ближайшие годы достичь уровня банковского дела, существовавшего до революции и сломанного ленинскими декретами, то уже в самом ближайшем времени можно было бы думать о вступлении в международный валютный фонд, установлении реального коэффициента рубля по отношению к другим валютам, о пересмотре обязательств внутри СЭВа. Это тоже одна из важных целей новой реформы.

Но, решая проблемы общеэкономического порядка, не следует забывать о социально-экономических мероприятиях, таких как приведение заработной платы в соответствие с характером и качеством труда; определение минимального заработка по профессиям и условиям труда; уменьшение продолжительности рабочей недели.

Уже сейчас надо думать об установлении строгих норм социального страхования, в том числе и от безработицы. Рано или поздно возникнут проблемы, связанные с отделением профсоюзов от государства. К этому нужно быть готовым уже сейчас.

Перед страной стоит дилемма: или капитализм, или остаться на нынешнем уровне социально-экономического развития.

Если — капитализм, то его надо принимать со всеми его плюсами и минусами. С использованием всего того, что сделано в развитых странах за семьдесят лет, которые мы отсутствовали в демократическом мире.

Если — не капитализм, если продолжать ленинскую экономику телеги с пропеллером, то второй НЭП закончится так же, как закончился первый. И тогда сразу же на горизонте замаячит знакомая фигура Иосифа Виссарионовича. И новый массовый террор станет реальностью. На сей раз это закончится превращением России в заштатную развивающуюся страну.

Иного не дано. Капитализм или Сталин.

#### **4. ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ НАРОДАМ, ВХОДЯЩИМ В СССР.**

Мы уже говорили о том, что от предоставления независимости выиграли бывшие метрополии и проиграли бывшие колонии.

Это ни в коей степени не умаляет значения независимости как чисто национального фактора. Хотя надо заметить, что абсолютное большинство населения развивающихся стран, получив независимость, лишилось многих гражданских и по-

литических прав. Гвинеец, будучи французским гражданином, имел не только более высокий жизненный уровень, но и пользовался несравнимо большими политическими и экономическими свободами, чем при кровавом сумасброде Секу Туре. Но это, как говорится, дело гвинейцев.

Говорили и о том, что современная промышленная революция практически свела на нет факторы территории и людского потенциала.

В промышленно развитых странах все труднее найти рабочую силу для не требующих высокой квалификации, а следовательно, низкооплачиваемых работ, а ввоз рабочей силы из-за границы, как показал опыт, не оправдывает себя. Поэтому эти страны предпочитают размещать на своей территории предприятия только высокого технологического уровня, а сырье и полуфабрикаты, для производства которых не нужна высокая технология, получать из стран с дешевой рабочей силой.

Не имеет теперь большого значения и людской фактор: ни с промышленной, ни с военной точки зрения. Ни в одной из развитых стран нет проблемы нехватки рабочих рук. Если развитым странам нужны неквалифицированные рабочие руки, им достаточно увеличить квоты на иммиграцию: желающих приехать на работу в эти страны много. И современной армии не нужны массы солдат.

Все здравомыслящие люди у нас в стране понимают, что настало время предоставить национальным меньшинствам реальное право на выбор своей судьбы: либо на полное отделение, либо на то, чтобы оставаться в составе СССР со всеми вытекающими отсюда обязанностями для обеих сторон. Это в принципе отвечает долгосрочным интересам как России, так и национальных республик.

В конкретных условиях сегодняшнего дня и сегодняшнего Советского Союза национальные республики уже сейчас обязаны нести большую ответственность за свое социально-экономическое развитие. Если не нравится, то, как говорится, честь имеем. Не годится в ущерб русскому Нечерно-

землю бросать миллионы среднеазиатским мафиози. Нерентабельно, с другой стороны, сдерживать экономику прибалтийских республик. Все равно, рано или поздно, но на существенную корректировку существующего положения придется пойти.

От предоставления независимости всем народам, входящим в состав СССР, выигрывает прежде всего Россия.

Скажите, дорогой читатель, разве выиграет Швейцария, если ее в один прекрасный день объединить, например, с Нигерией в один "союз нерушимый республик свободных" с общей экономической системой и валютой?

Не нужно быть экономистом, чтобы понять, какие преимущества ожидают Россию в случае "ухода" мусульманских республик. Ведь в 21-м веке высокая технология будет цениться (да и сейчас, естественно, ценится) выше урюка. А пока что высококвалифицированные инженеры из Горького, Свердловска меняют свой "мозг", а квалифицированные рабочие из тех же городов труд своих "рук" на курагу и дыни явно *не в тех пропорциях, которые установились на мировом рынке.*

"Если бы подмосковные деревни, — не без горечи заметил как-то на совещании бывший председатель Госплана Н. Байбаков, — финансировались так же, как узбекские совхозы, то хлопок можно было бы выращивать под Тулой".

Сегодня Россия отброшена на одно из последних мест по таким основным показателям в СССР, как рождаемость, материальный уровень, образование, жилье, дороги, транспорт. А ведь в 1917 году Россия была наиболее развитой страной среди тех, которые вошли в Советский Союз.

Ни один народ не понес после Октябрьской революции такого культурного ущерба, как русский. В России нет своей Академии Наук, нет даже ЦК российской компартии. Историческая столица России Москва потеряла свой облик, Ленинград безнадежно запущен. Областные города сердца России не только не стали более современными, но и, наоборот, превратились в малоудобные для жилья вместилища, унылые в культурном и архитектурном отношении, убогие по



возможностям для населения. Многие деревни средней полосы России вообще перестали существовать. Русский народ оказался перед угрозой деградации.

Есть еще одно обстоятельство, которое не следует сбрасывать со счетов. Строить в районах, которые могут в будущем образовать отдельное от России государство, — это выбрасывание средств на ветер. Подобное строительство неуместно ни с экономической, ни с политической точки зрения. Никто никогда не поблагодарит русский народ ни за строительство, ни за средства, вложенные в экономику и культуру. Скорее наоборот.

Ожидать благодарности было бы полной наивностью. *Ни одна развивающаяся страна еще ни разу не поблагодарила метрополию за то, что та что-либо построила на ее территории.* Зато сколько раз мы слышали упреки в адрес метрополий в якобы намеренной деформации экономики зависимых от них стран! Уже сейчас даже такие развитые страны, как Эстония, выражают активное недовольство тем, что было построено на их территории при советской власти.

На 19-й партконференции о национальных проблемах говорилось много. Однако чего-либо конкретного, отличающегося от того, что говорится вот уже семьдесят лет, сказано не было.

Неужели без серьезных потрясений имперские настроения в России не поколебать!

Очевидно, это так. Однако те процессы, которые начали развиваться в последнее время, могут быстрее, чем это видится сейчас, выдвинуть национальные проблемы на первое место.

Освобождение колоний неизбежно.

*История не дает нам примеров вечно доминирования одного народа над другими.* Не вечно и доминирование русского народа над народами, входящими в состав СССР. А уж коли это не вечно, то надо серьезно готовиться к такому повороту событий. Отказаться от страусовой политики, перестать делать вид, что ничего не замечаешь, больше не верить песнопениям, идущим от поставленных из Москвы сатрапов.

Задача состоит в том, чтобы войти в новую эпоху еще тогда, когда отношения между освобождаемыми от зависимости народами и Россией не обострились до такой степени, что говорить о взаимных уступках станет уже бесполезно. Когда еще можно произвести отделение на условиях, выгодных для России. Опыт национально-освободительного движения (в том числе и у нас в стране) учит, что оно развивается вспышками, прогнозировать начало которых практически невозможно.

К чести нашего руководства нужно сказать, что они, кажется, смирились с уходом по крайней мере прибалтийских республик. Они поняли, что богатая капиталистическая Финляндия куда лучший сосед, чем нищая социалистическая Польша.

Время Берутов и Гротеволей прошло. В Прибалтику ищутся Кекконены.

Прибалтика стала лабораторией перестройки, именно там и проверяются истинные намерения ее лоцманов.

Прибалтийцы понимают, что для них быть зависимыми от СССР так же нелепо, как для швейцарцев стать колонией Пакистана только на том основании, что пакистанцев больше, чем швейцарцев.

И они понимают, что их время пришло.

Показательными в этом отношении являются съезды народных фронтов в трех республиках. Так, последний из них в Литве потребовал полной автономии Литвы, признания национального флага, введения независимой валюты, права на открытие собственных дипломатических миссий за рубежом, предания гласности документов, касающихся советско-германского пакта 1939 года и вывода из республики общесоюзных воинских частей<sup>20</sup>.

Похоже, что Хонеккер помер бы от страха, если бы его помощники показали ему нечто подобное. А в Прибалтике это никого из руководителей не пугает. И в Москве тоже не пугает.

Более того. Председатель Президиума Верховного Сове-

та Латвии А. Горбунов заявил корреспонденту "Вашингтон пост", что он не видит ничего дурного в том, чтобы расходиться с Москвой по самым разным проблемам, в том числе по поводу многопартийной системы. По мнению Горбунова, "создание некоммунистических партий представляется почти неизбежным". И когда корреспондент заметил, что такая точка зрения расходится с тем, что заявил в Москве В. Медведев, Горбунов лишь улыбнулся, пожал плечами и сказал: "Но это мое личное мнение"<sup>21</sup>.

Более того, создается даже впечатление, что Москва сама подталкивает Прибалтику к "уходу". Но к уходу на условиях, приемлемых для Москвы.

Единственным препятствием к такому развитию событий может быть лишь боязнь, что уход Прибалтики станет "дурным примером" для других национальных меньшинств. И его надо будет как-нибудь объяснять.

Но думаю, что "убедительных мотивировок" найдется немало. Например: независимость этим республикам "дал" сам Ленин.

Обязательно вспомнят историю. Вспомнят, что прибалтийские республики были захвачены в результате сговора между Сталиным и Гитлером. А оба эти персонажа котируются сейчас в Москве примерно на одной уровне. Поэтому прибалтийские пертурбации можно представить "широкой советской общественности" как "торжество справедливости и победу перестройки". (Что в принципе будет правдой.)

"По линии парторганизаций" можно будет рассказать и еще об одной причине терпимого отношения к "уходу" прибалтийских республик. Плохо с продовольствием в СССР. И если появятся еще три Финляндии, то они смогут в какой-то степени улучшить положение в своей бывшей метрополии.

Причем последнее предположение кажется мне настолько превалирующим над другими, что иногда я думаю даже о какой-то предварительной договоренности высшего московского руководства с руководителями этих стран.

Думается, что получение прибалтийскими республиками независимости — не за горами. Высокая дисциплина, органи-

зованность, поддержка религиозных организаций — все это в их пользу. Речь может идти только о сроках и формах независимости.

Похоже, что руководители национальных движений в Прибалтике считают (и не без основания), что разрыв всех экономических связей с оставшейся частью СССР — не в их интересах. В современных условиях выдержать конкуренцию других европейских стран, стран, которые обогнали Прибалтику на сорок лет, — такой гандикап прибалтийцам не под силу. Единственный путь — повторить опыт Финляндии.

Если в Прибалтике местные руководители поняли, что им открылся путь в национальные герои, то в Средней Азии пока что лавры Рашидова куда предпочтительнее лавров Гарибальди.

На протяжении последних 20—25 лет в этих странах сложилась особая политико-экономическая мафия, которая фактически управляет этими территориями в своих интересах.

Привилегированное положение преступных групп там основывается на их полном смыкании с политическим руководством. Причем степень и размеры этого смыкания не имеют прецедента в мире.

В свою очередь и политическая власть этих республик пользуется крайне привилегированным положением. Руководителям этих республик не надо волноваться ни за политическое положение в своей стране: вся мощь советской армии и КГБ — к их услугам; ни за экономическое: всегда можно "выбить" дополнительные и, увы, немалые средства из Москвы. Беззастенчивость рашидовых, кунаевых, алиевых и других, менее известных мафиози, их наглость просто поражает.

Сколько-нибудь успешное подталкивание этих республик в направлении демократизации на сегодняшний день кажется маловероятным.

В одном из "Огоньков" напечатано интервью с бывшим

первым секретарем Хорезмской области. Тот предлагает организовать огромный туристский центр в Хорезме<sup>22</sup>. Что ж, это интересный путь. Создание туристских исламских государств в принципе возможно. (Тунис и Марокко в большой степени используют туризм в качестве важных факторов развития своей экономики.)

Однако будущее мусульманских республик видится больше в минорных тонах. И причина этому -- могущество преступных кланов.

Эти кланы будут настолько долго поддерживать советскую власть, насколько долго та будет помогать им грабить их народы.

Если что-либо изменится в экономической структуре нашего государства (а в это мы с вами верим, дорогой читатель), тогда, и только тогда, мы столкнемся с "национально-освободительными движениями" в мусульманских республиках.

Дальнейшее предсказать нетрудно -- сценарий хорошо известен. Мафия использует исламские круги, духовенство и начинает "национально-освободительную борьбу" под зеленым знаменем ислама. С ней, увы, справиться невозможно: опыт Алжира и Афганистана учит нас этому.

В начале века революционное и национально-освободительное движение в Армении и Грузии достигало очень высокого уровня. Уже в ноябре 1917 года Грузия и Армения были провозглашены независимыми республиками.

Однако в ноябре 1920-го -- Армения, а в феврале 1921-го -- Грузия снова вошли в состав Российской империи.

Специфика этих стран заключается в том, что, с одной стороны, глубокие демократические тенденции и христианская религия делают их похожими на прибалтийские, но, с другой, наличие организованной преступности (и не малой!) тянет их в сторону среднеазиатских.

Поэтому будущее Грузии и Армении зависит от того, какая из двух тенденций победит: прибалтийская или среднеазиатская. Или, другими словами, за кем пойдет народ: за интеллигенцией или за преступниками.

Многое в Армении будет зависеть от того, переориентирует ли армянский народ движение за присоединение Нагорного Карабаха в движение за экономическую независимость и бóльшие политические права.

События вокруг Нагорного Карабаха настраивают пока больше на пессимистический лад. Ведущие переговоры промосковские партийные бонзы не являются истинными представителями своих народов. Это существенно осложняет положение.

Ни армяне, ни азербайджанцы пока никак не могут понять, что *конфликт из-за Нагорного Карабаха* — в интересах Москвы. Политика "разделяй и властвуй" — не нова. Никакие патетические призывы центральной власти к мирному разрешению конфликта не должны обмануть ни армян, ни азербайджанцев.

Центральной власти нужна карабахская проблема. Нужна, чтобы продемонстрировать свою значимость и незаменимость. Нужна именно сейчас, когда начинает трещать по швам вся ее колониальная политика. Поэтому и такими двусмысленными, половинчатыми выглядят решения, которые иначе, как натравливанием друг на друга, не назовешь. Как бы ни разворачивался матч между "Араратом" и "Нефтчи", счет уже давно 5 : 0 в пользу московского "Динамо".

Декабрьская трагедия армянского народа еще раз показала беду армянского (да и не только армянского) народа. И название этой беды — советская власть. Разрушенные, как карточные домики, дома стали символом беспомощности, отсталости, удручающей бедности.

Армяне должны понять, что гордость нации — не в том, каким количеством земли владеешь, а в том, каков уровень жизни твоего народа. И тут надо сказать прямо: многочисленные друзья, приехавшие со всего мира помогать Армении, увидели страну отсталую, куда менее развитую, чем многие страны Третьего мира. Другьям Армении было стыдно за такую Армению.

Сейчас у армян только два пути: или на радость Москве продолжать гальванизировать карабахскую проблему, или

во весь голос сказать: "С нас хватит. Мы хотим жить собственной жизнью". Но тогда нужно будет серьезно задуматься об отношениях с соседями. Без этого ни о каком развитии речи быть не может.

Не снимается с повестки дня переход определенных элементов карабахского движения к терроризму. Что ж, останется только сожалеть. Опыт показывает, что терроризмом можно иногда приблизить независимость, но только подлинной независимости в таких случаях народу не видать. Вместо контроля метрополии, зачастую терпимого, народ получает кровавую диктатуру террористов. Вряд ли народ с тысячелетней историей достоин такого!

Обнадеживают новости, поступающие из Грузии. Я уже писал о создании Национально-демократической партии Грузии, провозгласившей борьбу за восстановление независимости Грузии.

Думается, очень многое сейчас там делается для того, чтобы Грузия стала первой из неприбалтийских стран, которая пойдет по пути Прибалтики.

Такие возможности у нее есть.

На очереди подъем самого опасного для Москвы, самого "решающего" национально-освободительного движения – украинского.

Широко распространяются в последнее время мысли о том, что из двух традиционных украинских течений – "про-русского" и "пропольского" – в последние годы на первое место выходит "пропольское". Так, выступая на 19-й партконференции, Г. Боровик говорил: "Но ведь публикуют же у нас соображения о том, что Гоголь тайно ненавидел Россию и будто бы втихомолку любил Польшу".

Многое говорится (и совершенно справедливо) о возрождении унионистской церкви. Во многих городах и селах Украины она открыто вышла из подполья. Вышла окрепшей и уважаемой. И в настоящее время стала важной доминантой не только духовной, но и политической жизни Украины.

Обращается внимание и на то, что большие различия между Западной и Восточной Украиной серьезно препятствуют созданию единого украинского движения.

Я не берусь анализировать развитие национально-освободительного движения на Украине, но совершенно уверен, что жевтово-блакитный флаг так же красиво смотрится в киевском небе, как национальные флаги Эстонии, Латвии и Литвы в небе Таллина, Риги и Вильнюса. И украинский язык не хуже эстонского, латвийского и литовского. И на Украине это понимают.

Вопрос только, на каком первенстве мира по футболу впервые выступит сборная команда Украины. Что это произойдет, сомнений нет, история учит нас этому.

Национально-освободительное движение Белоруссии пока еще не заставило о себе говорить. Однако, как сказал мне мой друг белорус, дипломат: "Не дай бог русским испытать на себе белорусские партизанские отряды. Если мы начнем, остановить нас уже будет нельзя".

Я не знаю, кем был Константин Заслонов – русским или белорусом, но когда я представляю себе белорусских партизан, воюющих с советской армией, мне становится не по себе.

Нельзя сбрасывать со счетов и коренное население автономных республик, областей и национальных округов. Там тоже начинают понимать, что они ничем не хуже. Национально-освободительное движение в этих районах – тоже только вопрос времени. Надо готовиться к тому, что и все эти территории придется отдавать. Иного не будет.

Что может противопоставить волне национализма наше правительство? Да то же, что и царское. Русский национализм.

Призвание на помощь русского национализма – идея в Советском Союзе не новая. Сталин еще в 30-е годы понял, что для мобилизации русского населения дальше использовать марксистскую доктрину уже нельзя. И в начале 1938 года, воспользовавшись небрежно написанной Бухариным статьей, он развернул против своих противников кампанию, обвинив их в оскорблении русского народа.



В дальнейшем "панрусская" кампания охватила все сферы деятельности нашего государства. Слова "русский", "Россия" стали выдвигаться на первый план и заменять привычные ленинские лозунги "интернационализма". Слово "большевик" стало означать "русский".

К моменту заключения пакта с Гитлером Сталин уже практически отказался от интернациональных лозунгов и заменил их лозунгами явно шовинистической окраски. Два государства — СССР и Германия — становились все более похожими друг на друга.

Американский ученый Д. Данлоп приводит общие для обоих государств черты: стремление к созданию сильного государства, наличие всесильного лидера, восхваление индустриальной и военной мощи, восхваление былых побед, активная военная экспансия, обожествление нации, восхваление героического самопожертвования, обоснование существования элиты, культ дисциплины, особенно дисциплины молодежи.

После войны шовинизация общественной жизни продолжалась. Поднял голову официальный антисемитизм.

Однажды в гостинице, лет семь назад, случай свел меня с ныне покойным писателем В. Чивилихиным. Я знал, что книги Чивилихина издаются почти миллионным тиражом и пользуются успехом. Знал, что его "хобби" — теоретическое обоснование исторической непохожести русского народа, народа-мессии, народа, которому суждено выполнить главенствующие функции в истории цивилизации.

Мы долго спорили. Он говорил: "Сейчас настало время сказать русскому народу, что он не является ни европейским, ни азиатским, а необычным для всего мира, народом, на долю которого выпала защита цивилизации".

Дальше шли слова о загнивающем капитализме, о варварской азиатчине. Но тогда меня больше всего удивила мелком брошенная фраза: "В самой сути, если хотите, в самих генах русского народа заложена мудрость и ответственность за судьбы человечества".

Последнее время нашу литературу буквально наводнили

всякого рода "исследования" о происхождении русской нации. Например, об ее этрусских корнях. Этрускам приписываются необыкновенные положительные качества. Именно они дали Риму музыкальные инструменты, театр, горное дело, мелиорацию, города. И по отношению к ним греки были подлинными варварами<sup>23</sup>.

Вся дальнейшая история цивилизации излагается, как борьба "хороших" потомков этрусков с "плохими" латинскими и германскими народами... Кстати, интересен и внешний образ этрусков — физически сильные, блондины, голубоглазые, высокого роста... Где-то, дорогой читатель, мы уже слышали об этом.

Попутно несколько слов о "еврейском вопросе".

Этот вопрос считается "деликатным", но я думаю, что говорить о нем надо. И об официальном антисемитизме, и об антисемитизме неофициальном. И говорить надо правду, какой бы она ни была неприятной.

За тридцать с лишним лет официальный антисемитизм создал новые условия во взаимоотношениях русского и еврейского населения. Ни о каком мирном сожительстве между ними, по крайней мере на ближайшие десятилетия, речи быть не может. И это надо понять. Можно возмущаться, можно не соглашаться, но — такова объективная реальность.

Позиция антисемитствующих групп мне ясна, она меня не удивляет. Меня по-настоящему удивляет то, что еврейское население не понимает нависшей над ним опасности.

В различного рода учреждениях, ведомствах "энтузиасты" уже составляют списки евреев и наполовину евреев. О таких списках в министерстве иностранных дел с упоением рассказывал мне А. Ш., посланник, бывший заместитель секретаря парткома, работник Управления кадров. Эти "энтузиасты" внесли в свой список не только "официальных" евреев, но и евреев "неофициальных". "Смешанных" они опознавали по антропологическим данным: форма ушей, расположение носа.

"Антисемитизм у нас в стране зашел так далеко, — гово-

рил мне один из нынешних руководителей министерства, — что теперь существует, к сожалению, только один способ борьбы с ним: массовый отъезд евреев”. И добавил: ”Я не могу понять, почему некоторые не хотят ехать. Неужели они не понимают, что ни у них, ни у их детей в этой стране нет будущего! Неужели те, кто имеют спасительную запись в паспорте ”русский”, думают, что их этот вопрос не касается!”

Больно и обидно читать такие строки: «Из меморандума статс-секретаря Вейцекера. Берлин, 5 декабря 1939 г. Генерал-полковник Кетель сообщил мне сегодня по телефону следующее: ”Выдворение евреев на русскую территорию проходило не так гладко, как, вероятно, ожидалось. На деле практика была, например, такой. В тихом месте в лесу тысяча евреев была выдворена за русскую границу. В пятнадцати километрах от этого места они снова вернулись”»<sup>24</sup>.

Вы только подумайте, дорогой читатель, в 1939 (!) году немцы выдворяют 1000 евреев с территории, занятой рейхом, а они туда возвращаются!

Подобное не должно повториться! Я уверен, что только давление еврейских кругов, самого еврейского населения на наше правительство с целью разрешить им выезд, а следовательно, и массовый отъезд может способствовать спаду антисемитизма. Другого выхода нет. Но это, так сказать, совет постороннего.

Ленин антисемитом не был. Не был Ленин и русским шовинистом. Родившись от полурусского отца и полужеврейки матери, он был, так сказать, интернационалистом по рождению.

И политику, которую проводило ленинское правительство, можно тоже с уверенностью назвать интернационалистической.

Но при этом Ленин явно не доверял русскому народу. Посмотрите, кем был окружен Ленин, и вы, к удивлению, отметите, что русские никогда не были в большинстве. Из тех, кого он прочил себе в преемники, было три еврея, грузин и один русский. Личная охрана Ленина состояла из латышей, евреев и китайцев — русских там не было.

Но это, пожалуй, не главное.

Главное — то, что ленинская национальная политика, на словах провозглашавшая право каждого народа на независимость, обернулась для национальных меньшинств колониальной кабалой. Ленин щедро предоставлял независимость всем странам, куда не мог ввести войска. Но зато, когда положение менялось, он, не думая, организовывал "добровольное" вхождение.

Так же поступал и его верный ученик Сталин. И в этом вопросе ничего, что расходилось бы с ленинизмом, Иосиф Виссарионович не сделал. Ленин предоставил независимость Украине, Армении и Грузии, но когда представилась возможность прибрать их к рукам, не колебался ни минуты. Не колебался ни минуты и Сталин, когда после сговора с Гитлером получил возможность захватить Прибалтику.

Оказались короткими руки у Ленина "хапнуть" Финляндию и Польшу — что ж, быть им независимыми. Не хватило пороха у Сталина прибрать к рукам ту же Финляндию и Австрию, и они оказались свободными.

Приближается то время, которое военные разведчики называли "моментом истины".

Народы колониальных стран уже начали снимать портреты Ленина, начали требовать независимости.

Хочу дать совет русским, которые живут сейчас в Якутске, Фрунзе, Казани — используйте все возможности для того, чтобы вернуться в Россию. И сделайте это завтра. "Послезавтра" может оказаться поздно. Сегодня вас уже называют "мигрантами". Завтра может быть кровавая вспышка. Или вы думаете, что Сумгаит касается только армян?

Опыт многих стран — Алжира, Конго, Анголы и даже спокойных Туниса, Марокко (во всех этих странах я был и могу засвидетельствовать) учит нас тому, насколько трагичной бывает участь заблаговременно не уехавших на родину жителей страны-метрополии.

Я бы не откладывал вопрос с отъездом. Время уже начинает подпирать.

## 5. ФОРМИРОВАНИЕ АРМИИ НА ДОБРОВОЛЬНОЙ ОСНОВЕ.

Откуда взять деньги для проведения в жизнь намеченных реформ? От этого вопроса не может уйти ни один серьезный экономист. Уже много раз цитировавшиеся Шмелев, Нуйкин и многие другие предлагают для этого целую серию мероприятий.

”Один из самых серьезных вопросов нашего сегодняшнего экономического положения, — пишет Шмелев, — где взять деньги на перестройку? Традиционных бюджетных средств, даже если мы решимся ликвидировать сегодняшние дыры в бюджете (а ликвидировать их необходимо), при всех условиях, видимо, недостаточно. Нужны новые, нетрадиционные источники финансирования”<sup>25</sup>.

Что касается внешних источников, то те, которые приводит Шмелев, откровенно говоря, выглядят крайне неубедительно. Он предлагает изыскивать средства на внешнем рынке:

— увеличением продажи золота. (Куда уж больше, этим и занимаемся все семьдесят лет!)

— использованием валютных резервов. (А если их очень и очень мало? Увеличить продажу сырья? Вернуться к практике 20 — 30-х годов и вывозить предметы искусства?)

— привлечением иностранных кредитов. (Но для того, чтобы долги не повисли камнем на шее государства, надо бы как-то научиться их погашать. Пока что это у нас получается не здорово.)

Ну а как с внутренними источниками финансирования?

Здесь на первое место Шмелев ставит ”реальное снижение военных расходов”. И он совершенно прав.

Ведь от сокращения бюрократического аппарата великих средств не получишь. Разве что сэкономим на бумаге да портфелях. (Я говорю о реальной, прямой прибыли, прибыли уже сегодня, а не о политических, нравственных или опосредственных экономических выгодах, выгодах завтра.)

Другое дело — сокращение военных расходов.

Это, прежде всего, сокращение фантастически дорогой техники. Я имею в виду не только современные ракеты, но и неоправданно большое количество обычного вооружения: танков, артиллерии, стрелкового оружия. Потребности в этом вооружении строго не учитываются. Создается впечатление, что его производство определяется не потребностями армии, а возможностями заводов; его производится столько, сколько заводы могут произвести.

В 1979 году перед переговорами с правительством Сан-Томе я был в ГИУ ГКЭС — организации, занимавшейся продажей оружия, и поинтересовался нашими возможностями в поставках вооружения. Мне ответили: "У нас такой переизбыток военной техники, что мы можем без малейшего ущерба для себя вооружить десятка два африканских стран. — И добавили: — Лучше всего за деньги".

Сокращение военных расходов — это сокращение непомерно большого количества ненужных строительных работ, как в самой армии, так и для нее. Что только ни строится руками стройбатов, само наличие которых является позором не только для армии, но и для всего нашего государства! Зачем и кому это надо? Как умудряются другие страны обходиться без такого астрономического количества бесплатных и бесправных рабов?!

Сокращение военных расходов — это переориентация многих заводов и научно-исследовательских институтов на мирные цели. Как много получит наша промышленность, если в нее вольется поток самых современных на сегодняшний день станков!

Сокращение военных расходов — это лишние руки в народном хозяйстве, причем руки, умеющие трудиться физически. Может быть, тогда уже не придется отвлекать докторов наук для работы на картошке. Ведь над нашей бесхозяйственностью смеется весь мир.

Других серьезных источников финансирования у нас нет.

Без сокращения военных расходов реформы проводить просто не на что. Вопрос стоит так: или реформы, или армия.

Но какие реформы можно провести в армии, чтобы не снизить ее боеспособность?

”Перестройка вооруженных сил, которая отвечала бы требованиям разумной достаточности и рационального использования государственных средств, — пишет А. Коротков, — могла бы ускорить решение многих социально-экономических проблем в стране! Военные расходы составляют весьма крупные суммы”. А уменьшить их можно ”путем сокращения службы в вооруженных силах с двух-трех лет до, например, 12 — 18 месяцев”.

Цитирую дальше.

”Такие, сравнительно небольшие сроки службы в армии введены во многих странах. Так, срок службы во Франции составляет 12 месяцев. Нужно подумать и о том, как комплектуются наши вооруженные силы. Может быть, есть резон комплектовать армию не только по закону о воинской повинности, но и в добровольном порядке”<sup>26</sup>.

Об этом же пишет секретарь Советского комитета защиты мира Г. Локшин: ”Мы как общество вправе задать себе вопрос, какая нам нужна сейчас армия. Стоит присмотреться к профессиональным армиям, которые набираются по принципу контрактации, как, например, американская”<sup>27</sup>.

Итак, армия на добровольных началах. Возможно ли это?

Возможно. И у нас есть примеры подобной практики. Например, КГБ (а это не маленький аппарат) набирается на добровольной основе. И хуже от этого не становится.

Нужно только переступить через определенную ступень в сознании. И суметь отбиться от тех прожорливых генералов, которым такое изменение характера армии — поперек горла.

Настоящие, думающие военачальники всегда приветствуют *в мирное время армию, состоящую из солдат, желающих служить.*

О возможных изменениях в армии начали говорить вслух. Это уже большой прогресс. Обильная пресса о злоупотребле-

ниях, о варварском отношении к солдатам может рассматриваться как прелюдия к постановке вопроса об изменении характера наема в армию.

Вопрос об укреплении дисциплины в армии кажется сейчас очень важным. Ему посвящены газетные статьи. В октябре 1988 года этот вопрос обсуждался на заседании Политбюро.

В отчете о заседании Политбюро было сказано: "Вызывают озабоченность факты уклонений от воинской службы, неуставных отношений между военнослужащими... Живое общение с людьми нередко подменяется надуманными планами".

О том, каково на практике "живое общение с людьми", рассказывают "Известия". Послушайте.

"Ударить по лицу — обычное дело для наших прапорщиков и лейтенантов. Такую жизнь некоторые из молодых солдат не выдерживали. Один парень повесился..."<sup>28</sup>.

"Уже перестали быть секретом факты уклонения от воинской службы, побег из казарм солдат, замордованных грубостью старослужащих, младших и старших командиров. В приемную "Известий" приходят отчаявшиеся матери где-то скрывающихся рядовых. Кто поможет этим разуверившимся в справедливости, озлобленным на весь свет восемнадцатилетним солдатам!"<sup>29</sup>

"Еще до армии перенесший операцию на легких Сергей попал от побоев в медчасть!"<sup>30</sup>

Не знаю, как у вас, дорогой читатель, но я читать такое спокойно не могу. Я четыре года носил погоны, хорошо знаю, что такое армия.

Неужели люди, отвечающие за боеспособность нашей армии, думают, что "такая армия" в состоянии защитить страну, "если завтра война"? Неужели опыт Афганистана не научил их?

Кто додумался отправлять всех студентов на два года в армию? Большого удара по нашему научному потенциалу не мог бы нанести ни один наш самый заклятый враг!

Неужели нашим руководителям нравится, что наша страна — это единственная страна в мире, где матери не радуются рождению мальчиков?



Это — что? Повышение обороноспособности?

Скажите честно, дорогой читатель, верите ли вы, что постановление Политбюро изменит хоть толику? Я думаю, нет.

Следует иметь в виду еще один аспект. Одно из главных требований национальных республик — создание национальной армии, действующей в границах республики. От этого тоже нельзя отмахнуться. Создание армии на добровольной основе решит и эту проблему.

Более того. В условиях нарастания национально-освободительной борьбы только армия на добровольной основе сможет решать задачи возрастающей сложности по обеспечению правопорядка. А такие задачи ей придется решать. И именно армии, а не специальным войскам, предназначенным для локальных, небольших конфликтов.

Надо готовиться к конфликтам масштаба алжирского и афганского. Именно в них, а не в малоправдоподобной мировой войне, будет проверяться армия.

Я понимаю, такая постановка вопроса многим не понравится. Но такие конфликты — это тоже объективная реальность, которой пренебрегать преступно.

Другое дело, как добиться того, чтобы молодежь захотела идти в армию.

Но ведь наши мальчишки всегда любили армию! Не так уж много нужно сделать для того, чтобы они сами пошли в армию!

Надо немедленно избавиться от некомпетентных и оскорбляющих величие и славу советских вооруженных сил начальников. Надо освободиться от коррупции. Надо поднять престиж офицера. Ведь именно в этом и кроются основные причины тех фактов, которые приводили "Известия".

Словом, провести перестройку. А разве это не главная задача нашего общества?!

Но не нанесет ли перевод армии на добровольную основу ущерба обороноспособности нашей страны?

Сразу подчеркну: обороноспособность и агрессивность

– понятия совершенно разные. Перевод нашей армии на добровольную основу ущерба обороноспособности страны не нанесет.

До революции Ленин много распинался о необходимости армии на добровольной основе, но сразу же забыл об этом, как только пришел к власти.

История Советского Союза еще раз подтвердила известное положение К. Клаузевица о том, что война является продолжением внутренней политики государства, но иными целями. Агрессивная, империалистическая сущность созданного Лениным государства прямо-таки требовала постоянной направленности на территориальные завоевания, а следовательно, требовала и постоянной армии.

Формирование после Второй мировой войны промышленных обществ западного типа создало в мире совершенно новую ситуацию. *Война как средство ведения международной политики осталась только прерогативой государств с феодальными, докапиталистическими структурами.* Действительно, трудно себе представить сейчас войну Норвегии со Швецией, США с Канадой. В то время, как государства с докапиталистическими системами все время балансируют на грани войны: СССР и Китай, Китай и Вьетнам, Алжир и Марокко.

Поэтому для того, чтобы войны были исключены, по крайней мере в Европе – откуда пришли две самые тяжелые войны в истории человечества, – можно и нужно уже в самое ближайшее время добиваться того, чтобы на этом континенте все государства имели экономико-социальные и политические структуры современного промышленного общества.

Другими словами, если нам удастся провести все реформы и наша страна станет промышленной, развитой, капиталистической страной, страной западного образца – это будет означать исключение возможности войны в самом опасном для нас месте, в Европе.

Ну а как в Азии?

Опыт Афганистана, Вьетнама и Алжира показал, что да-

же армии, набранные на основе всеобщей воинской повинности, одержать победы над хорошо налаженными и поддерживаемыми извне национально-освободительными движениями не могут. Поэтому от характера формирования армии успех в таких войнах не зависит.

Что же касается наших отношений с Китаем, то если мы отстанем от него в проведении реформ, то ему удастся быстрее, чем нам, развить современную промышленность, в том числе и военную. А это означает, что то очень большое преимущество, которое мы имеем сейчас, и прежде всего, в уровне технического оснащения, с каждым годом будет уменьшаться.

Конечно, при наличии армии на добровольных началах нужно будет отказаться от имперских амбиций. Но опыт показал (например, Япония), что международный авторитет от этого не страдает.

Чтобы открыть новую страницу нашей истории, нужно прекратить эксплуатацию народной трагедии во Второй мировой войне в целях пропаганды. Сколько можно поднимать энтузиазм делами "давно минувших лет". Никогда еще успехи в предыдущей войне, как бы значительны они ни были, не помогли выиграть следующую.

Надо существенно переработать дорогостоящие программы военно-патриотического воспитания, которые на деле превращаются в своего антипода, они выставляют армию в глупом виде, отталкивают от службы в ней.

Итак: или — или. Или армия на добровольных началах и средства для выхода из экономического кризиса. Или продолжение положения: сытые генералы и голодный народ.

## Глава седьмая

### КАК ПЕРЕШАГНУТЬ ЧЕРЕЗ ЛЕНИНИЗМ

#### 1. РАССТАНОВКА СИЛ.

Ушли в прошлое официальные мифы об однородности советского общества.

Сегодня мы, может быть, как никогда раньше, ясно представляем себе, сколь разнолико это общество, какое множество не похожих друг на друга людей включает оно; не похожих не только по социальному и имущественному положению, но и по-разному оценивающих сложившуюся политическую систему, различных по тому, какой путь выхода из кризиса кажется им наиболее приемлемым.

Мы охотно употребляем ныне слова: "левые" и "правые".

Вот как определяет "правых" и "левых" поэтесса и литературный критик Л. Васильева:

"В традиционной схватке сошлись два престарелых направления, которые в нашем обществе на определенном этапе его развития выходят в свет! В прошлом веке сторонников этих направлений звали "славянофилами" и "западниками", сегодня мы зовем их "правыми" и "левыми"! В печати, однако, нигде впрямую не встретите разговора о "правых" и "левых", но в обиходе эти прилагательные уверенно живут... Более или менее сведущий читатель мигом разбросает по обе стороны имена, широко известные всем, широко известные в узких кругах и малоизвестные"<sup>1</sup>.

Итак, "правые" и "левые".

Однако причислять к "правым" только славянофильствующих националистов было бы не совсем правильно. Более того, наше теперешнее деление на "правых" и "левых" нетипично для обычного давно сложившегося понимания этих терминов.

На Западе, например, многие совсем запутались: кто такие сторонники польской "Солидарности". Если "левые", то почему они воюют с коммунистическим и, стало быть, очень левым правительством. А "правыми" они быть не могут, потому что выступают за профсоюзные свободы.

Однако у нас с вами, дорогой читатель, никаких сомнений на этот счет нет. Мы называем правым флангом всех тех, кто поддерживает обветшалую государственную структуру, кто противится позитивным изменениям, кто ненавидит современное западное промышленное общество, кто органически не воспримлет даже самые робкие экономические и социально-политические преобразования. Или, говоря по-марксистски, кто — за отсталую феодальную социально-экономическую формацию, кто — против более прогрессивной социально-экономической формации — капиталистической.

Мы ведь с вами знаем, дорогой читатель, что ленинизм на практике — это правое, очень правое движение. Недаром наши лидеры быстрее находят взаимопонимание с правыми правительствами, чем с левыми.

Получается на первый взгляд странная картина: слева — группы, выступающие за движение нашего общества в направлении создания экономических и политических структур, характерных для капиталистической формации, а справа — ортодоксальные ленинцы, во всем мире считающиеся такими же крайне левыми, как и итальянские "Красные бригады". Нет ли здесь противоречия?

Нет. Это — специфика сегодняшнего дня.

Кроме того, следует иметь в виду, что любое деление политических групп, идеологических воззрений, методов решения тех или иных проблем на "правых" и "левых" носит условный, прикладной характер. Это удобно для классификации групп, для того, чтобы яснее представить вхождение той или иной группы в тот или иной противоборствующий лагерь.

Поэтому для того, чтобы четче определить основу нашего деления на "правых" и "левых" и, конечно, "центр", я предложу такую схему:

— *справа* те, кто — за общество, в котором идеология

(для разных групп разная) должна занимать главенствующее положение;

— *слева* группы, выступающие за полное отсутствие какой-либо официальной идеологии;

— *в центре* — те, кто считают сохранение идеологии нужным для "цементации" общества, но не предают ей доминирующего значения.

К *правым* причисляют всякого рода националистов. Эти группы неоднородны по своим воззрениям, но всех объединяет общая идея о первостепенности "национальных ценностей". Все они предлагают вернуться назад, в исходную точку. В ту точку, откуда начался путь в тупик, то есть к октябрю 1917 года.

Одни — идеализируют русское общество до Октября и рассматривают возвращение к дооктябрьским структурам как конечный путь развития, по крайней мере на ближайшее время. Другие — убежденные сторонники националистического государства.

К *правым* причисляют ортодоксов-ленинцев и всякого рода сталинистов. Это люди, которые не могут понять, в каком тупике оказалась страна, они тоскуют по сильной руке, требуют продолжения пути, начатого в октябре 1917 года.

Неоднородны и *левые* группы.

Это, прежде всего, народные фронты, возникшие в Прибалтике, — новая форма современного политического движения. Интересна и эволюция общества "Мемориал".

Это уже организовавшиеся демократические течения и, прежде всего, Демократический союз, члены которого являются открытыми сторонниками построения нашего общества по образцу промышленных западных демократий.

*В центре* — реформаторы, выступающие за "новые" пути, за перестройку, но открыто или по крайней мере на первом этапе не порывающие с ленинизмом. К ним относятся большие группы партийного и хозяйственного аппарата, интеллигенция.

Центр — тоже неоднороден. Это и стоящие на более прог-

рессивных позициях левые реформаторы, ”прорабы перестройки”, те, кто подталкивает реформы налево, пытается убыстрить их проведение. Это стоящие на более осторожных позициях консервативные реформаторы, те, кто склонен не очень торопиться, притормозить. Это и умеренные реформаторы, занимающие промежуточные позиции между левыми и консерваторами. Все они являются сторонниками реформ, сторонниками гласности и перестройки.

Таким образом, справа — националисты и ортодоксы; в центре — консервативные, умеренные и левые реформаторы; слева — народные фронты и демократы.

Рассмотрим теперь более подробно все эти группы.

## **2. ПРАВЫЕ ГРУППИРОВКИ — ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО.**

Наиболее видное место среди ”националистов” занимает хорошо известное движение ”Память”.

Оно первым стало по-настоящему массовым, первым из политических групп оформилось в организационном и идейно-политическом отношении, быстро превратилось в общенациональный фронт, с которым нельзя не считаться.

Движение имеет центр, партийную дисциплину, внутренние правила поведения, строгое распределение обязанностей, оно регулярно проводит собрания, имеет нагрудные знаки отличия, широко использует конспирацию. Точное количество его членов держится в секрете. Лидеры ”Памяти” предпочитают оставаться в тени, на виду отдельные, специально уполномоченные личности.

”Если бы ”Память” выдавала членские билеты, — утверждает один из ее руководителей, — численность ее составила бы 100 тысяч человек. А вообще сторонников без билетов, наверное, были бы миллионы”. (Здесь и далее я цитирую пространный интервью, данное в Москве корреспонденту нью-йоркской ежедневной газеты ”Новое русское слово” одним из руководителей ”Памяти”, не сообщившим своего имени<sup>2</sup>.)

Официально "Память" выступает как "объединение всех патриотических сил за сферу обитания, за исторические и культурные национальные ценности всех народов". В числе членов общества есть беспартийные, члены КПСС, атеисты, православные, католики, мусульмане. Лозунг общества: "Патриоты всех стран, объединяйтесь!"

На начальном этапе движение опиралось на православие и открыто проповедовало антисемитизм. Теперь оно, судя по всему, оформляет "новые идеи", приемлемые как внутри СССР, так и за рубежом.

"В начале нашего движения в нем были определенные моменты русофильской ориентации, — признается тот же руководитель "Памяти", — но постепенно и очень быстро горизонты расширились, международные политические интересы изменились, возникла возможность контактов с людьми Запада и Востока, которые с интересом и любовью относятся к патриотическому объединению. Мы имеем в своих членах людей мыслящих, верующих, от православных, мусульман, до представителей других религий, кончая коммунистами, атеистами, социалистами со всем разным комплексом возможных идей, ценностей, идеалов. Есть и евреи, но процент их небольшой, соответствует общему количеству евреев в Советском Союзе. Таким образом, речь идет об объединении патриотически и традиционно мыслящих сил".

Главный политический противник "Памяти" — западные страны и США, все формы западной демократии, западный образ жизни, а подспудно и идеи той части нынешнего советского руководства, которая "пытается о з а п а д и т ь советское общество". Снова цитирую руководителя "Памяти".

"Отсутствие нравственных, духовных критериев, их примата в решении экономических, социальных вопросов нам не нравится. Нам не нравятся те пути, по которым пошла экономика, политика и культура Запада — Европы и Америки. Технотронизация, утилитаризм, безнравственность, падение каких бы то ни было этических, социальных, духовных, религиозных и чисто исторических ценностей определяют трагическое положение дел в мировом масштабе, трагические



перспективы развития современной цивилизации... Можно смириться с отсутствием колбасы и масла, но никоим образом и никогда нельзя смириться с отсутствием духовности и нравственности... Нам не нравится забвение национальных традиций, отстраняемых на задний план экономическими факторами, демократическими свободами, которые при решении экономических, политических и стратегических вопросов во многом оттесняют этические и духовные соображения. Академик Сахаров и Солженицын ориентируются на то, что мы называем западными демократиями. То есть для нас, для "Памяти" — это чуждая ориентация, ориентация на западные демократии. Даже если там в каком-то смысле, правозащитном, в индивидуалистическом, материальном, утилитарном намного лучше. Но их нравственная, социальная атмосфера для нас совершенно неприемлема. Наш враг — утилитаризм и экономизм. Мы боремся здесь, внутри, с тем же самым врагом, с той же самой болезнью, которой заражен Запад".

Союзники общества — арабские страны. В качестве примера для подражания лидер "Памяти" приводит Ливию и Сирию. Охотно цитирует Каддафи.

Руководители "Памяти" открыто говорят о будущем страны, где нет места для коммунистической партии. Однако активистов общества не арестовывают, если запрещают митинг в одном месте, то разрешают в другом. Это создает впечатление безнаказанности, поддержки кем-то сверху, что привлекает к "Памяти" еще большее число членов.

Сколько серьезны намерения "Памяти"? Сколько велика возможность ее прихода к командному пульта в нашей стране? Послушаем снова руководителя этой организации.

"События последнего года говорят о том, что ситуация в СССР может деградировать катастрофически быстро. В Советском Союзе очень глубокий не только экономический, но и нравственный кризис. Это чувствуется все больше и больше. И никакими экономическими мерами его не ликвидируют. Нет речи о каком-нибудь серьезном воздействии на создание коммунистической идеологии".

Опыт учит нас, что на переломных моментах истории организации, подобные "Памяти", умеют быстро и эффективно пользоваться ситуацией. Всякий просчет официальных властей, всякое колебание полулегальной оппозиции помогает им набирать "очки". Чего-чего, а ловить рыбу в мутной воде националисты умеют.

Активисты "Памяти" открыто говорят о своем будущем. По их мнению, дальнейшее развитие советского общества должно пройти следующие этапы:

- продолжающееся падение экономики приведет страну к порогу хаоса. В этих условиях левые реформаторы вынуждены будут уступить власть консервативным реформаторам;
- те, в свою очередь, тоже не смогут справиться с экономикой. Начнется эра безработицы и забастовок;
- и тогда придет время "Памяти".

Это — схема, к которой нельзя относиться пренебрежительно.

Может ли это исключить "ползучий" путь? То есть приход в руководящие советские организации к власти лиц, связанных с "Памятью"? Увы, нет.

Мы догадываемся, что кто-то очень сильный поддерживает "Память". Так, первый заместитель председателя Васильевоостровского райисполкома Ленинграда В. Борисов признался, что разрешение на собрания "Памяти" райисполком дал после "звонка из обкома партии"<sup>3</sup>. А это Ленинградский обком, обком, который "делегирует" двух человек в Политбюро и одного в кандидаты в члены Политбюро. Такого представительства не знает ни один обком. Над этим стоит призадуматься.

Приход "Памяти" к командному пульта может произойти и путем избрания лиц, связанных с "Памятью", в Верховный или местные советы. Новые положения о выборах только облегчают дело.

Не исключен и насильственный путь.

"Память" ждет провала политики, которую проводит наше нынешнее руководство. И, прежде всего, провала эконо-

мической политики. Ждет роста цен, обострения недовольства населения, причем обострения, которое будет проявляться в самых резких формах. То, что это может произойти, предвидеть не трудно. В такой обстановке "Память" будет искать свой шанс. И, следует признать, шанс у нее может быть неплохой.

Подобное развитие событий может произойти быстрее, чем это представляется сейчас. И обратного пути уже не будет.

Тогда в Европе появится агрессивное, антизападное государство, не сдерживаемое никакими международными обязательствами и вооруженное самой современной техникой. В этом случае будущее не только СССР, но и Европы сразу же будет поставлено на карту.

"Память" не очень торопится высказаться по главным политическим вопросам. О ее истинных взглядах приходится только догадываться.

Но чем ближе знакомишься с "Памятью", тем больше удивляешься тому, насколько методы, которыми пользуются ее лидеры, копируют методы, которыми пользовался Ленин до революции.

В этой связи напрашивается вопрос: чем же собственно отличается "Память" от ленинизма, а особенно от воинствующего ленинизма 20-х годов?

Пожалуй, только одним — окраской. Вместо красной — зеленая. (Не путать с коричневой!) А сущность — та же.

Та же убежденность в возможности решить все мировые проблемы одним махом. Они уже сейчас претендуют на знание истины в самой высшей инстанции в такой же степени, в которой еще недавно претендовали на это лидеры КПСС.

Та же претензия на "глобальность" идей. Помните: "Люди Запада и Востока с интересом и любовью относятся к нашему патриотическому объединению".

То же определение одного, ясного для всех врага. Только вместо ленинских "буржуев" у "Памяти" в качестве главного врага фигурируют "сионисты" и уж совсем непонятные

”масоны”. ”Впрочем, ”сионист”—это уже было при Сталине.

Тот же примат ”главенствующей идеи” над грубой ”экономикой”. Помните: ”Нам не нравится забвение национальных традиций, отстраняемых на задний план экономическими факторами, демократическими свободами, которые при решении экономических, политических и стратегических вопросов во многом оттесняют этические и духовные соображения”.

То же неприятие политического плюрализма. Выпады против КПСС отнюдь не свидетельствуют о пристрастии лидеров ”Памяти” к политическому плюрализму. Скорее, наоборот. Они стремятся к такой ситуации, когда они, и только они одни, могли бы решать судьбы государства. Но пока существует другая партия, КПСС, они не могут не выступать за многопартийность. Такое мы уже видели не раз и не в одной стране.

Та же ненависть ко всему ”ненашему”, ”западному”. Помните: ”Академик Сахаров и Солженицын ориентируются на то, что мы называем западными демократиями. То есть для нас, для ”Памяти” — это чуждая ориентация, ориентация на западные демократии. Даже если там в каком-то смысле, правозащитном, в индивидуалистическом, материальном, утилитарном намного лучше”.

Та же партийная дисциплина.

То же наплевательское отношение к нуждам простого человека. Помните: ”Можно смириться с отсутствием колбасы и масла, но никоим образом и никогда нельзя смириться с отсутствием духовности и нравственности”.

То же деление культуры и науки на хорошие и плохие течения.

Те же обещания свободы и расцвета личности. Только не на базе эфемерного марксизма, а на густозамешанном национализме.

Та же безудержная демагогия. Помните: ”Трагические перспективы развития современной цивилизации!”

И построят они такой же тип государства, как у Ленина, но без Ленина.

Так что *"Память"* по всем параметрам — это ленинизм, но без Ленина.

Поэтому ничего хорошего принести нашей стране националисты не могут. Все это уже мы знаем.

Поэтому и по большинству основных социально-экономических и политических вопросов националисты солидарны с ортодоксами.

К правым группам относятся и *ортодоксальные ленинцы*.

Ортодоксальные ленинцы — против выявления "белых пятен" в советской истории, против любой критики Сталина. Против всех реформ, в которых они видят только реставрацию капитализма. Демократия в их понимании — это хоровое пение песен, одобренных инстанцией и написанных людьми, тоже одобренными инстанциями. Многие из них (но не все) немолоды.

Ортодоксы — всегда на виду. Наиболее активны и воинственны ветераны Второй мировой войны. У них много свободного времени, говорят они громко и с охотой. Переубедить их трудно. Они являются очень деятельной, хотя и не очень влиятельной частью общества.

Им можно посочувствовать: трудно, очень трудно признать, что всю жизнь прожил в феодальном, несправедливом обществе и верил в то, что жил хорошо. Помните слова И. Гете: "Никто не является большим рабом, чем тот, который считает себя свободным, будучи рабом на самом деле".

Посочувствовать им можно, но принимать их как реальную силу уже нельзя. Их время прошло.

Когда-то такими были ветераны революции.

В бытность мою секретарем райкома комсомола, столкнулся я с такой проблемой: районная комиссия ветеранов партии не пропускала характеристики студенткам Института иностранных языков имени М. Горького, распределенным на работу за границу. Всем им задавали один и тот же вопрос: "Хотите ли вы преподавать иностранный язык в деревне?" Если студентка отвечала: "Нет", то в характеристике ей от-

казывали как политически незрелой. Если отвечала: "Да", то ей говорили: "Молодец, забудь про границу и поезжай в деревню".

Я побежал жаловаться первому секретарю райкома партии С. Грузинову. Это был человек умный, опытный. Он подумал и решил: "Завтра вызову этих ветеранов, поблагодарю их за работу и отпущу на все четыре стороны. А потом дам указание заведующему отделом пропаганды набрать новых. — И потом добавил: — Эту публику не переделаешь. Уважать их, конечно, надо. Но слушать — ни в коем случае!"

Похоже, что такое положение сложилось теперь в отношении ветеранов войны.

Несмотря на внешнее различие, между ортодоксами и националистами много общего. Они как бы вплетаются друг в друга. Ортодоксы составляют солидную базу пополнения националистов. (Подобное явление наблюдается и в ряде стран Запада, например во Франции: среди сторонников крайне правого фронта много бывших коммунистов.)

Где проходит граница между националистами и ортодоксальными ленинистами, сказать трудно. Под манифестом Нины Андреевой подпишется большинство националистов. Мэтора Стуруа взалхлеб читают и те и другие. Я, например, до сих пор не могу определить, кто есть Ю. Бондарев. Ортодоксальный ленинец или националист?

Некоторые даже предпочитают рассматривать эти две группы вместе как единое направление "русских шовинистов".

Сращивание ортодоксальных ленинцев с "Памятью" проходит по многим направлениям, самое важное из которых — общая неприязнь к новациям. Кроме того, на деле остаюсь всегда, прежде всего, русскими и прорусскими националистами, сторонниками чисто русских решений в политике и экономике, ортодоксальные ленинцы находят в "Памяти" выражение своих имперских, националистических, антизападных идей. Объединяет их антисемитизм.

И националисты и ортодоксы категорически против пе-

рестройки экономических отношений, против правового государства, против послаблений национальным меньшинствам. Разве что только националисты, как я уже говорил, из тактических соображений поддерживают идею о многопартийном государстве, а ортодоксы ее на дух не выносят.

И те и другие за главенствующее положение идеологии.

И те и другие — за сохранение отсталости русского государства.

### 3. РЕФОРМАТОРЫ НАЧАЛИ РЕВОЛЮЦИЮ СВЕРХУ.

”Революция сверху отнюдь не легче революции снизу” — не устают повторять сейчас ”прорабы перестройки”<sup>4</sup>.

Но кто они такие, эти революционеры сверху? Только ли сами ”прорабы”, которые у всех на виду, но которых не так уж много?

А какова позиция огромного аппарата? Хозяйственного и партийного. Уж коли речь зашла о революции сверху, то именно отсюда, из аппарата, и должны были бы выходить мараты и робеспьеры. Ведь именно аппарат и находится ”сверху”. Еще А.С.Пушкин как-то заметил, что на Руси не бывает больших западников, чем правительство.

Все ли аппаратчики такие, как пишет А. Нуйкин?

”Часть работников центральных хозяйственных ведомств, а также их местных управлений, образующая разросшийся за последние пятилетки бюрократический слой, пользующийся социально необоснованными привилегиями и заинтересованный в сохранении прежних порядков, составляют слои, объективное положение которых заставляет их цепляться за старое и всемерно препятствовать прогрессивным преобразованиям, тем более, что такая возможность у них имеется. Сюда же следует отнести мир ”теневого” дельцов, спекулянтов, перекупщиков, взяточников, казнокрадов”<sup>5</sup>.

На самом деле, думается, положение гораздо сложнее.

С тем, что наша экономика находится в плачевном состоянии, согласны практически все слои общества. И аппарат в

том числе. И хозяйственный и партийный. Даже теневые дельцы — и те согласны. Все. Кроме ортодоксов.

С тем, что надо проводить кардинальные реформы, тоже согласны все. Естественно, опять кроме ортодоксов.

И даже аппарат, партийный, хозяйственный — как бы ни утверждали люди, видящие в нем главное препятствие перестройке, — и тот тоже за реформы.

Иногда соглашаются: да, аппаратчик — за реформы, даже за кардинальные; однако при этом он отводит себе место человека, получающего от этих реформ только блага. Аппаратчик видит в другом аппаратчике беду, но не видит беды в своей работе. Как в старой эстрадной репризе: продавец овощного магазина убежден, что всех приемщиков обувных мастерских надо сажать; приемщик обувной мастерской убежден, что всех продавцов овощных магазинов надо сажать, и так далее.

Если бы все было только так.

Я вспоминаю беседу с директором московского завода "Хромотрон". Мы, десять партийных работников МИДа, сидели в уютном кабинете и слушали жалобы хозяина, которые, кроме всего прочего, сводились к тому, что он не имеет и десятой доли тех прав, которыми располагает директор подобного предприятия в Европе.

Он упрямо повторял: "Пока я не получу права сам определять заработную плату, разумеется, в рамках существующего законодательства, пока сам не буду решать, где покупать сырье, куда продавать продукцию и определять ее цену, до тех пор мы будем выпускать 25 процентов брака, что, кстати, узаконено, и нас за это не наказывают. На самом же деле мы знаем, что брак у нас доходит до 75 процентов. А в японском языке даже нет такого слова б р а к".

Словом, налицо был аппаратчик, и налицо было желание начать революцию сверху.

В тот же день я встретился со своими знакомыми из Госплана и рассказал им про беседу с директором. И, естественно, начал ругать Госплан. А мои друзья резонно ответили, что они тоже в общем-то за товарно-рыночные отношения,



но... Если все это произойдет так, как хочет директор "Хромотрона", то его завод через неделю остановится, потому что две сотни предприятий, откуда он получает полуфабрикаты, тоже перейдут на такую же систему и тоже начнут сами "определять цену" и сами решать, кому продавать свою продукцию.

Подобные истории я слышал много раз. Прав, совершенно прав Селюнин, когда пишет: "История не простит нам, если мы опять упустим свой шанс. *Пропасть можно преодолеть одним прыжком*, в два уже не получится"<sup>6</sup>.

Но обратите внимание: преодолеть. *А если не получится преодолеть? Что лучше: оказаться в пропасти или не прыгать совсем?*

Не на этом ли основан пессимизм аппарата?

Однажды, года три назад, в Центральном Комитете партии я встретил своего старого друга, тогда он был уже первым секретарем одного из обкомов. Мы с ним сидели в цеховской столовой. К нам за столик сел его знакомый, работник аппарата ЦК, с которым я раньше не встречался. Разговор зашел об организации кооперативных магазинов, станций технического обслуживания, кафе.

— С экономической точки зрения это, наверное, выгодно, — сказал мой друг, — но с моей, личной, не очень.

— Боишься, что хозяева не будут тебя слушаться и ты не сможешь ими командовать как директорами государственных магазинов? — засмеялся цеховец.

— Как раз наоборот, — не согласился секретарь обкома. — Частники окажутся зависимыми не только от областного руководства, но и от районного. Появится много возможностей для того, чтобы их терроризировать. А сколько будет злоупотреблений со стороны должностных лиц! Хуже, чем при НЭПе. Однако это только одна сторона медали.

— Откачка рабочих рук из производства? — подсказал цеховец.

— Это тоже очень важно, — согласился секретарь обкома. — Квалифицированные и трудолюбивые рабочие уйдут из важных объектов в кооперативные артели, ремонтные це-

ха. Это ослабит нашу экономику. Однако главную проблему я все-таки вижу не в этом. Когда появятся кооперативные магазины, ремонтные мастерские, столовые, цены там, естественно, будут высокие, а обслуживание хорошее. Кто будет ими пользоваться? Конечно, не рабочий и не учительница. И начнут рабочие и учительницы писать письма и ходить с жалобами. А недовольные народные "правдоборцы", как всегда, очень горластые. Что будет — страшно подумать. Придется давать обратный ход. Другого пути я не вижу.

— Так же как при НЭПе? — вмешался я.

На сей раз ответил работник ЦК.

— НЭП был на заре нашего государства, тогда еще можно было признавать, что государство слабо и нужно временно допустить частника. Временно. Сейчас же возвращение частника означает признание неспособности государства организовать как производство, так и распределение. Таким образом, возвращение к частному сектору — это сдача всех позиций. И естественно, возникнет вопрос: зачем устраивали всю бодягу в октябре 1917 года.

— В этом и проблема, — подытожил секретарь обкома. — Привлечем хороших людей к хорошему делу, а потом сами же с ними будем расправляться.

— Ну а сама идея кооперативов, идея частного предпринимательства тебе нравится? — не отставал я.

— Очень нравится, — отвечал секретарь обкома. — Я бы очень хотел, чтобы завтра, когда я проснусь, все магазины уже были частными, и заводы частными, и земля — у частников. А я — губернатор, и мне не нужно требовать от них выполнения плана. Да, вот, пока солнце взойдет, роса очи выест.

Такая точка зрения, как у секретаря обкома, как у моих знакомых из Госплана — очень распространена. Эти люди вполне вписываются в понятие "реформаторов консервативного плана".

Консерваторы поддерживают идеи перестройки и гласности. Однако стремятся к ступенчатым изменениям, нерволюционным решениям. Внешне это представляется как

”торможение” очень революционных, но не всегда согласующихся с реальной действительностью идей левых реформаторов.

Консерваторы выступают за четкую дисциплину, за порядок на предприятиях, предупреждают, что бесперспективная болтовня может привести к анархии. Многим в СССР импонирует то, что они соглашаются принимать только такие решения, которые можно реально выполнить.

Они пользуются поддержкой технической элиты, партийного аппарата, а вероятно, и большинства Политбюро и Центрального Комитета. По крайней мере, на сегодняшний день.

Консерваторы — прежде всего, прагматики. Сегодня они полностью поддерживают реформы. Завтра, если поймут, что пропасть ни одним, ни двумя прыжками не перескочить, они изменят позицию.

Они — за товарно-рыночные отношения, но вводить их намерены постепенно, всегда готовые к торможению или отступлению.

Их больше интересует предоставление государственным предприятиям экономической самостоятельности, чем развитие кооперативного движения. Предоставление государственным предприятиям больших прав, по их мнению, должно поднять их производительность и улучшить общее экономическое положение в стране. К кооперативам они относятся пока выжидательно. Как только в адрес кооперативов усилится критика со стороны ”широких масс”, консерваторы могут дать задний ход.

Они — за предоставление большей самостоятельности национальным меньшинствам, не возражают против определенных элементов правового государства, но категорически против политического плюрализма.

К Ленину, к его теоретическим построениям они относятся в высшей степени утилитарно. По их мнению, культ Ленина необходим для простого народа. И ломать этот культ они не согласятся.

О позиции левого крыла реформаторов я уже много го-

ворил. Сейчас ограничусь только несколькими замечаниями.

Как бы они ни скрывали свои взгляды, какими бы эвфемизмами ни пользовались, их идеалы ясны: современное западное капиталистическое общество, в направлении которого они и стремятся направить советское.

Они умело пользуются терминами "административно-командная система", "общество с развитыми товарно-рыночными отношениями". Вместо: "Ленин был диктатором" они употребляют более мягкое: "Ленин и сам поверил в правильность командных методов".

Их платформу можно сжать до лозунга: "На Западе живут хорошо. Чтобы хорошо жить, надо внедрить такую же систему, как там". Даже малейшую критику Запада они снабжают смягчающими комментариями.

В отношении ленинщины у них иллюзий нет. Они — за полную и неукоснительную деленинизацию. Они умело пользуются критикой Сталина и его методов управления. При этом читателям сразу становится ясно, что критикуют они не только Сталина и его "административно-командную систему". Они критически относятся к марксизму, открыто в печати критикуют Энгельса, иногда Маркса.

Среди них много ученых, журналистов. Много очень уважаемых людей. Людей, любящих свою родину и готовых защитить ее. Они много и интересно пишут.

Часто их статьи полны едкой иронии в отношении устоявшихся советских терминов. Так, А. Боссарт пишет, что "железный занавес был создан после войны для того, чтобы не дразнить обнищавших победителей картинами *нормальной жизни*"<sup>7</sup>.

Весело читать некоторые статьи о Ленинграде. Иногда на целой газетной странице некоторые авторы умудряются ни разу не употребить слова *Ленинград*. Как только его ни называют: и *город Петра*, и *город на Неве*, и *город-герой*! Но только не *Ленинград*.

Как бы дальше ни развивались события, но эти люди сделали большое дело. Они выпустили джина из бутылки. Назад джина в бутылку уже не засунешь.

Большие группы реформаторов-центристов расположены правее "прорабов перестройки". Это большая часть аппарата, деятели культуры и науки. Они тоже стараются (а некоторые делают вид, что стараются) продвинуть советское общество в направлении рыночных структур и плюрализма. Они — сторонники перестройки и гласности в том виде, в котором эти элементы существуют сейчас в советском обществе.

Решительно отмежевываясь от сталинизма, реабилитируя "ленинскую" гвардию, апеллируя к позднему Ленину, они стараются втащить ленинизм в 21-й век, сделать из него нечто наподобие "конституционной монархии".

Особенностью этого направления реформаторов является отсутствие у его сторонников каких-либо продуманных экономических программ и "границ отступления".

Четкого ответа ни на один конкретный вопрос "центристы" не дают. Они — за кооперативное движение, но в какой форме и до какой степени — не знают. Они — за гласность, но границы ее определить не могут. Подготавливаемые ими проекты постановлений не принимаются (что уж совершенно немыслимо для Советского Союза) даже на сессиях Верховного Совета; так это было с планом прогрессивного налога для кооперативов.

Считать, что направление вбирает в себя только московскую интеллигенцию, было бы ошибкой.

Действительно, много представителей московской интеллигенции, особенно "выездных" государственных служащих, творческой интеллигенции занимают сейчас центристско-реформаторские позиции. Вместе с тем, публикуемые в газетах письма с мест свидетельствуют о том, что и в других городах и в других слоях общества приверженцев таких взглядов не меньше. Однако эти люди пока не могут получить широкой трибуны.

Ну а какая группа пользуется наибольшей поддержкой у населения?

Большинство населения, как вы знаете, дорогой читатель, занимает пока выжидательную позицию.

Одни считают, что за всеми нынешними реформами стоят находящиеся на вершине власти люди, которые решили изменить постепенными шагами существующую систему, чтобы спасти русскую нацию от продолжающейся физической и духовной деградации. Другие полагают, что перестройка задумана как некий эликсир для спасения обанкротившейся системы. Третьи уверены, что просто "новая метла метет по-новому, но пройдет время, и все станет на свои места". В свое время один из кадетских лидеров В. Маклаков говорил, что в России перемена политики всегда совпадает с переменной власти.

Однако большинство населения — против насильственных методов. Тот же Маклаков писал:

"Обыватели не хотят падения власти не из-за преданности ей, а из-за инстинктивного опасения беспорядков. Обыватель отворачивается от тех, кто является защитником власти, но не хочет революционных директив. Он при реформах хотел бы сохранить не только порядок, но прежний порядок, хотел только, чтобы при нем все пошло иначе"<sup>8</sup>.

Ну а какое место во всем этом широком спектре взглядов занимает генеральный секретарь?

Об этом стоит поговорить особо.

#### **4. ФЕНОМЕН ГОРБАЧЕВА.**

Самое простое и, конечно, лежащее на поверхности, было бы отнести Горбачева к группе центристов.

Однако, если проанализировать все сказанное о нем людьми, принадлежащими к разным кругам, то можно прийти к курьезному определению: Горбачев говорит как консерватор, действует как центрист, а на самом деле он — подпольный левый. Так ли это?

Первые два положения доказать не представляет сложности.

Действительно, если просмотреть речи Горбачева, особен-

но официальные, то особого реформизма или, во всяком случае, каких-либо положений, отличных от положений, высказываемых в подобных случаях Е. Лигачевым, там не много.

Но это — речи, а Горбачев — оратор плохой, он не умеет даже толком объяснить свою точку зрения. Может быть, он просто читает утвержденные Политбюро (а следовательно, и консерваторами) тексты?

Однако дважды удалось увидеть в деле реального Горбачева — во время обсуждения дела Ельцина в московском горкоме и проблемы Нагорного Карабаха в Верховном Совете. Тогда перед слушателями предстал хамоватый комсомольский работник, грубящий ректору университета, не утрачивающий себя логическими доводами, и уж никакой не интеллигент-реформатор. Таким же, кстати, он показался и во время визита в США в декабре 1987 года.

Но представлять Горбачева только так было бы ошибкой. Действительно, в речи на заседании, посвященном 70-летию революции, он в крайне осторожных, "лигачевских" тонах говорил о Бухарине и Троцком. Но та волна реабилитации, которая прошла через полгода после этой речи и, прежде всего, коснувшаяся Бухарина и теперь частично и Троцкого, не могла быть проведена без согласия Горбачева. Таких примеров можно привести немало.

Ну а как с мыслью о том, что Горбачев — подпольный левый?

Каких-либо объективных данных на этот счет нет. Очень настораживает идея о том, что-де, "как только Горбачев консолидирует всю власть в стране, он тогда и проявит себя настоящим левым".

Это крайне опасная мысль. Верить ей нельзя ни в коем случае. Уж слишком назойливо и по вполне определяемым каналам распространяется эта мысль. Сам Горбачев ни разу не дал возможности "заподозрить" в нем поклонника западных структур.

Никогда не следует забывать и то, что Горбачев стал таким, как он есть, только потому, что советская система переживает сейчас самый глубокий кризис за всю ее историю.

Он "левел" под давлением чудовищных провалов в экономике.

В июле 1983 года я участвовал в совещании секретарей парткомов загранколлективов в ЦК КПСС. Выступление Ю. Андропова, он тогда был генеральным секретарем, было запланировано на третий день совещания. Утром того дня, когда он должен был выступать, ведущий совещание, заведующий отделом ЦК КПСС С. Червоненко, сказал, что вместо Андропова будет выступать Горбачев.

Для нас, участников совещания, это было неожиданно. То, что Андропов последние дни чувствовал себя плохо, не было для нас новостью. Однако замена его Горбачевым, которого мы знали только как специалиста по сельскому хозяйству, означала для нас больше, чем просто замена выступающего. Мы понимали, что с программной речью о положении в стране может выступать только Номер Два. Следовательно, Горбачев стал Номером Два.

Горбачев не заставил себя ждать. Он вошел, весело поздоровался. "Сразу хочу поставить вас в известность, — начал он, — что я в первый раз выступаю перед такой аудиторией и совершенно не разбираюсь в международных проблемах. Поэтому останавливаться на них не буду. Мое выступление будет посвящено исключительно внутренним вопросам".

Держался он уверенно, производил впечатление человека умного, делового. Когда речь касалась сельского хозяйства, он часто и охотно отрывался от текста доклада, начав который, пошутил: "Вы же понимаете, что нельзя в такую аудиторию без доклада". Говоря о проблемах промышленности, иногда поглядывал в зал, словно проверяя его реакцию.

Все присутствовавшие хорошо знали истинное положение в стране. Только что председатель Госплана Байбаков, отвечая на вопросы, бросил грустную фразу: "В рамках допустимых возможностей наше экономическое развитие уже исчерпало себя". Заместитель министра обороны накануне вечером жаловался на "демографическую ситуацию": боль-



ше половины призывников в армии составляют теперь жители среднеазиатских республик.

Точку зрения Андропова мы тоже знали: "кризисное положение в стране сложилось благодаря тому, что в условиях безнаказанности коррупции и падения дисциплины все звенья производства, от управленческого персонала до рабочего у станка, перестали интенсивно выполнять свои функции".

Горбачев начал рассказывать о своей поездке в Канаду. Он с похвалой отозвался о канадских фермерах, рассказал о хорошем впечатлении, которое произвели на него сельскохозяйственные машины. Затем, казалось, как бы вне связи с только что изложенным, заметил: "Мы должны признать, что у нас в стране в последнее время начало возникать определенное несоответствие между производительными силами и производственными отношениями". Он прочел эту фразу из текста доклада, как бы подчеркнув, что не берет на себя полную ответственность за нее.

Теперь на эту фразу никто не обратил бы внимания. Но тогда она прозвучала крамолой. Правда, я помнил, что об этом вскользь упоминал и Андропов.

Голос Горбачева становился крепче. Он продолжал: "Для выправления сложившегося положения необходимы не только какие-то коррективы, но и реформы, вплоть до перестройки самой системы хозяйственного механизма".

Позже он будет часто повторять эту мысль. И само слово "перестройка" будет тесно привязано к его имени. Хотя приоритет принадлежит не ему. Еще зимой того же 1983 года Андропов писал: "Требования, предъявляемые уровнем материально-технического, социального и духовного развития советского общества, отстали от работы по совершенствованию и *перестройке* хозяйственного механизма, от форм и методов управления"<sup>9</sup>.

В перерыве мы обменивались мнениями. Нам понравился Горбачев и его доклад. Мы чувствовали новизну, определенную, хотя и санкционированную смелость. Видны были и желание работать и радостное головокружение от неожиданно доставшейся роли. "Верный ученик Андропова", — не то иро-

нически, не то одобрительно сказал мне сидевший рядом давний знакомый, секретарь одной из крупных парторганизаций.

Безнадежно больной Андропов признавал необходимость быстрее реформ. Но у него не было ни энергии, ни времени. Исполнителем его идей стал Горбачев.

Но какие это были идеи?

Нет, Андропов и не помышлял ни о правовом государстве, ни о — страшно даже подумать — политическом плюрализме. Вся его смелость не шла дальше введения определенных элементов товарно-рыночных отношений. В этом он видел лекарство, которое могло бы подкрепить больную систему.

Собственно, так и определяли дорогу Горбачеву. Но он пошел дальше.

Сейчас я не буду говорить о том, что толкнуло его на этот путь, но то, что именно он, а не кто другой, выбрал этот путь — совершенно ясно. На сей раз стране повезло: в нужное время на нужном месте оказался нужный человек.

Давайте скажем откровенно, соверши он хотя бы один неосторожный шаг, раскрой раньше чем нужно свои планы — не удержаться ему у власти.

И первые два года он двигался одновременно по двум направлениям: консолидация власти в своих руках и медленное подталкивание к необходимым реформам.

Но к началу 1987 года тот, кто с одобрением следил за деятельностью нового генерального секретаря, стал замечать его нерешительность. Во время многочисленных речей он скучно и многословно, с одними и теми же интонациями повторял сказанное уже не один раз. Начинало складываться впечатление, что все реформы он видит только в замене одних людей другими.

Нужны были решительные действия.

И появилась на свет идея о партийной конференции как панацеи от всех бед.

Впервые эту идею Горбачев высказал в декабре 1986-го — январе 1987 года. Ход его мыслей был ясен: нужно изме-

нить в свою пользу состав ЦК КПСС и Политбюро, но сделать это можно только на съезде. Однако порядок отбора делегатов на партийные съезды не позволяет провести в делегаты съезда большинство сторонников; правила эти определены Уставом КПСС, и изменить их можно только на съезде.

С подобными же трудностями столкнулся в конце 20-х годов и Сталин. Тогда Сталин, прикрываясь неясностью в Уставе партии в отношении выборов делегатов на конференцию, прибег к партийным конференциям и расправился с соперниками. И Горбачев решил повторить сталинский опыт, тем более, что неясность в отношении порядка отбора делегатов на партконференцию в Уставе партии сохранилась.

Главную свою задачу собрать на конференцию людей, близких ему, и провести кадровую перестановку Центрального Комитета Горбачев замаскировал необходимостью принятия на конференции "важных политических и экономических решений". В первом же упоминании о конференции на зимнем пленуме 1987 года Горбачев прямо сказал, что конференция должна принять важные политические и экономические решения, а также провести изменения кадрового порядка.

Однако уже к июню 1987 года он вынужден был уступить в главном: на конференции не будут приниматься кадровые решения. На этих условиях Политбюро и ЦК КПСС согласились на конференцию.

Но Горбачев не был бы Горбачевым, если бы он так легко отказался от главной идеи. Теперь он стал делать ставку на принятие конференцией таких политических решений, которые могли бы дать ему возможность все-таки освободиться от тех, кто ему мешает. Для этого ему нужно было добиться выбора на конференцию нужных ему людей.

Но чем ближе придвигались сроки конференции, тем становилось яснее, что именно здесь Горбачев и его команда сталкиваются с наибольшими трудностями: партийный аппарат, почти целиком находившийся в руках "консерваторов", утвердил систему выборов делегатов на партконференцию внешне новую и демократичную, но из-за отсутствия разь-

яснений и уточнений на деле сведшюся к полному повторению практики выборов на съезд. Произошло то, чего Горбачев боялся больше всего.

Сильный удар по Горбачеву был нанесен делом Ельцина. Испугавшись соперника, альтернативного кандидата на пост генсека, Горбачев поддержал Лигачева и добился снятия Ельцина с поста первого секретаря московского горкома... И проиграл Москву. Москву, где сосредоточено наибольшее количество наиболее близких ему и наиболее влиятельных "левых реформаторов".

Занявший место Ельцина Л. Зайков так организовал в Москве кампанию по выборам делегатов на конференцию, что основные "прорабы перестройки" оказались не только не выбраны, но и унижены. Так, коллектив Химико-технологического института имени Д. И. Менделеева на закрытом голосовании выбрал никому не известную студентку и завалил одного из крупных философов перестройки Ю. Афанасьева. Скандальным выглядел отказ в доверии Т. Заславской и Г. Попову. Причем заваливались они на "ура" и с удовольствием.

Примеру Москвы последовала периферия, где и без того положение сторонников Горбачева было крайне неустойчивым.

За две недели до начала конференции стало ясно, что команду Горбачева переиграли, выбирают "не их люди".

Поражение становилось реальностью. Центральная пресса, оставшаяся в руках генсека, начала бить тревогу. Однако, отвлеченная визитом в Москву президента США, она включилась в борьбу с явным и непростительным опозданием. Только в некоторых областях (Ярославль, Сахалин, некоторые другие) удалось несколько подправить состав делегатов. Даже личное давление Горбачева на послушный Зайкову московский партийный аппарат большого успеха не принесло. Выбранные благодаря настойчивости генсека Ю. Афанасьев и Попов чувствовали себя побитыми и существенного влияния на ход конференции оказать уже не могли.

Доклад Горбачева был явно неудачным. Генеральный секретарь говорил, как всегда, длинно и путано. По сути дела, его доклад ничем не отличался от подобных докладов Брежнева: обещания, расплывчатые формулировки, благие пожелания... Отдельные положения были настолько не продуманы (с командой Брежнева этого практически не случилось), что ему пришлось в ходе конференции (совершенно немыслимое ранее дело) снова брать слово для разъяснения.

Зал слушал напряженно. Долгое время без аплодисментов. Примечательно, что первые "бурные" аплодисменты Горбачев заслужил только в середине доклада, когда высказался в духе "консерваторов": "Последнее время мы не раз сталкивались с попытками использовать демократические права в антидемократических целях. Кое-кому кажется, что таким образом можно решать любые вопросы — от перекройки границ до создания оппозиционных партий. ЦК КПСС считает, что подобные злоупотребления демократией в корне противоречат задачам перестройки, идут вразрез с задачами народа".

Начал конференцию, дал "запев" первый секретарь Кемеровского обкома КПСС В. Бакатин, будущий министр МВД. Он обрушился на "тех, кто пытается принизить роль партии". С некоторой обидой упомянул он о "каких-то" "фантастических" привилегиях, которые имеют партийные работники".

Позже, на самой же конференции некоторые участники говорили о трудном первом дне конференции, о том, что выступления первого дня напомнили печально известную статью Нины Андреевой. И основания для этого были.

Первый секретарь Волгоградского обкома КПСС В. Калашников критиковал прессу. Но за этой критикой явственно виделся другой адрес: "Если проанализировать последние выступления в газетах и журналах, то можно прийти к выводу, что главными противниками перестройки являются местные партийные органы, особенно обкомы и райкомы партии. Хочет спросить, а кто же кроме партийных органов сегодня реально занимается перестройкой на местах? Неужели те

крикуны, которые выходят на улицу с сомнительными лозунгами и предлагают создать какие-то комиссии, комитеты содействия перестройке, вплоть до создания новой политической партии, о чем уже здесь говорилось”.

Партийный аппарат рвался в бой.

Несоблаговолившие выступить на конференции первые секретари Москвы и Ленинграда отправили на трибуну второстепенных лиц.

Молодой ленинградский рабочий В. Смирнов сразу же ринулся в бой: ”Готовясь к конференции, я побывал на многих предприятиях района. Внимательно знакомился с публикуемыми в печати материалами. И что настораживает. Идет огромная критическая волна на всех и вся в прошлом и мало дельных предложений по дню сегодняшнему, по существующим экономическим проблемам, по нашим перспективам и будущему. Если бы мы все вместе с такой же страстностью и яростностью навалились на экономику, стали бы работать так, как это требуем от других, то я думаю, что объектов для критики поубавится, да и жить нам будет полегче”.

Положение команды генсека становилось угрожающим.

Помогло крайне неудачное выступление секретаря московского горкома КПСС В. Белянинова. Тому дали слово четвертым. Потратив много времени на второстепенные вопросы, он перешел к главным, перерасходовав регламент. Зал ответил гулом неодобрения. Этим воспользовался ведущий заседание А. Яковлев и перебил Белянинова. Выступление было фактически скомкано, и создалось впечатление, что зал не поддержал консерватора.

Провал Белянинова создал неясность, которой ”команда Горбачева” немедленно воспользовалась и переломила характер выступлений.

В последующие дни обстановка изменилась. Теперь уже консерваторов и центристов выступало примерно поровну. Центристов даже больше. Но с центристских позиций выступали те, кто прямо не связан с партийным аппаратом — писатели, ученые, рабочие, крестьяне. Выступления же партийных работников по-прежнему носили консервативный характер.

На конференции не выступил ни один член Политбюро, кроме Горбачева и Лигачева; последнего явно вынудил на выступление Ельцин.

От тех ведомств, где руководители являются членами Политбюро, выступили второстепенные лица: маловлиятельные секретари из Москвы, Ленинграда, от МИДа – посол в ФРГ, мелкие сошки из министерства обороны. Крайне мало (и низкого уровня) было выступавших с Украины – всего три: второстепенный секретарь республики, председатель колхоза и писатель. Не выступил ни один секретарь обкома Украины.

Никто не выступил ни из Совета Министров, ни из Госплана. Не выступил ни один министр, ведающий промышленностью и сельским хозяйством. Эти ведомства просто игнорировали конференцию, своим нежеланием выступить давали понять, что для серьезных людей, реальных руководителей, конференция – не больше, чем дискуссионный клуб.

На прошедших сразу после конференции совещаниях экономических активов, на которых выступали и руководители Совмина, и Госплана, и министры, партийная конференция ни разу не была упомянута.

Все это походило на бойкот конференции, на явное пренебрежение идеями генсека.

Но Горбачев еще раз показал, что считаться с ним надо. Через месяц был собран Пленум ЦК. Горбачев снова выступил с докладом, но значительно откорректированным. На этом пленуме уже выступили члены Политбюро.

Было постановлено начать отсчет сроков пребывания на выборной должности с предстоящих отчетно-выборных конференций. Так как нынешний состав ЦК КПСС может быть обновлен только на съезде партии в 1990 году, то для членов Политбюро и ЦК это постановление закрепляет их возможность занимать свои посты до 2000 года, то есть *Горбачев узаконил свое пребывание на посту генерального секретаря на 12 лет вперед*. Это уже была победа.

В сентябре состоялся новый пленум. Новый раунд в борьбе за власть.

Не будем спешить с выводами.

Чего же все-таки хочет Горбачев?

Можно по-разному оценивать деятельность генерального секретаря. Можно давать разные оценки его планам. Можно по-разному интерпретировать его цели.

Одно совершенно очевидно: главная его стратегическая задача сегодня — консолидация всей власти в своих руках.

Ловкий политик и опытный аппаратчик, Горбачев понимает, что обычной, сложившейся в последние десятилетия практикой захватить полную власть в стране он не сможет. Не имея полной поддержки ни в Политбюро, ни в ЦК КПСС, неизменно оказываясь в проигрыше, когда речь заходит о конкретном применении провозглашаемых им реформ, он знает лучше, чем кто-либо другой, что, если в ближайшее время ему не удастся провести серьезных кадровых изменений в свою пользу, сам факт сохранения его на посту генерального секретаря может быть поставлен под сомнение.

Какие он предпримет меры, предсказать трудно.

Как и все "прорабы перестройки", он не имеет четкого представления о конкретном приложении провозглашаемых им реформ. Так, идея о совмещении должностей секретарей обкомов и председателей облсоветов излагалась им в такой труднопонятной и непродуманной до конца форме, что какой-либо ясности по этому поводу не было практически ни у кого. То же самое с кооперативной деятельностью.

Ни разу не дал Горбачев возможности усомниться в его приверженности ленинизму. Он всегда подчеркивает, что он — убежденный марксист, сторонник однопартийной системы.

Но вместе с тем было бы неправильным не признавать, что *Горбачев стал "знаменем либеральной революции"*. От его имени и под прикрытием его имени в СССР происходят реальные перемены. Их прогрессивное влияние на другие страны очевидно. Каковыми бы ни были истинные воззрения и планы Горбачева, игнорировать их, самого Горбачева, его реформизм — реальный или мнимый — было бы непростительной ошибкой.

Все мы заинтересованы в том, чтобы Горбачев оставался



на своем месте так долго, пока не станет реальностью приход к власти более прогрессивных групп.

Пусть сами идеи гласности и перестройки "придуманы" не самим Горбачевым, пусть он говорит о них крайне путано и надоедливо, пусть многие считают, что делает он это только из карьерных соображений, пусть часто он предстает в облике грубоватого и прямолинейного провинциального функционера, но отрицать того факта, что сама нынешняя "реформаторская" обстановка в СССР возникла не только просто под его руководством, но и под его давлением, нельзя.

Кроме того, он действительно представляется "реформатором" номер один.

## **5. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ СИЛЫ СНОВА НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ.**

Мы уже хорошо знакомы, дорогой читатель, с деятельностью народных фронтов в Эстонии, Латвии и Литве.

Опыт народных фронтов в этих республиках заслуживает самого пристального изучения. Формально не провозглашая себя партией, тем более оппозиционной партией, эти организации фактически являются политическими партиями, платформы которых существенно отличаются от платформы КПСС.

Это позволило привлечь в эти фронты большое количество членов КПСС.

Если бы национальные фронты официально провозгласили себя оппозиционной КПСС организацией, то тогда члены КПСС оказались бы перед альтернативой: или КПСС или фронт. И хотя членство в КПСС, как мы с вами хорошо знаем, является не призванием, не политическим выбором, а необходимостью, и большинство членов компартии вступили в нее только по карьерным или престижным соображениям, в настоящее время открыто уйти из нее решаются немногие, тем более те, кто занимают руководящие посты.

Но народные фронты в Прибалтике официально не про-

возгласили себя партиями, и, таким образом, двери для членов КПСС остались открытыми. Многие ведущие партийные и хозяйственные руководители этих республик стали активистами этих фронтов, что придало фронтам особую силу.

Иное положение сложилось в других республиках.

Морально-этические и чисто интеллектуальные возможности многих местных руководителей не дают им основания претендовать на роль истинных национальных лидеров, патриотов, активистов народного фронта. Добавьте к этому разъеденный коррупцией аппарат. Поэтому там уже при зарождении народных фронтов сразу же возникало противоречие: народный фронт — партаппарат.

Поэтому так активно препятствует партаппарат на Украине и в Белоруссии любым несанкционированным движениям, которые могли бы привести к созданию народного фронта.

Ну а как обстоят дела в России?

Представляется, что и здесь дело сдвинулось с мертвой точки.

Вы, дорогой читатель, конечно, наслышаны о создании многочисленных неформальных организаций, занимающихся, кроме всего прочего, и политическими вопросами. Вы слышали, наверное, о демонстрациях в Москве, Ленинграде, Горьком, Куйбышеве, Свердловске.

Сначала это были только разрозненные, небольшие группировки.

Но уже весной этого года в СССР возникла первая за последние 70 лет политическая партия — Демократический союз.

Платформа Демократического союза близка к платформам современных крупных европейских партий. Она защищает те же общечеловеческие ценности, провозглашает те же гражданские права. После разгрома кадетской партии не было в СССР ни одной политической организации, которая открыто выступала бы за построение общества на демократической основе.

Демократический союз подвергается гонениям бóльшим, чем какая-либо иная политическая организация.

Послушать нашу прессу, то члены Демократического союза – почти террористы: они ”игнорируют закон, угрожают правопорядку, провоцируют столкновения”. Не лишне упомянуть, что Демократический союз с самого возникновения однозначно высказался за ненасильственные меры.

Но симпатии многих на стороне Демократического союза. Интересно проследить, как корреспондент ”Литературной газеты” в статье, где он резко критикует Демократический союз (как он их ни называет: и ”спекулянтами на перестроечном механизме”, и ”правовыми и политическими нигилистами”), тем не менее, умудряется донести до читателей программу союза с указанием плана его дальнейшей деятельности<sup>10</sup>.

Чего стоит, например, упоминание автором статьи таких призывов из программы Демократического союза: ”Наше место на улицах, площадях с листовками и транспарантами, наше место на заводах, где мы будем учить трудящихся бастовать”. Чудеса да и только!

Посмотрим, что же все-таки не нравится в программе Демократического союза<sup>11</sup>.

– Демократический союз ”отрицает идеологию ленинизма”. Что ж! Остается только поздравить его. Потому что без отрицания идеологии ленинизма, как мы уже говорили, никаких позитивных перемен в СССР осуществить невозможно.

– Демократический союз ”выступает за роспуск КГБ, за отмену воинской повинности”. Как мы видели, за отмену воинской повинности выступают многие, в том числе государственные деятели, и их статьи печатаются в нашей прессе. Что же касается роспуска КГБ, то речь идет о ликвидации карательных функций, приданных КГБ, а не о роспуске самой организации, которая, как и все аналогичные учреждения в мире, должна противодействовать иностранным разведкам. Кстати, с такой постановкой вопроса согласны многие видные сотрудники КГБ, которых я хорошо знаю.

– Демократический союз ”утверждает, что никакой об-

щественной собственности у нас в стране нет". Если повнимательнее прочитать уже много раз цитированные мною статьи Нуйкина и Селюнина, можно убедиться, что их авторы – такого же мнения.

– Демократический союз утверждает, что "для решения всех вопросов, проблем и трудностей необходима свобода политических партий, наличие независимой прессы, свободных от государственной власти профсоюзов". Точно такого же мнения, как мы видели выше, придерживается Председатель Президиума Верховного Совета Литвы А. Горбунов.

– Демократический союз "клеветает на советский строй, изображает советскую систему как репрессивную, антидемократическую". Это напоминает известную притчу о школьнике, которого высекли за клевету на школу: он утверждал, будто бы в школе практикуются телесные наказания.

– Демократический союз "не отрицает западный опыт плюрализма". Интересно, а кто из серьезных специалистов в СССР это отрицает?

– Демократический союз "признает, что ищет формы русской демократии до нашей революции". Что ж, преемственность – неплохое дело.

К месту вспомнить о Конституционно-демократической партии России, или, как ее называли сокращенно, кадетской партии. Программа этой старинной русской партии очень близка к программе Демократического союза. Демократический союз вполне может считать себя ее преемником.

Либеральная и европейская по своему характеру, кадетская русская партия – "главная буржуазная партия России", как назвал ее Ленин, – всегда выступала за демократические формы правления, за участие России в европейских процессах, за мирные пути развития Российского государства.

Члены этой партии решительно и до последнего боролись против ленинского хаоса. Это была партия, где основными теоретиками и практиками были всемирно известные ученые, адвокаты, финансисты, промышленники, инженеры, врачи.

Лидер партии П. Милюков – историк с мировым именем.

Членом руководства партии был академик В. Вернадский. Именно его упоминает со злостью Ленин: «Группа из 22 выборных членов Государственного Совета, Гучков, Стахович, Трубецкой, профессор Васильев, Grimm, Вернадский и др., отправила вчера телеграмму царю, умоляя его для спасения "династии" и пр. и пр. создать Думу и назначить главу правительства, пользующегося "доверием нации"»<sup>12</sup>.

Кстати, все больше и больше людей в Советском Союзе рассуждают так: "Если бы в 1917 году победили кадеты, мы бы не знали сталинских ужасов, не знали бы, что такое нехватка товаров, жили бы, как живут сейчас на Западе".

"Нужно было выбирать кадетов и колбасу, а наши деды выбрали Ленина и очереди", — сказал мне как-то мой посольский друг, ныне уже генерал.

Ленин ненавидел и боялся кадетов. "Кадетский синдром" Ильича, видимо, распространился и на нынешних руководителей. Если "Памяти" позволено делать на улицах все, что вздумается, то Демократическому союзу не прощается ничего. Можно подумать, что "Память" — это организация по изучению сказок Андерсена, а Демократический союз — шайка несмышленных террористов.

В конце октября в Москве состоялась конференция, на которой присутствовало около 500 человек.

"Это были деятели искусства, культуры и науки, члены КПСС и беспартийные. Основу делегатов составили члены общества "Мемориал", поставившего перед собой задачу добиться сооружения монумента в память о жертвах сталинского режима. Почетным членом президиума конференции был академик А. Сахаров"<sup>13</sup>.

Объявлено, что "в декабре "Мемориал" проведет двухдневную конференцию, на которой будет окончательно определен статус этой организации. Функции ее, очевидно, выйдут далеко за рамки сооружения монументов и музеев. Новая группа оформится организационно как аналог национальных фронтов, уже функционирующих в прибалтийских республиках"<sup>14</sup>.

Итак, идет речь о создании народного фронта России. Но не будем спешить. Слишком долго мы ждали этого. Как бы не ошибиться!

В том, что задачей-максимум этой организации будет построение промышленного общества по образцу западных демократий, сомневаться не приходится.

Важно знать, как новый фронт будет решать задачу-минимум — деленинизацию нашего общества. То, что он должен будет это решать, — несомненно. Отмежевание от Ленина, от ленинизма — это лакмусовая бумажка для определения серьезности намерений любой политической группы.

В какой степени будет Народный фронт антиленинским, в какой форме он выскажется против ленинизма — от этого зависит его будущее. А может быть, и наше будущее с вами, дорогой читатель.

Настойчиво бубнил Ленин о скором конце капитализма. История посмеялась над Лениным.

Он перепутал проходящий поезд с уходящим. Перепутал голову с хвостом. Не понял, что империализм, который он описывал в начале века, — не высшая, последняя стадия капитализма, а как раз наоборот — его первая, младенческая стадия.

Капитализм живет и не хочет гнить. А вот ленинщина захла.

Потому что созданные на ее основе государственные структуры — феодальны по своей сущности. Высшая и, хочется надеяться, последняя стадия феодализма подходит к концу.

Делает последние обороты ленинская машина, старомодная, неповоротливая, кровавая.

Семьдесят лет многому научили. Даже тех, кто учиться не хотел.

И начинают понимать самые непонятливые, что, так же, как считают сейчас, сколько раз поэт в своих стихах упомянул имя Сталина; так же, как сейчас краснеют экономисты,

писавшие о "развитом" социализме, — так же скоро, очень скоро, будут считать, сколько раз ты помянул Ленина, сколько раз сослался на его "указания", сколько раз призывал идти его путем.

Ничего хорошего для нашей страны Ленин не сделал. Время и народ подпишут ему приговор.

Только вопрос времени, когда наш город на Неве снова станет городом Петра; когда наша лучшая библиотека снова станет библиотекой Румянцевского музея; когда мы с вами, дорогой читатель, придем на Воробьевы горы; когда скинут уродливые бюсты Ленина, как скидывали недавно бюсты Сталина.

И бело-сине-красный русский национальный флаг обязательно взвоет над нашими правительственными учреждениями! Пока что в первый раз за семьдесят с лишним лет он недавно был поднят на большом митинге в Ленинграде. Что ж. Лиха беда начало!

Все это неизбежно.

Только слепцы и невежды от истории не видят этого.

И снова встает перед Россией проблема: за кем идти.

За кем пойдет русский народ, за "Памятью" или за народным фронтом? Направо или налево?

Одно только ясно, что за Лениным, за ленинщиной не пойдет никто. Их время вышло. Деленинизация нашей страны превратилась в главную задачу дня.

И снова "над седой равниной" нашей страны "ветер тучи собирает". И снова слышен знакомый крик: "Буря! Скоро грянет буря!"

Как сделать, чтобы мы снова не заблудились в буре, как в ту осень 1917 года? Чем мы, в конце концов, хуже других! Как сделать, чтобы наш корабль, наконец, прибило к нужному берегу?

И снова вопрос "Что делать?" стал вопросом вопросов.

## ПРИМЕЧАНИЯ

### Глава 1-я

- 1 М. Горький. "Новая жизнь", № 174, 7(20) ноября 1917.
- 2 Сборник. "Ленин. Октябрь семнадцатого". М., 1986, т. 2.
- 3 Там же.
- 4 М. Горький. "Новая жизнь", № 174, 7(20) ноября 1917.
- 5 Г. Плеханов. "Открытое письмо к петроградским рабочим". Полное собрание статей и речей. Т. 2. Париж, 1921.
- 6 В. Селюнин. "Новый мир", № 5, 1988.
- 7 В. Васильев. "Огонек", № 40, 1988.
- 8 Там же.
- 9 Политическая экономия. М., 1978.
- 10 Р. Бахтамов. "Страна и мир", № 3, 1988.
- 11 В. Селюнин. "Новый мир", № 5, 1988.
- 12 Там же.
- 13 Н. Шмелев. "Новый мир", № 6, 1987.
- 14 Академия Наук СССР. М., 1984.
- 15 А. Нуйкин. "Новый мир", № 6, 1987.
- 16 "Известия", № 267, 1988.
- 17 В. Ленин. Изд. 2-е, т. 19, с. 175.
- 18 Ю. Черниченко. "В мире книг", № 9, 1987.
- 19 "Известия", № 267, 1988.
- 20 Там же, № 269, 1988.
- 21 "Неделя", № 32, 1988.



## Глава 2-я

- 1 Н. Шмелев. "Новый мир", № 4, 1988.
- 2 В. Ленин. Изд. 5-е, т. 41, с. 70.
- 3 "Известия", № 257, 1988.
- 4 Г. Арбатов. "Известия", № 257, 1988.
- 5 "Огонек", № 41, 1988.
- 6 "Неделя", № 37, 1988.
- 7 "Огонек", № 29, 1988.
- 8 Там же, № 40, 1988.
- 9 "Известия", 17 августа 1988.
- 10 "Огонек", № 29, 1988.
- 11 М. Жванецкий. "Неделя", № 40, 1988.
- 12 "Известия", № 225, 1988.
- 13 Там же, № 248, 1988.
- 14 Там же, № 256, 1988.
- 15 Там же, № 233, 1988.
- 16 Л. Жуховицкий. "Огонек", № 39, 1988.
- 17 А. Нуйкин. "Новый мир", № 2, 1988.
- 18 Г. Арбатов. "Известия", № 257, 1988.
- 19 В. Иванович. "Русские партии, союзы и лиги". Петербург, 1906.
- 20 А. Нуйкин. "Новый мир", № 5, 1988.
- 21 Там же, № 2, 1988. мир", № 2, 1988.
- 22 "Известия", № 272, 1988.
- 23 Латвийская газета "Советская молодежь", 12 августа 1988.
- 24 "Известия", № 274, 1988.

## Глава 3-я

- 1 А. Шамов. "Известия", № 311, 1987.
- 2 М. Горький. "Новая жизнь", № 156, 18(31) октября 1917.
- 3 "Огонек", № 27, 1988.
- 4 "Юность", № 5, 1988.

- 5 Е. Габрилович. "Приход луны". М., 1987, с. 103.
- 6 В. Валентинов. "Малознакомый Ленин". Воспоминания. Париж, 1972.
- 7 Там же.
- 8 В. Ленин. Изд. 2-е, т. 19, с. 275.
- 9 Т. Алексинская. "Родная земля", № 1, 1926.
- 10 Б. Никитин. "Роковые годы". Париж, 1937.
- 11 А. Герасимов. "На лезвии с террористами". Париж, 1934.
- 12 "Ленин, о Ленине и ленинизме". Сборник статей. "Московский рабочий", 1925.
- 13 В. Ленин. Письмо к М.А. Ульяновой, 29 апреля 1897.
- 14 В. Ленин. Письмо у М.А. Ульяновой, 20 июня 1897.
- 15 "Ленин – товарищ, человек". Сборник. М., 1987.
- 16 Письмо Н. Крупской к А. Елизаровой, 9 марта 1912.
- 17 В. Ленин. Изд. 2-е, т. 19, с. 276.
- 18 В. Валентинов. "Малознакомый Ленин". Воспоминания. Париж, 1972.
- 19 Н. Крупская. Воспоминания. М., 1932 и 1934.
- 20 В. Ленин. Изд. 2-е, т. 19, с. 74.
- 21 Д. Ульянов. "Воспоминания о Владимире Ильиче". М., 1964.
- 22 В. Ленин. Изд. 4-е, т. 16, с. 278.
- 23 Там же. Изд. 2-е, т. 19, с. 357.
- 24 Там же. Изд. 5-е, т. 45, с. 189.
- 25 Там же. Изд. 4-е, т. 35, с. 275.
- 26 Там же. Изд. 2-е, т. 19, с. 279.
- 27 Там же, с. 353–354.
- 28 Там же. Изд. 3-е, т. 29, с. 489.
- 29 Там же. Изд. 4-е, т. 36, с. 448.
- 30 Там же. Изд. 2-е, т. 29, с. 495.
- 31 Там же, с. 491.
- 32 Там же. Изд. 4-е, т. 36, с. 448.
- 33 Там же, т. 16, с. 278.
- 34 Там же. Изд. 5-е, т. 51, с. 262.
- 35 Там же, т. 54, с. 82.
- 36 Там же, с. 30.

- 37 Ленинский сборник, т. 39, с. 242.
- 38 В. Ленин. Изд. 5-е, т. 41, с. 151.
- 39 "Роковые годы". Париж, 1937.
- 40 В. Ленин. "Письмо в редакцию "Новой жизни". Изд. 3-е, т. 21.
- 41 В. Ленин. Изд. 3-е, т. 29, с. 354.
- 42 Б. Никитин. "Роковые годы". Париж, 1937.
- 43 Л. Мартов. Спасители или упразднители. Париж, 1911.
- 44 Т. Алексинская. "Воспоминания русского социалиста". Париж, 1923.
- 45 Б. Никитин. "Роковые годы". Париж, 1937.
- 46 "Правда", 21 января 1954.
- 47 Сборник. "О Надежде Крупской", 1986.
- 48 Н. Крупская. "О Ленине". М., изд. политической литературы, 1983, с. 50.
- 49 Сборник. "О Надежде Крупской", 1988.
- 50 Там же.
- 51 Речь идет о "Письме членам ЦК". В. Ленин. Изд. 2-е, т. 21, с. 363.
- 52 Л. Троцкий. "История русской революции". Т. 2, ч. 2. Берлин, 1933.
- 53 В. Ленин. Изд. 2-е, т. 21, с. 455.
- 54 "Огонек", № 42, 1988.
- 55 "Правда", № 18, 1929.
- 56 В. Ленин. Изд. 3-е, т. 29, с. 44.
- 57 Ю. Анненков. "Дневник моих встреч". Нью-Йорк, 1966.
- 58 А. Балабанова. "Ленин". Ганновер, 1959.
- 59 П. Дауге. Дарбс, № 1. Рига, 1925.
- 60 В. Ленин. "Ленинский сборник", т. 25, с. 144.
- 61 Г. Нилов. "Страна и мир", № 5, 1988.
- 62 Латвийская газета "Советская молодежь", 12 августа 1988.
- 63 М. Горький. "К демократии". "Новая жизнь", № 174, 7 (20) ноября 1917.
- 64 Евангелие от Матфея, 7, 15.
- 65 Д. Штурман, С. Тиктин. "Советский Союз в зеркале политического анекдота". Лондон, 1985.

66 Сборник. "Наш Ильич". М., 1969, с. 52.

67 Независимый журнал "Референдум", № 8, 1988.

#### Глава 4-я

1 В. Ленин. Изд. 3-е, т. 17, с. 353.

2 Там же. Изд. 2-е, т. 21, с. 392.

3 Сборник. "Наш Ильич". М., 1969, с. 19.

4 В. Ленин. Изд. 2-е, т. 19, с. 141.

5 Дж. Гобсон. "Империализм". Лондон, 1938; и Л. Фишер. "Жизнь Ленина". Лондон, 1964.

6 В. Ленин. Изд. 2-е, т. 19, с. 119.

7 Там же, с. 302.

8 Там же, с. 119.

9 Там же, с. 123.

10 Г. Арбатов. "Известия", № 257, 1988.

11 В. Ленин. Изд. 2-е, т. 19, с. 100–101.

12 Н. Шмелев. "Новый мир", № 6, 1987.

13 В. Ленин. Изд. 2-е, т. 19, с. 102.

14 "Известия", № 267, 1988.

15 Н. Шмелев. "Новый мир", № 6, 1987.

16 Там же.

17 В. Ленин. Изд. 2-е, т. 21, с. 363.

18 Там же. Изд. 5-е, т. 40, с. 26.

19 В. Селюнин. "Новый мир", № 5, 1988.

#### Глава 5-я

1 В. Ленин. Изд. 2-е, т. 26, с. 87.

2 "Новый мир", № 6, 1987.

3 Там же.

4 "Огонек", № 34, 1988.

5 "Новый мир", № 6, 1987.

6 Там же.

7 "Огонек", № 29, 1988.

- 8 Ю. Щекочихин. "Литературная газета", № 33, 1988.
- 9 И. Адрим. "Континент", № 57, 1988, с. 307.
- 10 В. Тихонов. "Литературная газета", № 31, 1988.
- 11 В. Ленин. Изд. 5-е, т. 39, с. 421.
- 12 "Огонек", № 31, 1988.
- 13 "Известия", № 325, 1987.
- 14 "Новое русское слово". Нью-Йорк, 23. 9. 1988.
- 15 "Известия", № 299, 1988.
- 16 В. Чурбанов. "Огонек", № 37, 1988.
- 17 "Огонек", № 37, 1988.
- 18 Там же, № 34, 1988.
- 19 Здесь и далее из письма участников семинара "Демократия и гуманизм". М., лето 1987.
- 20 И. Дементьев. "Известия", № 325, 187.
- 21 Л. Никитинский. "Огонек", № 32, 1988.
- 22 Там же.
- 23 "Литературная газета", № 29, 1988.
- 24 "Огонек", № 48, 1988.
- 25 "Литературная газета", № 29, 1988.
- 26 "В. Ленин о международной политике и международном праве", сборник. М., 1958.
- 27 Ю. Мейер. "Новое русское слово". Нью-Йорк. 28, 11. 1987.
- 28 Ю. Поляков. "Юность", № 11, 1987.
- 29 "Юность", № 5, 1988.
- 30 "Огонек", № 33, 1988.
- 31 "В. Ленин о международной политике и международном праве", сборник. М., 1958.
- 32 В. Ленин. Изд. 2-е, т. 19, с. 227–228.

#### Глава 6-я

- 1 "Известия", № 290, 1988.
- 2 Там же, № 245, 1988.
- 3 Там же.
- 4 А. Васинский. "Известия", № 290, 1988.

- 5 "Литературная газета", № 38, 1988.
- 6 В. Ленин. Изд. 2-е, т. 20, с. 5.
- 7 "Юность", № 3, 1988.
- 8 "Огонек", № 39, 1988.
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 В. Ленин. Изд. 2-е, т. 20, с. 5.
- 12 Там же. Изд. 3-е, т. 29, с. 286.
- 13 М. Баглай. "Известия", № 245, 1988.
- 14 Там же.
- 15 Н. Саутин. "Известия", № 288, 1988.
- 16 В. Селюнин. "Новый мир", № 5, 1988.
- 17 Н. Шмелев. "Новый мир", № 6, 1987.
- 18 Там же.
- 19 Там же.
- 20 "Нью-Йорк таймс", 24 октября 1988.
- 21 "Вашингтон пост", 24 октября 1988.
- 22 "Огонек", № 41, 1988.
- 23 В. Щербаков. "Золотой чертог Посейдона", сборник "Поиски Атлантиды". М., "Мысль", 1986. Предисловие д-ра исторических наук А. Смирнова.
- 24 Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 по июль 1941.
- 25 Н. Шмелев. "Новый мир", № 4, 1988.
- 26 А. Коротков. "Известия", № 280, 1988.
- 27 Г. Локшин. "Огонек", № 30, 1988.
- 28 "Известия", № 295, 1988.
- 29 Там же.
- 30 Там же.

#### Глава 7-я

- 1 Л. Васильева. "Литературная газета", № 12, 1988.
- 2 "Новое русское слово". Нью-Йорк, 5–12 января 1988.
- 3 "Известия", № 227, 1988.
- 4 Н. Шмелев. "Новый мир", № 4, 1988.

- 5 А. Нуйкин. "Новый мир", № 1, 1988.
- 6 В. Селюнин. "Новый мир", № 5, 1988.
- 7 А. Боссарт. "Огонек", № 29, 1988.
- 8 В. Маклаков. "Воспоминания". Париж, 1951.
- 9 Ю. Андропов. "Коммунист", № 3, 1983.
- 10 "Литературная газета", № 35, 1988.
- 11 Здесь и далее из "Литературной газеты", № 35 и № 38, 1988.
- 12 В. Ленин. Изд. 2-е, т. 20, с. 23.
- 13 Агентство Рейтер, 31 октября 1988.
- 14 Там же.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

### ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

#### СССР – ГОСУДАРСТВО ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

##### Гл. 1-я. СОЦИАЛИЗМ В СССР ПОСТРОЕН НЕ БЫЛ.

1. Семьдесят потерянных лет . . . . . 9
2. Кто реально является собственником средств  
производства и рабочей силы в СССР. . . . . 13
3. Советская система – докапиталистическая  
формация . . . . . 22

##### Гл. 2-я. КУДА ВЕДЕТ ПЕРЕСТРОЙКА.

1. СССР – на беспрецедентном перекрестке . . . . 35
2. Почему люди не верят перестройке . . . . . 40
3. Впереди пропасть . . . . . 45
4. Гласность + перестройка + деленинизация  
общества . . . . . 53

### ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

#### ТРИ КРИЗИСА ЛЕНИНИЗМА

##### Гл. 3-я. КРИЗИС МИФОВ О ЛИЧНОСТИ ЛЕНИНА.

1. Ленину верить нельзя . . . . . 63
2. Ленин такой, каким он был на самом деле . . . 66
3. Сталин – верный продолжатель дела Ленина. . 83
4. Разоблаченный Ленин . . . . . 87



## **Гл. 4-я. КРИЗИС ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ЛЕНИНИЗМА.**

1. Ленинские теоретические выкладки  
или неверны или устарели . . . . . 90
2. Империализм и монополистический  
капитализм — не синонимы. В этом главный  
просчет Ленина . . . . . 94
3. Кризис ленинизма как доктрины. . . . . 102

## **Гл. 5-я. КРИЗИС ЛЕНИНИЗМА КАК ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ.**

1. КПСС: две партии в одной партии . . . . . 105
2. Промышленность и сельское хозяйство —  
в тупике . . . . . 108
3. Здравоохранение, народное образование,  
наука — слов много, дела мало . . . . . 118
4. Культурный уровень населения падает . . . . . 122
5. Мафия рвется к власти . . . . . 125
6. Угроза новой войны . . . . . 128
7. Крах советской империи. . . . . 133

## **ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ**

## **Гл. 6-я. ПЯТЬ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПЕРЕСТРОЙКИ.**

1. Установление гарантий политического  
плюрализма . . . . . 143
2. Создание правового государства . . . . . 153
3. Восстановление товарно-рыночных  
отношений в полном объеме. . . . . 163
4. Предоставление независимости народам,  
входящим в СССР . . . . . 173

5. Формирование армии на добровольной основе . . . . .	188
---	-----

**Гл. 7-я. КАК ПЕРЕШАГНУТЬ ЧЕРЕЗ ЛЕНИНИЗМ.**

1. Расстановка сил . . . . .	195
2. Правые группировки – за национальное государство . . . . .	198
3. Реформаторы начали революцию сверху. . . . .	206
4. Феномен Горбачева . . . . .	213
5. Демократические силы снова на политической арене . . . . .	224

<b>ПРИМЕЧАНИЯ . . . . .</b>	<b>231</b>
-----------------------------	------------